

ТОЛСТОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

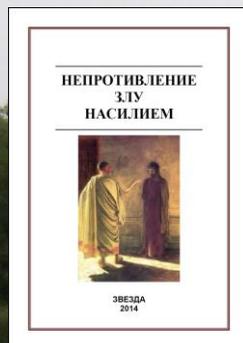
Л. Н. Толстой с внуками Соней и Илюшей
(рассказывает сказку об огурце)
Крекшино, 1909 г. Фото В. Г. Черткова

№ 6 ●● Июнь ●● 2016

Электронная библиотека «Вне насилия» предлагает своим читателям сборник «Непротивление злу насилием». (80, PDF):

<http://antimilitary.narod.ru/samizdat.htm>

«Толстовский Альманах» доступен для скачивания в электронной форме:

На сайте электронной библиотеки «Вне насилия»:

<http://antimilitary.narod.ru/samizdat.htm>

На сайте «Зеленая палочка»:

<http://zpalochka.narod.ru/bibl.html#ТА>

На страницах социальной сети «В Контакте»:

https://vk.com/religious_anarchism

<https://vk.com/club116670169>

Свои замечания и предложения просим читателей направлять в нашу редакцию по эл. адресу:

Tolst.Almanah@gmail.com

Не в силе Бог, а в правде.

16+

Издание
религиозно-философское,
общественно-социальное и
литературно-художественное

ТОЛСТОВСКИЙ АЛЬМАНАХ № 6 • ИЮНЬ • 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ГОЛОС Л. Н. ТОЛСТОГО

- Труд. Мысли Л. Н. Толстого** 3
Л. Н. Толстой. Любите друг друга. *Обращение*
к кружку молодежи 7

ВОКРУГ Л. Н. ТОЛСТОГО. ПРОШЛОЕ

- И. И. Горбунов-Посадов.** Счастлив тот... 17
С. А. Толстая. Ваничка. Спасенный Такс 20
А. П. Барыкова. Любимые куклы 29
Ф. Е. Поступаев. Избранные стихи и воспоминания
о Л. Н. Толстом. *С пред. Р. Алтухова* 31
Ф. А. Страхов. Государство или христианство 44
М. С. Дудченко. Письмо Муссолини 51

ВОКРУГ Л. Н. ТОЛСТОГО. СОВРЕМЕННОСТЬ

- В. Адаменко.** Доклад о фашизме 56
И. Овчаренко. Цель человека 70
П. Ефремов. Из письма о христианстве 72
Р. Алтухов. Учение Иисуса и Льва 77

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Т. М. Бондарев.** Трудолюбие и тунеядство, или
Торжество земледельца. *С пред. Л. Н. Толстого* 82

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

- И. А. Гордеева.** «Все люди — братья»: Юра
Диверсант и группа «Свободная инициатива» . 136

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

- В. Гюго.** Сила детства 180
И. Н. Крамской. Испытание в пустыне 183
Календарь литературных дат 185

ОБМЕН МНЕНИЯМИ

- В. Адаменко.** Дискуссия об отношении первых
христиан к войне. *Окончание* 187
Из переписки с читателями 195

В подготовке альманаха принимают участие:

*В. Адаменко (Россия), В. Аньянов (Россия),
Т. Бейсембаев (Казахстан), П. Ефремов (Россия—Германия),
И. Овчаренко (Украина) и др.*

Замечания и предложения просим читателей
направлять в редакцию по адресу:
tolst.almanah@gmail.com

Труд

Мысли Л. Н. Толстого

Труд, упражнение своих сил есть необходимое условие жизни. Человек может заставить других делать то, что ему нужно, но не может освободить себя от телесной потребности работы. Если он не будет работать нужное и разумное, он будет работать ненужное и глупое.

Избежать исполнения закона труда можно только грехом: или совершением насилия, или лестью и угодничеством перед насилием.

Если есть человек праздный, то есть другой человек — трудящийся через силу. Если есть человек пресыщенный, то есть другой — голодный.

Справедливость требует, чтобы брать от людей не больше того, что даешь им. Но нет

возможности взвесить свои труды и труды других, которыми пользуешься; кроме того, всякий час ты можешь лишиться возможности трудиться, а должен будешь пользоваться трудом других. И потому старайся давать больше, чем берешь, чтобы не быть несправедливым.

Ничто так, как труд, не облагораживает человека. Без труда не может человек соблудить свое человеческое достоинство. От этого-то праздные люди так заботятся о внешнем величии: они знают, что без этой обстановки люди презирали бы их.

Большая часть занятий праздных людей, считаемых ими трудами, есть забава, не только облегчающая труд других, но накладывающая на них новые труды.

Бывает труд ненужный, сутелливый, нетерпеливый, раздраженный, мешающий другим и обращающий на себя внимание. Такой труд гораздо хуже праздности. Настоящий труд — всегда тихий, равномерный, незаметный.

То, что можешь сделать сам, не налагай на другого. Всякий пусть метет перед своей дверью. А если каждый будет делать это, вся улица будет чиста.

Ручной труд есть долг и счастье для всех; деятельность ума и воображения есть деятельность исключительная; она становится долгом и счастьем только для тех, которые к ней призваны. Призвание можно распознать и доказать только жертвой, которую приносит ученый или художник своему покою и благосостоянию, чтобы отдаться своему призванию.

Из всех родов труда самый радостный — это труд земледельческий. Земледелие не есть одно из занятий, свойственных людям. Земледелие есть единственное занятие, свойственное

всем людям и дающее наибольшую независимость и благо.

Хорошо жить людям, если они убеждены в том, что трудовая жизнь уважительнее праздной, — убеждены в этом и живут так я сообразно этому и ценят и уважают людей.

Труд есть потребность, лишение которой составляет страдание, но никак не добродетель. Возведение труда в достоинство есть такое же уродство, каким бы было возведение питания человека в достоинство и добродетель.

Несомненное условие счастья есть труд: во-первых, любимый и свободный труд; во-вторых, труд телесный, дающий аппетит и крепкий, успокаивающий сон.

Хочешь доброго расположения духа: трудись до усталости, но не через силу. Хорошее душевное состояние нарушается всегда праздностью и только иногда чрезмерным трудом.

Разных авторов

Работай постоянно, не почитай работу для себя бедствием, и не желай себе за это похвалы.

Марк Аврелий.

Природа не знает остановки в своем движении и казнит всякую бездеятельность.

Гёте.

Кто не хочет трудиться, тот и не ешь.

2 посл. Фессалон., гл. 3, ст. 10

Воистину самая лучшая пища та, которую вы сами или ваши дети заработали.

Магомет.

Есть только три пути, какими человек может приобретать богатство: путем труда, путем выпрашивания и путем кражи. И если трудящиеся получают так мало, то только потому, что слишком много приходится на долю нищих и воров.

Генри Джордж.

Мало того, что вы трудолюбивы! Над чем вы трудитесь?

Торо.

Всякий ручной труд облагораживает человека. Не обучать сына ручному труду — все равно что готовить его к грабежу.

Талмуд.

Физически невозможно, чтобы истинно религиозное понимание и чистая нравственность существовали в тех классах народа, которые не добывают своего хлеба трудами рук своих.

Джон Рёскин.

Кто покупает хлеб на базаре, того можно уподобить осиротевшему грудному ребенку: многие кормилицы кормят его, но ребенок все-таки голодает; кто же потребляет собственный хлеб, тот подобен ребенку, вскармливаемому грудью материнскою.

Талмуд.

Кто не работает землю, тому земля говорит: «За то, что ты не работаешь меня правой и левой рукой, вечно будешь стоять у чужих дверей вместе со всеми попрошайками, вечно будешь пользоваться отбросами богатых».

Зороастр.

Лучше лишиться жизни, чем льстить низким. Нищета лучше, чем роскошь через служение богатым. Не стоять у дверей богатого и не говорить голосом просителя — это лучшая жизнь.

Инд. Гитопадезе.

Лучше, много лучше каждому человеку взять веревку и пойти в лес за дровами и продать вязанку дров на пищу, чем просить ее у людей. Если люди не дадут, будет стыдно и досадно, а если дадут, будет еще хуже: будешь обязан перед теми, кто дал.

Магомет.

Лучше человеку умереть голодной смертью, чем лишиться невинности ради добывания хлеба.

Торо.

Как ни прекрасна одежда, жалованная царем, своя грубая одежда лучше, и хотя вкусны яства богатых, лучше кусок хлеба со своего стола.

Саади.

В самом низком труде душа человека успокаивается, как только он берется за работу. Сомненья, печаль, уныние, негодование, отчаяние — все эти бесы карают бедняка, как и всякого человека, но он бодро возьмется за работу, и все бесы не смеют подойти к нему и только издали ворчат на него. Человек стал человеком.

Карлейль.

Жизнь аркадских пастушков и наша возлюбленная придворная жизнь обе нелепы и неестественны, хотя и привлекательны. Ибо никогда не может быть истинного удовольствия там, где удовольствия превращаются в занятия. Только отдохновения от занятий, редкие и краткие и без подготовки, бывают истинно приятны и полезны.

Кант.

Из «Круга Чтения».

Л. Н. Толстой

Любите друг друга

(Обращение к кружку молодежи)

Мне хотелось бы на прощание (в мои годы всякое свидание с людьми есть прощание) вкратце сказать вам, как, по моему понятию, надо жить людям для того, чтобы жизнь наша не была злом и горем, какую она теперь кажется большинству людей, а была бы тем, чего желает Бог и чего мы все желаем, то есть благом и радостью, какую она и должна быть.

Всё дело в том, как понимает человек свою жизнь. Если понимать свою жизнь так, что жизнь эта дана мне в моем теле, Ивану, Петру, Марье, и что всё дело жизни в том, чтобы добыть как можно больше всяких радостей, удовольствий, счастья этому своему «я», Ивану, Петру, Марье, то жизнь всегда и для всех будет несчастна и озлобленна.

Несчастливая и озлобленная жизнь будет потому, что всего, чего хочется для себя одному человеку, того же самого хочется и всякому другому. А так как каждому хочется всякого для себя добра как можно больше и добро это одно и то же для всех таких людей, то добра этого для всех никогда не хватает. А потому, если люди живут каждый для себя, то не миновать им отнимать друг у друга, бороться, злиться друг на друга, и от этого жизнь их не бывает счастливою. Если же временами люди и добудут себе того, чего им хочется, то им всегда мало, и они стараются добыть всё больше и больше, и, кроме того, еще и боятся, что у них отнимут то, что они добыли, и завидуют тем, которые добыли то, чего у них нет.

Так что если люди понимают свою жизнь каждый в своем теле, то жизнь таких людей не может не быть несчастною. Такая она и есть теперь для всех таких людей. А такую, то есть несчастною, жизнь не должна быть. Жизнь дана нам на благо, и так мы все и понимаем жизнь. Для того же, чтобы жизнь была такою, людям надо понимать, что жизнь наша настоящая никак не в нашем теле, а в том духе, который живет в нашем теле, и что благо наше не в том, чтобы угождать и делать то, чего хочет тело, а в том, чтобы делать то, чего хочет этот дух один и тот же, живущий в нас, так же как и во всех людях. Хочет же этот дух блага себе, духу. А так как дух этот во всех людях один и тот же, то и хочет он блага всем людям. Желать же блага всем людям значит любить людей. Любить же людей никто и ничто помешать не может; а чем больше человек любит, тем жизнь его становится свободнее и радостнее.

Так что выходит, что угождать телу человек, сколько бы он ни старался, никогда не в силах, потому что то, что нужно телу,

не всегда можно добыть, а если добывать, то надо бороться с другими, угождать же душе человек всегда может, потому что душе нужна только любовь, а для любви не нужно ни с кем бороться, не только не нужно бороться с другими, а напротив, чем больше любишь, тем больше сближаешься с другими людьми. Так что любви ничто помешать не может, и всякий человек, что больше любит, то всё больше и больше не только сам делается счастливым и радостным, но и делает счастливыми и радостными и других людей.

Так вот это-то, милые братья, мне хотелось сказать вам на прощание, сказать то, чему учили вас все святые и мудрые люди и Христос и все мудрецы мира, а именно тому, что жизнь наша бывает несчастна от нас самих, что та сила, которая послала нас в жизнь и которую мы называем Богом, послала нас не за тем, чтобы мы мучились, а затем, чтобы имели то самое благо, какого мы все желаем, и что не получаем мы это предназначенное нам благо только тогда, когда понимаем жизнь не

так, как должно, и делаем не то, что должно.

А то мы жалуемся на жизнь, что жизнь наша плохо устроена, а не думаем того, что не жизнь наша плохо устроена, а что делаем мы не то, что нужно. А это всё равно, как если бы пьяница стал жаловаться на то, что спился он оттого, что много завелось трактиров и кабаков, тогда как завелось много трактиров и кабаков только оттого, что много развелось таких же, как он, пьяниц.

Жизнь дана людям на благо, только бы они пользовались ею, как должно ею пользоваться. Только бы жили люди не ненавистью друг к другу, а любовью, и жизнь была бы неперестающим благом для всех.

Теперь вот со всех сторон говорят только одно: жизнь, говорят, наша дурная и несчастная оттого, что она дурно устроена, — давай переделаем дурное устройство на хорошее, и жизнь наша будет хорошая.

Милые братья, не верьте этому, не верьте тому, что от такого или иного устройства жизнь ваша может быть хуже или лучше. Не говорю уже о

том, что все те люди, которые заботятся об устройстве лучшей жизни, — все несогласны между собою, все спорят промежду собою: одни предлагают одно устройство, считая его самым лучшим, другие же говорят, что это устройство самое дурное, а что хорошо только то, которое они предлагают. А третьи забраковывают и это и предлагают свое самое лучшее и т. д. Но если бы даже и было такое, самое лучшее устройство, — если даже согласиться с тем, что придумано самое лучшее устройство, то как же сделать, чтобы люди жили по этому устройству, как удержать это хорошее устройство, когда люди привыкли и любят жить дурно? А то мы теперь привыкли и любим жить дурно, за что ни возьмемся, всё гадим, а говорим, что хорошо станем жить, когда будет устройство хорошее. Да как же быть хорошему устройству, когда люди плохие?

Так что если и есть такое самое лучшее устройство жизни, то для того, чтобы добиться его, надо людям становиться лучше. Вам же обещают хорошую жизнь после того, как вы, кроме

вашей теперешней дурной жизни, будете еще бороться с людьми, насиловать людей, даже убивать их, чтобы ввести это хорошее устройство, то есть вам обещают хорошую жизнь после того, как вы сами сделаетесь еще хуже, чем теперь.

Не верьте, не верьте этому, милые братья! Для того, чтобы жизнь была хорошая, есть только одно средство: самим людям быть лучше. А будут люди лучше, и сама собою устроится та жизнь, какая должна быть среди хороших людей.

Уже давно живет среди людей обман о том, что посредством хорошего устройства можно из плохих людей сделать хорошую жизнь (как из гнилого зерна испечь хороший хлеб), и обман этот много сделал и теперь делает зла людям. Прежде обманом этим занимались одни правители. Они старались (по крайней мере говорили, что стараются) и теперь стараются посредством разных насилий — отобрания имущества, заключениями, казнями — сделать из недобрых людей доброе и мирное общество. Теперь это самое стараются сделать революцио-

неры и вас призывают к этому. Милые братья, не поддавайтесь этому обману. Пускай правители, цари, министры, стражники, урядники делают свое дурное дело; вы же, как были чисты от него, так и старайтесь оставаться чистыми. Точно так же старайтесь быть чистыми и от участия в тех делах насилия, к которым вас призывают революционеры.

Спасение ваше и всех людей никак не в греховном, насильническом устройстве жизни, а в устройстве своей души. Только этим, таким устройством души, добудет каждый человек и себе и другим людям самое большое благо и самое лучшее устройство жизни, какого могут только желать люди. Истинное благо, то, какое ищет каждое сердце человеческое, дано нам не в каком-либо будущем устройстве жизни, поддерживаемом насилием, а сейчас, всем нам, везде, во всякую минуту жизни и даже смерти, достигаемом любовью.

Благо это дано нам из века; но люди не понимали его и не брали его. Теперь же пришло время, когда нам нельзя уже не

принять его, нельзя не принять первое, потому что безобразия и страдания нашей жизни довели нас до того, что жизнь наша становится непереносимо мучительной. Второе то, что всё более и более раскрывающееся нам истинное учение Христа стало теперь так ясно, что нам уже для нашего спасения нельзя не признать и не принять его. Спасение наше теперь в одном: в признании того, что истинная жизнь наша не в теле нашем, а в том духе Божьем, который живет в нас, и что поэтому все те усилия, которые мы клали прежде на улучшение нашей телесной, как отдельной, так и общественной жизни, мы можем и должны класть на одно единственно нужное и важное для человека дело, на то, чтобы каждому в самом себе воспитывать и утверждать любовь, не только к любящим нас, а, как говорил Христос, ко всем людям, и в особенности к чуждым нам людям, к ненавидящим нас.

Жизнь наша теперь так далека от этого, что в первую минуту такое перенесение всех своих усилий, вместо заботы о мирских делах, на одно невидное,

непривычное нам дело — на любовь ко всем людям — кажется невозможным.

Но это только так кажется: любовь ко всем людям, даже к ненавидящим нас, гораздо больше свойственна душе человека, чем борьба с ближними и ненависть к ним. Перемена понимания смысла жизни не только не невозможна в наше время, но, напротив, невозможно продолжение той озлобленной всех против всех жизни, которую мы ведем теперь. Перемена эта не только не невозможна, но, напротив, только она одна может вывести людей из тех бедствий, от которых они страдают, и потому перемена эта неизбежно рано или поздно должна совершиться.

Милые братья, зачем, за что вы мучаете себя? Только поймите, что вам предназначено величайшее благо, и возьмите его. Всё — в вас самих. Это так легко, так просто и так радостно. Но, может быть, люди страдающие, бедные, угнетенные скажут: «да, это может быть хорошо для богатых и властвующих; легко богатым и властвующим любить врагов, когда

враги эти во власти их. Но это трудно для нас, страдающих и угнетенных». Но это неправда. Милые братья, изменить свое понимание жизни одинаково нужно и властвующим, и богатым, и подчиненным, бедным. И подчиненным и бедным это легче, чем богатым. Подчиненным и бедным нужно только, не изменяя своего положения, не только не делать дел противных любви, но не принимать участия в этих делах, как дела насилия, полиции, стражи, войска, и всё это враждебное любви устройство падет само; властвующим же гораздо труднее принять и исполнить учение любви. Для того, чтобы им исполнить это учение, им надо отказаться от обладающих ими соблазнов власти, богатства; и это труднее им; бедным же и подчиненным надо только не делать новых насилий и, главное, не принимать участия в старом.

Как растет человек, так растет и человечество. Сознание любви росло, растет в нем и доросло в наше время до того, что мы не можем не видеть, что оно должно спасти нас и стать ос-

новой нашей жизни. Ведь то, что теперь делается, это последние судороги умирающей насильнической, злобной, нелюбовной жизни.

Ведь теперь уже не может быть не ясно, что все эти борьбы, вся эта ненависть, все эти насильственные устройства, отстаивания властей, государств разных народов, что всё это бессмысленные, ни к чему, кроме как к всё увеличивающимся бедствиям, не ведущие обманы. И не может не быть ясно, что единственное, самое простое и легкое спасение от всего этого есть сознание основного начала жизни всех людей — любви — того начала, которое неизбежно, без всякого усилия заменяет величайшее зло величайшим благом.

Есть предание о том, что апостол Иоанн, достигши глубокой старости, был весь поглощен одним чувством и всё одними и теми же словами выражал его, говоря только одно: «Дети, любите друг друга». Так выразилась старость, то есть дожившая до известного предела жизни жизнь одного человека. Так точно должна выразить-

ся жизнь человечества, дожившая до известного предела.

Ведь это так просто, так ясно: ты живешь, то есть родился, растешь, мужаешь, стареешься и вот-вот умрешь. Неужели цель твоей жизни может быть в тебе? — наверное нет. Что же такое, — спрашивает себя тогда человек, — что я такое? — И ответ один: я что-то такое любящее — в первое время кажется, что любящее только себя, но стоит немного пожить, немного подумать, чтобы увидеть, что любить себя, проходящего через жизнь, умирающего, нельзя, незачем. Чувствуешь, что я должен любить и люблю себя. Но, любя себя, я не могу не чувствовать, что предмет моей любви недостойн ее; но не любить я не могу. В любви — жизнь. Как же тут быть? Любить других, близких, друзей, любящих. Сначала кажется, что это удовлетворяет потребности любви, но все эти люди, во-первых, несовершенны, во-вторых, изменяются, главное умирают. Что же любить? И ответ один: любить всех, любить начало любви, любить любовь, любить Бога. Любить не для то-

го, кого любишь, не для себя, а для любви. Стоит понять это, и сразу уничтожается всё зло человеческой жизни и становится ясным и радостным смысл ее.

«Да, это хорошо бы было. Чего же лучше? — скажут люди.— Хорошо бы было любить и жить для любви, если бы все так жили. А то я буду жить для любви, отдавать всё другому, а другие будут жить для себя, для своего тела; что же будет со мною, да еще и не со мною одним, а с семьей, с теми, кого я люблю, не могу не любить. Разговоры о любви давно говорятся, да никто им не следует. Да и нельзя следовать. Отдать свою жизнь любви можно бы было только тогда, когда все люди сразу каким-то чудом переменят жизнь мирскую, телесную на жизнь духовную, божескую. Но чуда этого нет, и потому всё это слова, а не дело». Так говорят люди, успокаивая себя в своей ложной, привычной жизни. Они говорят так, но в глубине души они знают, что они не правы. Они знают, что рассуждения эти неверны. Они неверны, потому что только, для выгоды мирской, телесной жиз-

ни нужно, чтобы люди все сразу изменили свою жизнь; но не то для духовной жизни: любви, любви к Богу и людям. Любовь дает благо человеку не в своих последствиях, а в самой любви, дает ему благо совершенно независимо от того, как поступают другие люди, и что вообще совершается во внешнем мире. Любовь дает благо и тем, что человек, любя, соединяется с Богом и не только ничего не желает для себя, но желает отдать всё, что имеет, и свою жизнь другим, и в этом отдавании себя Богу находит благо. И потому всё то, что делают другие люди, всё то, что может совершиться в мире, не может иметь влияния на его поступки. Любить значит отдаться Богу, делать то, чего хочет Бог, а Бог есть любовь, то есть хочет блага всем и потому не может хотеть того, чтобы человек погибал, исполняя его закон.

Любящий человек и один среди нелюбящих не погибает. А если и погибает среди людей, как Христос погиб на кресте, то и смерть его — и радостная для него и значительная для других, а не отчаянная и ничтожная, ка-

ковы бывают смерти мирских людей.

Так что отговорка о том, что я не отдаюсь любви потому, что не все сделают то же и я останусь один, — и неправильная и нехорошая. Это то же, как если бы человек, которому нужно работать для того, чтобы кормить себя и детей, не брался бы за работу потому, что другие не работают.

Да, милые братья, положим нашу жизнь в усилении в себе любви и предоставим миру идти, как он хочет, то есть как определено ему свыше. Поступим так, и поверьте мне, что мы получим наибольшее благо себе, сделаем всё то добро другим людям, какое мы только можем сделать.

Ведь это так просто, так легко и так радостно. Только любите каждый человек, любите не одних любящих, а всех людей, особенно ненавидящих, как учил Христос, и жизнь — непрерывающаяся радость, и все вопросы, которые заблудшие люди так тщетно пытаются разрешить насильем, не только разрешаются, а перестают существовать. «И мы знаем, что перешли

от смерти в жизнь, если любим братьев. Не любящий брата не имеет жизни вечной. Только любящий брата своего имеет жизнь вечную, пребывающую в нем».

Еще одно слово, милые братья. Ни про одно дело нельзя узнать, хорошо ли оно, или дурно, если не испытать его на деле в жизни. Если земледельцу говорят, что хорошо сеять рожь рядами, или пчеловоду, что хорошо ульи делать рамочные, то разумный земледелец и пчеловод, чтобы верно узнать, правда ли, что ему говорят, сделает опыт, и следует или не следует тому, что ему предлагали, смотря по тому, насколько он находит подтверждения в опыте.

То же и во всем деле жизни. Для того, чтобы верно узнать, насколько применимы в жизни поучения о любви, испытайте их.

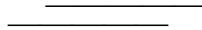
Попробуйте: возьмите на себя на известный срок следовать во всем требованиям любви: жить так, чтобы во всех делах прежде всего помнить, чтобы со всяким человеком, с вором, пьяницей, с грубым начальником или подчиненным не от-

ступить от любви, то есть, имея с ним дело, помнить о том, что нужно ему, а не о себе. И, прожив так положенный срок, спросите себя: тяжело ли вам было и испортили ли вы себе или улучшили жизнь, и, смотря по тому, что даст вам опыт, решайте уже, правда ли то, что исполнение любви дает в жизни благо, или это только одни слова. Испытайте это, постарайтесь вместо того, чтобы отплатить злом за зло обидчику, вместо того чтобы осудить за глаза человека, живущего дурно, и т. п., вместо этого постарайтесь отвечать добром на зло, ничего не сказать дурного о человеке, не обойтись грубо даже со скотиной, с собакой, а с добротой и с лаской, и проживите так день, два или больше (для опыта) и сравните ваше за это время душевное состояние с тем, какое бывало прежде. Испытайте это, и вы увидите, как вместо хмурого, сердитого и тяжелого состояния вы будете светлы, веселы, радостны. А живите так и другую и третью неделю, и вы увидите, как душевная радость ваша всё будет расти и расти, и дела ваши не только не будут

разлаживаться, а будут всё только больше и больше спориться.

Только испытайте это, милые братья, и вы увидите, что уче-

ние о любви не слова, а дело — самое, самое близкое, всем понятное и нужное дело.

Статья «Любите друг друга», по словам В. Г. Черткова, «была вызвана желанием автора сказать, на прощание, несколько слов» кружку крестьянской молодежи. Ряд мыслей для этой статьи Толстой впервые записал в конце августа или в начале сентября 1907 г. в Записной книжке № 3. Л. Н. Толстой начал писать эту статью 4 сентября, а уже 26 она, вновь перепечатанная на машинке, с небольшим количеством исправлений Толстого, была послана с письмом В. Г. Черткову для печати. Впервые опубликована с ошибками и цензурными пропусками в изд. «Посредник» (1909, № 730). Включена в ПСС, т. 37, с. 55–62.

И. И. Горбунов-Посадов

Счастлив тот...

(Веgetарианский гимн)

Счастлив тот, кто любит все живое,
Жизни всей трепещущий поток,
Для кого в природе все родное, —
Человек, и птица, и цветок.

Счастлив тот, кто для червя и розы
Равную хранит в себе любовь,
Кто ничьи не вызвал в мире слезы
И ничью не пролил в мире кровь.

Счастлив тот, кто с юных дней прекрасных
На защите слабого стоял
И гонимых, жалких и безгласных
Всею душой и грудью защищал.

Полон мир страданиями людскими,
Полон мир страданиями зверей.
Счастлив тот, чье сердце перед ними
Билось лишь любовью горячей.

Счастлив тот, чья ласка сострадания
Для забитых, темных и немых
Облегчает тяжесть их страдания,
Боль обид, жестокостей людских.

Счастлив тот, чей голос неустанно
За теснимых пламенно звучит,
Чья душа, сквозь тучи и туманы,
Как маяк, любовью к ним горит.

1903

Это стихотворение открывало сборник «Друг животных, книга о внимании, сострадании и любви к животным». Гуманитарно-зоологическая хрестоматия. Сост. И. Горбунов-Посадов и В. Лукьянская. Библиотека И. Горбунова-Посадова для детей и юношества. Часть I, М., 1909. (<http://www.vita.org.ru/library/education/gorbunov-friend-animals.htm>).

Ноты найдены на сайте Центра защиты прав животных «Вита»: <http://www.vita.org.ru/veg/veg-history.htm>

Вегетарианскій гимнъ.

Счастливы тотъ...

Музыка А. К. Чертовой.

Слова И. И. Горбунова-Посадова

Для пѣнія съ аккомп. фортепиано.

Не скоро.

Счастливъ тотъ, кто любитъ все живо - е, Жизни всей трепещущей по.
3. тотъ, кто съ юныхъ дней прекрасныхъ, На за щ и - ть слабого его.

f *mf*

dimin.

1. токть, Для ко - го въ природѣ все род - но - е! Че - ло - вѣкъ и птица и цвѣ -
3. ятъ, И го - нимыхъ жалюхъ и безгла - сныхъ. Всеи ду - шой и грудью за щ и -

dimin.

плавно

1. токть! 2. Счаст - ливъ тотъ кто дѣлываетъ ро - зы, Равну - ю для всехъ хранитъ лю.
3. щать. 4. По - логъ миръ страданьями людушки ми, По - логъ миръ страд - ньями живъ.

p

2. боять Ктони - чьи невызаль въ миръ сле - зы, И ни - чью непролаль въ миръ
4. реи! Счастливы тотъ, чье сердце не - радъ

dimin. *p*

1

2.

кромѣ! 3. Счастливы - ними билось лѣшь любовью горячѣй!

mf *f* *dim.* *Fine.*

С. А. Толстая

Ваничка

(Истинное происшествие из его жизни)

В отдаленном переулке Москвы стоит желтый деревянный дом среди большого сада с липовой аллеей, курганом, беседкой и даже яблонями.

В саду этом особенно хорошо весной: сирень цветет, дорожки посыпаются песком, кое-где краснеют тюльпаны и цветут душистые нарциссы. Рядом с этим садом, за забором, еще сад, еще больше и красивее.

В этом деревянном желтом доме жила большая семья, в которой меньшей сын был Ваничка, любимый всеми, худенький, бледный, кудрявый мальчик, с золотистыми волосиками, очень умными, ласковыми глазками и весь легонький, воздушный и веселый.

Ему было шесть лет, и он был такой добрый, что не мог выносить, если кто-нибудь пла-

чет, или скучает, или сердится, или ссорится. На него находила тоска, беспокойство, и он выдумывал, как бы помирить ссорившихся, обласкать печального, утешить плачущего или развеселить сердящегося. Если ему это не удавалось, он начинал сам плакать так горько, что всем делалось его жалко, и все делались добрее.

Раз няня повела его гулять, а было холодно; мать его стала няне выговаривать, а Ваничка заплакал и стал просить мать не бранить няню, что пусть лучше он умрет, а няню не надо обижать.

На Рождестве была елка; Ваничка просил мать не звать богатых гостей, а созвать бедных и всем подарки сделать. Мать согласилась, позвала детей бедной учительницы, еще одного горбатенького мальчика, потом

детей прислуги, и Ваничка был в восторге. Особенно его радовало, как маленький беленький горбатенький Игорь возил тележку и все оглядывался на нее и смеялся от радости. Ваничка хлопал ручками и тоже заливался смехом. Роздали и детям лакея, и детям дворника и всем столько картонажей, орехов с сюрпризами, хлопушек, что дети насилу могли унести подарки.

Ваничка смеялся и тому, как, разорвав хлопушки, все дети нарядились в разные бумажные колпачки и гуляли вокруг елки, кусая крепкие красные крымские яблоки и пряники фигурками.

Но вдруг Ваничка стал грустен, сел на стул, свесил свои тоненькие ножки и молча глядел блестящими глазами на проходивших мимо лакеев, готовивших чай, на няню и другую прислугу, пришедшую посмотреть елку.

— Что ты, Ваничка, грустный, тебе не нравятся твои игрушки?

— Что ты, мама, ужасно нравятся, и музыкальный ящик, и лошадка, и всё; только знаешь,

мама милая, сделай какое-нибудь веселье нашим людям. Они всегда нам служат, а у них нет веселья, сделай пожалуйста.

И Ваничкиной матери стало совестно за то, что не ей пришла в голову эта мысль, что Ваничка прав, и она стала придумывать, какое сделать удовольствие прислуге: взять ли ложу в театр, или сделать угощение какое.

Свои вещицы, картиночки, коробочки, игрушки Ваничка очень любил раздавать. Ему было шесть лет, но он умел писать, и бывало нарежет бумажки и напишет: «от Вани Маше», и приложит записочку к своему подарочку и снесет горничной. А то повар был именинник, он ему купил спичечницу и написал: «на память от Вани».

Особенно он любил праздновать именины няни; он называл это «справлять именины». Он волновался за несколько дней, у всех спрашивал, кто что подарит няне и сам готовил чашку, платочек, шкатулочку или еще что. Няня покупала колбасу, мятные пряники, халву и мармелад и всех угощала, и Ваничка торжествовал.

Ваничка очень любил свой сад: зимой там была горка, с которой он катался с сестрой Сашей и с детьми артельщика; потом ему в эту зиму купили коньки и поливали каток небольшой, и Ваничка выучился кататься на коньках и очень это любил.

Но весной было еще лучше: везде можно было бегать, и на курган, и в беседку, и к стене кирпичной, где камешки были разноцветные, и к колодцу, из которого качали, чистую, свежую воду.

Раз Ваничка ушел в сад один без няни, и ему стало любопытно узнать, что делается в соседнем большом саду за забором. Он влез на пень, нашел в гнилом заборе дырочку и стал смотреть; в саду гуляли все мужчины: одни пили, другие что-то болтали, некоторые сидели на лавочках и палками чертили что-то по песку.

Один из этих людей, человек немножко седой, но с добрыми и очень грустными глазами, подошел близко к забору и, заметив, что кто-то глядит, тоже нагнулся и посмотрел. Ваничка испугался и убежал домой. Он

рассказал няне, что видел гуляющих, что кто-то подошел и он убежал. Няня так и ахнула.

— Что это ты, Ваничка, разве можно смотреть туда? Ведь это все сумасшедшие, больные. Это страшно, они тебя испугают.

Но Ваничка не испугался. На другой день, когда няня ушла обедать, он позвал сестру Сашу и помчался по липовой аллее прямо к забору и к своей дырочки в заборе.

Вчерашний грустный больной опять гулял по саду.

— Здравствуйте, — пропихнул в дырочку тоненький голосок Ванички.

— Здравствуйте, — ответил больной, улыбаясь. — Вас как зовут?

— Ваничка. А вас?

— А меня тоже Иван Васильевич.

— Вы больной? — спросил Ваничка.

— Да, я больной; я очень несчастный. У меня был сынок, мальчик такой, как вы, и он умер, я заскучал и стал больной.

Ваничка вздохнул, поднял плечики, задумался и сказал:

— Я вас буду любить, и мы будем разговаривать всякий день, хотите?

Саша стала звать домой брата, ей было жутко, что он с сумасшедшим беседует, но он её не слушал, ему надо было исполнить свое любимое дело — утешить несчастного, и он весь был поглощен этим.

— Как звали вашего мальчика?

— Ваничкой, как тебя. Он пошел раз рыбу ловить, упал в воду; его достали, принесли мокрого домой, он простудился, заболел и умер, и у меня теперь никого не осталось.

— А он теперь ангел, — утешал Ваничка.

— Да, а я все-таки один и мне скучно.

— Я буду приходить сюда всегда, всегда; я вам принесу книжечку свою, и у меня много картинок, и мы будем обо всем говорить и о вашем Ваничке.

— У тебя есть папа и мама?

— Да, есть.

— А ты кого больше любишь?

Ваничка строго посмотрел на чужого человека и сказал спокойно:

— Я всех люблю. И вас люблю.

Больной задумался тоже.

— Да, надо всех любить и тогда легче будет ...

Ваничка переменял разговор и начал говорить о няне, о том, как он письма пишет и Богу молится, как он любит грибы искать и т. д.

Домашние и няня уже не мешали Ваничке знакомству с больным через забор. Дурного ничего от этого не было, а хорошего много.

Раз больной принес Ваничке шоколад. Он очень взволновался и спросил мать: ничего, что это дал сумасшедший, можно есть?

Ваничка ужасно любил сладости и обрадовался, когда сказали ему, что конечно ничего, что можно есть шоколад.

А то, когда зацвели синие подснежники, больной нарвал большой букет и просунул его в дырочку. Ваничка взял, поблагодарил и снес матери, с покровительственной улыбкой объясняя ей, что это все его бедненький Иван Васильевич ему сует в дырочку забора.

* * * * *

Так продолжалось всю весну, до отъезда Ванички в деревню.

Но вот уложились, сняли везде драпировки, выбили на дворе ковры и мебель, экономка Дунечка бегала по всему двору, таская банки, вещи, вытряхая пыль из платьев; дворник Никита сколачивал ящики; приехали подводы, привязали к телеге красную, мычавшую корову, потом рыжего Султана и старого Гнедого вывели из конюшни, тоже привязали к телегам, и весь багаж тронулся.

Собрался и Ваня в дорогу с ковровым мешочком в руках. В этом мешочке все было на дорогу: карамельки, апельсин, книжечка с карандашом, гребешок, кружечка, свисток настоящий, как у кондукторов, бронзовая собачка и пряник. Перед отъездом Ваничка побежал проститься со своим другом, больным Иваном Васильевичем. Он подошел к дырочке забора и стал громко его кликать. Иван Васильевич подошел и веселым голосом сказал Ваничке:

— И я тоже иду домой, я теперь здоров, перестал скучать.

— Правда? Как я рад! — вскрикнул Ваничка. — Прощайте!

— Прощай, мой милый, маленький дружок. Ты меня утешил, ты добрый, хороший мальчик... Я тебя очень, очень люблю... и я тоже теперь всех люблю, а главное, буду любить всех детей, а не одного своего умершего мальчика...

Ваничка не совсем понял, что сказал Иван Васильевич, но он понял, что все хорошо, что Иван Васильевич выздоровел и всех любит, и Ваничка был в восторге.

— А вот письмо, отдай маме, — прибавил Иван Васильевич.

— Да, да, — сказал Ваничка; он очень любил письма, и писать, и получать, и ему весело было передать письмо матери.

Иван Васильевич дал Ваничке две большие шоколадные конфетки и ушел, а Ваня побежал отдать письмо матери. Вот что было там написано:

«Сударыня, уважая Вас, я хотел вам сказать, что я скорбел душой, тосковал и оплакивал своего единственного умершего сына и помешался от горя. Я

думал, что возврат к жизни мне был невозможен. Теперь я здоров, и не доктора исцелили меня, но Бог послал мне утешением вашего Ваничку, этого ангела, который мне дал счастье новой любви к нему и через него ко всем детям и людям. И я ис-

целился через него и теперь уезжаю из лечебницы, благословляя соседство вашего дома с ней. Да благословит Господь вашего малютку-сына и весь ваш дом.

Прощайте».
И. Т.

Спасенный Такс

(Рассказ Вани)

Моему брату Мише подарили Такса, собачку на коротких ногах, с длинными ушами и всю черную. Она была скучная, тихо ходила и ни с кем не играла. Весь день она лежала, свернувшись в уголке, и только для того вставала, чтобы поесть или попить. Ела она очень мало, мы с ней ужасно мучились, клали ей в рот кусочки мяса насильно и решили, что она больна.

Мама была недовольна, что взяли в дом такую скучную и хилую собачку, и хотела ее отдать прежнему ее хозяину, а

Миша жалел ее и не хотел с ней расстаться.

Как-то раз Такс исчез. Мама была рада, а Миша все ее искал, и, наконец, узнал от дворников, что Такса видели на соседнем пивоваренном заводе. Там жили три мальчика, сыновья главного пивовара; им понравилась эта коротконогая собака, они ее прикормили и оставили у себя. Но через несколько дней Такс опять явился к нам. И так он кочевал от нас к соседям и обратно к нам.

Была ранняя весна. На московских улицах растаял снег,

текли ручьи, а у нас в саду еще кое-где кучками лежал снег. Мы его раскидывали своими лопаточками и увозили на тачках подальше в угол сада. В это время Такса нашего опять не было дома. Он пропадал уже несколько дней. Посылали на завод, но и там его не было. Думали, что его кто-нибудь увел, или что просто он издох. Миша решил, что его надо везде искать. Мы обошли все кусты, раскапывали мокрые листья, посмотрели за колодцем, у забора, в сараях, конюшне, подвалах — нигде его не было. Тогда мы решили, что он пропал, и принялись дочищать то место перед домом, где мы зимой катались на коньках, а весной играли в крокет и другие игры. Когда работа была кончена, и весь снег раскидан, мама показала нам на грядках, как вылезали из-под мокрой лиственной земли желтовато-зеленые вострые кончики гиацинтов, тюльпанов и нарциссов. — «Вот все это скоро зацветет», — говорила мама. Нам было очень весело в саду и не хотелось идти домой, но пора было завтракать, и мы понесли лопаты, грабли и

тачки в беседку, куда всегда убирали наши салазки зимой и наши садовые инструменты летом.

Вдруг вижу я в уголки беседки, куда я хотел поставить лопатку, что-то маленькое, круглое и черное. Я показываю маме, но она близорука и ничего не видит.

— Идите же, дети, скорей домой, все нас ждут, — говорила она.

Тогда я ей говорю:

— Мама, да ты нагнись, посмотри, это ведь наш Такс.

— Что ты говоришь, Ваня, где Такс?

В это время сестра моя, Саша, слепая, как и мама, стала на коленки и, нагнувшись совсем близко, тоже увидела несчастного Такса, неподвижно лежавшего, свернувшись клубочком, в самом углу на месте, в котором уложены были луковички цветов, и который так с осени и остался в углу беседки.

— Боже мой, он мертвый! — вскричала мама, и я видел, что ей стало жаль собачки. Но я в это время тронул Такса, и он чуть-чуть пошевелился. Мама мне закричала:

— Не трогай Такса, Ваничка, он издох.

— Нет, нет, он живой, право, живой, — кричал я, — он дышит.

Мы с Сашей осторожно подняли мордочку Такса, и он едва открыл глаза. Худ он был ужасно; видно было, что он от болезни, от слабости и голода страшно отошал. Мама послала Сашу в кухню за какой-нибудь едой Таксику.

Саша принесла в какой-то плохонькой глиняной чашечке похлебку. Мама сунула мордочку Такса в чашечку, но он жался, жмурил глаза и долго не мог есть. Наконец, пришла няня и говорит:

— Что ж вы не идете завтракать. Папа и барышни ждут, Андрюша из гимназии пришел, а вас никого нет... Батюшки! — удивилась няня, — что ж это там у тебя, Ваничка?

— Наш Таксик, — ответил я.

— Я нечаянно увидел его, когда убирал лопатку; посмотрите, няня, какой он жалкий!

— Ну, Бог с ним, бросьте, — фу! издыхает совсем, а вы его трогаете.

Но мне так жаль было собачки, что и есть не хотелось, и не мог я от нее уйти. Раз я нашел ее, я хотел ее спасти, и принялся снова тыкать ее мордочку в суп. Вдруг она высунула свой сухой язычок и стала хлебать похлебку.

— Ура! — закричали мы, захлопали в ладоши и с радостными криками побежали тоже завтракать.

По дороге домой мама мне сказала:

— Ну вот, Ваничка, ты спас жизнь этой собачки; если б ты ее не увидел, она издохла бы, потому что была слишком слаба и больна, чтоб пойти самой искать себе пищу.

Я был очень счастлив, Миша и Саша тоже хвалили меня.

С этого дня мы стали ухаживать за Таксом и кормить его. Он поправился, стал ловить

крыс и мышей и очень привязался ко всем нам. На завод он больше не убегал, и что удивительнее всего, это то, что и мама его полюбила с этого дня.

Толстая, Софья Андреевна (1844-1919). Куколки-скелетцы и другие рассказы. С 8 рис. А. Моравова. М., тип. Кушнерева, 1910. - 94 с.

Рассказы создавались в 90-е гг. XIX столетия. Самим писанием этих рассказов жена Л. Н. Толстого как бы хотела доказать себе и современникам, что она тоже, как и муж, обладает недюжинным литературным талантом. Читая этот сборник, мы узнаём знакомые пейзажи Ясной Поляны, интерьер Дома Л. Н. Толстого, а во многих, едва ли не всех, действующих или упомянутых в книге лицах — реальные прототипы из числа членов семьи Льва Николаевича, родственников, крестьян деревни Ясной Поляны. В книге отразились собственные раздумья С. А. Толстой о жизни, подробности биографии, отношения с мужем, с детьми...

Ваничка — эмоциональный "стержень" сборника, "крик души" Софьи Андреевны; в нём с наибольшей силой выражены основные идейные тенденции сборника: боль и скорбь матери, потерявшей сына и связанные с ними размышления о суетности земного, об истинном смысле жизни в любви и благодеянии ближним (не одним "близким!") и о жизни вечной.

Самый младший и самый любимый в семье сын — Иван Львович (1888-1895) трагически ушёл из жизни страшной зимой 1895 года от детской болезни. Без сомнения, свою роль в трагедии сыграла беспокойная московская жизнь семьи, нервная обстановка в московском доме Толстых... Рассказ правдив в каждой строчке, от описания дома и сада Толстых в Хамовниках вплоть до описания характера и поступков самого маленького сына Толстых.

Спасённый Такс — это рассказ *самого Ванички*, увиденный *его* глазами, пережитый, прежде прочих, *его* сердцем — лишь обработанный для печати мамой Софьей Андреевной...

Роман Алтухов.

А. П. Барыкова

Любимые куклы

Двери открыли, рады ребятишки...
Елка вся огнями залита до вышки;
Елка — чудо-диво из волшебной сказки;
У счастливых малых разбежались глазки,
Прыгают, смеются, ушки на макушке,
Мигом расхватили новые игрушки.
Мальчик на лошадке молодцом гарцует
В кивере уланском... Девочка целует
Куклу из Парижа, очень дорогую,
В завитом шиньоне, модницу большую,
С синими глазами, шлейфом и лорнеткой
(Ну, точь в точь, без лести, с Невского лоретка).
Обнимая куклу ручкой белоснежной,
Девочка ей шепчет в поцелуе нежном:
„Лучше этой куклы в свете нет, конечно.
Ты моей любимой будешь вечно, вечно!..“
От больших, должно быть, девочка слыхала
Это слово: вечно — и его сказала
Кукле-парижанке важно так и мило.

На ребенка с куклой я гляжу уныло:
Жалко мне чего-то стало вдруг и больно...
О судьбе обеих думалось невольно.
Девочка и кукла! Ах, как вы похожи!
В жизни ожидает вас одно и то же.

Куколка-франтиха, предстоит вам горе,
С красотой своею вы проститесь вскоре:
Шелковое платье, сшитое в Париже,
И шиньон изящный, модный — светлорыжий,
Мигом все растреплет милая вострушка
(Страшно и опасно в свете жить игрушкам)...
На чердак вас стащут с головой пробитой, —
Кукла-парижанка будет позабыта...
Девочка-шалунья в золотых кудряшках!
Лет через десяток и тебя, бедняжка,
Кто-нибудь обнимет, говоря, конечно,
Что любить намерен пламенно и вечно...
Чьей-нибудь игрушкой будешь ты наверно, —
Только не надолго... вот что очень скверно.
Молодость, надежды, — будет все разбито...
Старая игрушка будет позабыта...

Елка догорела. Мальчик над лошадкой
Приклонил головку и уж дремлет сладко,
И с улыбкой счастья пробежала мимо
В детскую малютка с куклою любимой.
Да с чего же я-то хнычу понапрасну?
Может быть, обеих встретит жизнь прекрасно!
Ведь не всех же кукол дети разбивают...
А счастливых женщин — разве не бывает?..

Анна Павловна Барыкова (1839-1893),
поэтесса и переводчица, сотрудница издательства «Посредник».

Роман Алтухов

Поэт Ф. Е. Поступаев — толстовский Тютчев?

Фёдор Емельянович Поступаев (1872-1931) — рабочий, поэт-самоучка, участник литературных рабочих кружков. Публиковался с 1902 года. С 1905 года — сотрудник основанного Л.Н. Толстым и И.И. Горбуновым-Посадовым издательства «Посредник»: заведовал сбором материала и подготовкой изданий в Москве. В «Посреднике» же публикуются стихотворные сборники Ф.Е. Поступаева («Песни рабочей жизни» (1904) «У земли и у котла» (1906)), рассказы «Деревенские письма», «Утро» (оба 1911) и др.

Секретарь и добрый друг Л.Н. Толстого, Николай Николаевич Гусев, как-то, вдохновенно продекламировав Л.Н.-чу стихи Поступаева, назвал Фёдора Емельяновича «толстовским

Тютчевым» (Маковицкий Д.П. У Толстого. Яснополянские записки. — Кн. 1. С. 296).

На наш взгляд — немного опрометчиво назвал: сам Поступаев, как явствует из нижеприведённого его очерка о посещении Л.Н. Толстого, во-первых, точно не «толстовец», и, при всей простонародной наивности, он смело, аргументированно спорит с толстовскими теориями ненасильственных социальных преобразований; во-вторых же — свой творческий, поэтический эталон находит в поэзии отнюдь не Тютчева, а нелюбимого Л.Н. Толстым «духовного дегенерата» В.Я. Брюсова.

Тютчев в лучших своих стихотворениях — глубоко философичен, прислушивается к себе и отыскивает в природе и мире неочевидное, трогающее только сердце поэта. Дошедшие

же до нас стихи Ф.Е. Поступаева облечены пусть и в изнурённую трудами, но всё-таки плоть, сильнейше экстровертированы на "мировое зло", несправедливости, горести трудящихся. Аристократичного Тютчева передёрнуло бы и вывернуло не только от поступаевских описаний цеховой работы, кабачного загула или ночной охоты в бараке с сальной свечкой за блохами и клопами, но и от простонародного языка поэта-пролетария. Тютчев ищет Бога, Поступаев — классовых "врагов" и вшей в постельных "лоскутках"...

Если уж искать некоторых предтеч поступаевской лирики в русской лирике первой половины-середины XIX столетия, то следует, скорее, назвать имена И.С. Никитина, Н.А. Некрасова, отчасти — Я. Полонского... Причём — в большей степени сходство с первым: знаменитый некрасовский «гнев» в адрес «мироедов», «дармоедов», «губителей народа», "эксплуататоров" у Поступаева отсутствует напрочь, чем и приглянулись его стихи Л.Н. Толстому, ибо, на его взгляд,

называя виновных, отнюдь к ним «не разжигают злобу, устанавливают правильное отношение» (Там же).

Примечательна и история взаимоотношений Поступаева и Толстого при личной встрече в ноябре 1905 года. По признанию Льва Николаевича, тот сначала напомнил ему любимого им «крестьянского» живописца Орлова и «совсем загипнотизировал», так что он «его только после раскусил» (Там же. С. 477).

«Раскусив» же Поступаева, уже в период его редакторства в «Посреднике», Толстой увидел в его лице одного из «распропагандированных» радикалами революционных активистов, хотя и болеющих душой за российское крестьянство, но не принимающих близких Л.Н. Толстому взглядов на мирное решение земельной собственности по системе американского экономиста Генри Джорджа. По мнению Ф.Е. Поступаева, обаявшего и переманившего в 1905 г. на свою сторону даже Н.Н. Гусева, «система Генри Джорджа недостаточно радикальна — во-первых, потому что не каса-

ется фабричного производства, капитала; во-вторых, не уравнивает положения землевладельцев. Надо сделать общей не только землю, но и остальное производство; пусть общины обрабатывают землю сообща и продукты делят поровну» (Там же. С. 469).

Резонные возражения Льва Николаевича о том, что «это вопрос сложный», что люди не настолько святые, чтобы «всем землю обрабатывать», что «сделать труд обязательным, священным нельзя», что и Христос с апостолами, к примеру, не пахали землю для общины, — наталкивались на барьер непонимания, неприязни (Там же). Поступаев снова и снова, ссылаясь на речи наиболее радикально настроенных делегатов I съезда Всероссийского кре-

стьянского союза, настаивал на немедленном осуществлении «идеала» отнятия у эксплуататоров и уравнительного распределения земли на «мирских началах» (Там же. С. 470).

Примечательно здесь же диагностированное Л.Н. Толстым загрязнение не только сознания Поступаева-активиста идеями революционного насилия, экспроприации и уравниловки, но и устной речи Поступаева-оратора, писателя и поэта и других делегатов помянутого «крестьянского» съезда — иностранными словами. На это Л.Н. заметил: «И думать, и говорить надо своим умом и своими словами, и говорить русскими выражениями. Надо, чтобы понятия были свои, русские. Тогда и слова найдутся русские» (Там же).

Ф. Е. Поступаев

У Льва Николаевича Толстого

(опубл. В 1907 г.)

...В передней дома Толстых нас встретил низенький, худенький, тихо говорящий человек, доктор Д. П. Маковицкий. М. А. Шмидт отправилась по лестнице на второй этаж, а мы остались внизу.

По портретам Репина и фотографиям Толстой в моем воображении рисовался огромным, коренастым; лицо сурово-грозное, обрамленное густой растительностью, — вдруг, я вижу, по ступенькам лестницы спускается сутуловатая фигура небольшого роста худенького старичка; борода жиденькая, волосы на голове редкие; глаза серые, маленькие, но живые и острые.

— Кто здесь Поступаев, что недоволен моим предисловием к Джорджу? — радушно улыбаясь, спросил Лев Николаевич мягко-ласковым, по-женски звучащим голосом и, взяв меня за руку, ввел за собою в комнату Д. П. Маковицкого.

— Мне Марья Александровна передала, что вас обидело моё предисловие к статье Джорджа о едином налоге; скажите, что в нём обидного? — спросил меня Лев Николаевич таким тоном, словно он радуется моему недоумению.

Я высказал, что трудно согласить все его взгляды отрицания земельной собственности, — хотя бы по произведениям «Неужели это так надо?», «Великий грех», — с желанием помочь идее обложения единым налогом опять-таки в пользу тех же собственников; кажется, что Толстой отрицает Толстого.

Лев Николаевич объяснил, что ни ров, ни пропасть без моста не перейти, а единый налог в предложении Джорджа ему рисуется не чем иным, как мостом постепенного перехода через пропасть собственности к уравнительному трудовому землепользованию.

В каких-нибудь полчаса беседы Лев Николаевич своей простотой и сердечностью отогнал всё моё смущение; чувствовалось свободно и легко, словно ты не у всемирно-знаменитого Толстого, а у самого задушевного приятеля-друга, для которого внутри тебя нет ничего затаённого. На моё недоумение о проповеди непротivления Лев Николаевич радостно рассмеялся:

— Эдакий вы чудак! Да ведь в этом непротivлении — самое яростное протivление. Человек, которому объявили приговор к смертной казни, отказывается от пищи: разве тем самым он не проявляет самого сильнейшего протivления?..

Наверху в большой гостиной, увешанной портретами предков Льва Николаевича, за столом сидели три женщины: М. А. Шмидт, С. А. Толстая и Т. Л. Сухотина — дочь Толстого. Около Льва Николаевича сидел хорошо одетый, средних лет, господин, оказавшийся по представлению князем Оболенским. Он рассказывал Льву Николаевичу о крестьянских бунтах и разгромах имений в их местно-

сти. Помню характерный момент. Князь говорил о жестокости и варварстве крестьян, делающих надрезы кожи на породистых лошадях, которых выгоняли из шкуры каленым железом. Лев Николаевич слушал с нескрываемым недоверием и не раз прерывал князя вопросами;

— Да ведь все это говорят, а сами-то вы не видели?

И, вероятно, чтобы переменить неприятный разговор, Лев Николаевич обратился ко мне:

— Кого из современных поэтов вы больше читаете и уважаете?

— Брюсова,— ответил я.

— Декадент, упадочник, духовный дегенерат... Что вы нашли у него?

Я предложил прослушать, что я помнил из Брюсова. Лев Николаевич согласился, и я прочел. «Я жить устал среди людей и в днях...»

Стихи о женщинах я умышленно выпустил, а о думах и книгах постарался оттенить и подчеркнуть в них все красивейшие образы: о стоцветных стеклах окон — книг, через которые видны мир, просторы и

сиянья; о голубях, несущих
 весть в плывущий ковчег, и т. п.
 Я читал и наблюдал, как задум-
 чиво-серьёзное внимание вели-
 кого старика начинает цвести
 юношеской улыбкой радости
 чуткого художника. Глаза Льва
 Николаевича лучились и искри-
 лись духовным удовольствием,
 чувствовалось без его призна-
 ния, что стихотворение ему
 нравится. И когда я кончил, он
 попросил еще прочесть, если
 есть что в памяти из того же
 Брюсова.

Я читаю «Каменщика».

Лицо Льва Николаевича
 начинает меркнуть, и, когда я
 кончил, он сказал:

— Первое, глубокое по мыс-
 ли и настроению, можно уве-
 ренно считать поэтическим, а
 второе — надуманное, и думаю,
 что прозой гораздо лучше мож-
 но выразить ту мысль каменщи-
 ка, которая выражена стихами.

Говорили о современных
 беллетристах, среди которых
 Лев Николаевич отметил боль-
 шое подражание психопаткам
 мод — женщинам, ищущим в
 материях не прочности, а ярко-
 сти и цветочности рисунка, по
 большей части линючего и не-
 годного.

Прощаясь, Лев Николаевич
 посоветовал мне всматриваться
 поглубже не в Брюсовых, а в
 живой быт трудовой среды.

Избранные стихотворения

КАК Я ЗАПЕЛ

Под свист паров, под скрежет пил,
 Под лязг и гром гигантов стали,
 Я в глубине души открыл
 Источник скорби и печали...

Гудок ли грозно рокотал
 Призывом властным под трубою —

Ф. Е. Поступаев – толстовский Тютчев?

Мне чудилось, что он стонал
И словно плакал надо мною...

Форсунки ль выли у котлов,
Иль топки, уголь пожирая, —
Их воспринять я был готов
За тот же стон, тоской сгорая...

И скрип станков, и шум машин,
И дробь от молота по стали, —
Всё мне звучало, как один
Огромный стон людской печали...

И слушал я, и сам стонал,
Тяжёлый молот поднимая,
И пот горячий проливал...
От мук труда изнемогая...

Был ночи мрак, молчал завод...
Труба под небом не дымила;
В бараках крепко спал народ...
Казалось, ночь над всем царила...

Но я не спал... мой мозг горел...
По жилам кровь огнём пылала...

Мне чудилось, что кто-то пел,
И песнь не скорбию звучала,
Не стоном мук и не тоской,
Нет; что-то новое в ней лилось...

Я замер весь... и предо мной
Она в сияньи появилась...

Вдохнула песню в душу мне,
Струёю пламенной вдохнула,
Сказала «пой» и в тишине

Глубокой ночи утонула...

И я запел... как вихрь степной,
Взвиваясь, мчится под грозою,
Так песнь могучею волной
Взвилась, но только не мольбою;

Восторгом радости взвилась
И стон страданий заглушила...
Ещё запел... И полилась
Она могучей, властной силой,

К любви всемирной призывая
Людей, измученных борьбой...
Я пел, а надо мной, витая,
Она шептала: «громче пой!»

ТОВАРИЦУ-РАБОЧЕМУ

Бедняки мы с тобой, но наш род мы ведём
От великого славного рода,
Не его мы дорогою только идём,
Не дорогой родного народа:

Бороздою по ниве не стали шагать,
Как отцы наши, деды шагали;
Захотели мы света свободы искать
И долгонько в потёмках блуждали...

Издевалась над нами лихая нужда
Смехом сытых, тяжёлою долей...
Зло свирепо рычало на нас, иногда
Потрясая цепями неволи.

Холод жизни голодной в нас кровь леденил,
Чувства радости скорби сушили,

Ф. Е. Поступаев – толстовский Тютчев?

Веры искры святые мрак ночи гасил,
Дни тоскою ненастья грозили...

Но мы шли, и идём, и всё будем идти,
Сколько хватить в нас воли и силы,
Неуклонно, упорно стремяся в пути
Прочь из мрака душевной могилы...

ИЗ ГОРОДА

Слушай же, бабка, довольно вопить...
Сын твой не умер — живой...
Пишут: на клюшках, а всё же ходить
Станет он этой весной...

Слышишь?... страховку за ногу его
Можно с завода взыскать...
Тыщу получит... глядишь и того,
Будет без ног пановать...

Ну, а затем всенижайший поклон
Шлёт с поцелуем тебе...
На весну, Бог даст, надеется он
Быть и в родимой избе...

Ну, успокойся же... полно вопить...
Сын твой не умер — живой...
Пишут: на клюшках, а всё же ходить
Станет он этой весной...

* * *

Бедное сердце, чего ты не спишь,
Что ты всё бьешься, чего так стучишь?

Холодно, тёмно в пустыне немой,
Стук твой не слышен в тюрьме вековой...

Слышен, не слышен, я буду стучать,
Буду безмолвный покой нарушать...

Пусть неизменное «да или нет?»
Пастью могилы грозит мне в ответ,

Пусть эти стены коварно молчат,
Вечности тайны упорно хранят,

Знай, неустанный мой стук породил
Хор несмолкающих отзвуков-сил...

Слышишь, как звонко рокочит в дали
Отзвуки стука страдальца земли?!

Могут ли стены тот звон удержать?
Будем же, друг мой, смелее стучать!

* * *

Я стою над огромным котлом;
Поднял молот тяжёлый, большой.
Бью в заклепку; и грохот и гром
От железа ревут надо мной....

Я смотрю на часы: только три...
До семи — ох, далёко стоять!...
Слышу грозное: «в клёпку смотри —
Здесь — не поле, на галок зевать».

Бью и думаю, скоро ль звонок,
Измотался над клёпкою я...
С каждым часом большой молоток
Тяжелеет в руках у меня...

Труд окончен. Пришёл я домой...
Мучит кашель отбитую грудь...

Для усталого тела покой
Ох, как нужен! но трудно уснуть...

И я встал над кроватью моей
С сальной свечкой в усталых руках,
Выживаю клопов из щелей
И бесчисленных блох в ласкутах...

Словно иглы впиваются, жгут...
Жёстко ложе, как камень-гранит...
Бьют часы... и четыре уж бьют...
Засыпаю, и слышу: гудит...

И я снова стою над котлом,
Поднял молот, тяжёлый, большой...
Бью в заклёпку, и грохот и гром
От железа ревут надо мной...

ПЕСНЬ РОДИНЫ

С ветерком степным украдкой
Залетел в окно ко мне
Отголосок песни сладкой,
О родимой стороне....

Лаской поля, степи милой
Над станком моим звенит...
Замер я: рука с зубилом
Онемела... кровь горит...

Отголосок песни дивной
Зазвучал ещё сильнее...
Слышу голос я родимой
Старой матери своей:

«**П**лохо, горько знать живётся

На далёкой стороне...»
А песнь родины всё льётся
И так грустно, грустно мне...

«Эй, заснул!» — передо мною
Старший мастер... бровь грозна.
Верно буду оштрафован...
Эх, родная сторона!...

ПЕСНЬ ХЛЕБУ

Пропоём мы песню ни земле, ни небу...—
Пропоём мы песню аржаному хлебу.

Хлебушка, батюшка,
Хлебушка ржаный,
Песню тебе мы поём...
Слышишь, кормилец наш,
Слышишь, желанный,
Честь мы тебе воздаём!

В осень холодную землю вспахали мы
С другом безропотным, с другом гнедым.
Землю вспахали мы, вспарили, вздобрали
И взборновали старательно с ним...

В пору весеннюю слёзно просили мы
Бога всеильного всходы спасать...
Матьерь Пречистую, Божьих угодников
Всех мы молили поля орошать...

В летние, красные дни любовались мы,
Как ты под солнышком зрел-доспевал;
Словно как озеро — море великое
Ветер тебя колыхал, волновал...

Ф. Е. Поступаев – толстовский Тютчев?

Видим, что колосом хлебушка ржаненький
Вышел, и зёрнышком крепко созрел;
Собрали силушки — жней посзывали мы, —
С песней весёлою серп зазвенел...

В закроме вымели, зёрнышко ссыпали,
Будем мы жители! — думалось нам...
Ан, не по-нашему: хлебушка-батюшка
Странствовать начал по барским ларям....

То за арендную всыплем — расплотимся,
То на повинности міру сдадим...
Время уж зимнее, время морозное,
Смотрим, — а в закроме пусто-пустым...

Хлебушка батюшка, хлебушка ржаненький,
Знаем, попал ты к купцу-кулаку...
Будет молоть тебя купчик на мельнице
И продавать с барышём мужику...

Туго мошёночку, туго глубокую
Купчик набьёт золотою казной;
Будет он пирничать, будет он бражничать,
Мы же с детишками — с голоду вой...

Хлебушка, батюшка,
Хлебушка ржаненький,
Слышишь ли нас ты, родной?!

Спели мы песенку,
Но не весёлою —
Горькую песнь над тобой.

Ф. Поступаев. «У земли и у котла. Песни трудовой жизни».
М., «Посредник», 1906.

Ф. А. Страхов

Государство или христианство?

(Речь, произнесенная Федором Страховым на собеседовании об основах истинной религии).

Гг., мы продолжаем собираться здесь для разъяснения основ истинной религии. И вот, по мере этого разъяснения, оказалось, что эти основы всемирного братства, любви и непротivления настолько безусловны и категоричны в своих требованиях, что решительно не вяжутся с требованиями настоящего момента, а именно, с необходимостью отразить с оружием в руках нападение так называемого „врага” на наше отечество.

Казалось бы, что религиозные основы нашей жизни должны быть настолько святы и ненарушимы, что в выборе между ними и какими бы то ни было противоречащими им требованиями современной жизни не может быть никакого сомнения. Но на самом деле мы убедились как раз в противоположном, а именно в том, что требования настоящего момента оказались

настолько настойчивыми, что под их влиянием многие, не задумываясь, поставили себе дилемму: „либо война, либо христианство”, и, раз поставив ее, тотчас же решили ее в пользу войны.

Гг., я не думаю, чтобы постановка вышеуказанной дилеммы и, тем более, решение ее в пользу антихристианских требований были сделаны вами с легким сердцем; наоборот, я уверен, что большинство из присутствующих здесь искренно страдают от необходимости подобных постановок и решений, но, не видя надлежащего выхода из представившегося им затруднения, невольно склоняются в пользу торжествующих голосов за необходимость продолжения войны.

Причина всяческих сомнений и колебаний людей на христианском пути коренится или в их

легковерии и самонадеянности или же в маловерии, в недостатке сознания истинности и осуществимости христианского жизнепонимания.

Легковерным и самоуверенным людям кажется, что они готовы пойти за Христом, куда бы Он ни пошел (Лк. IX. 57); маловерным же, хотя и хочется идти за Христом, но они „озираются назад“ (Лк. IX. 62) и вечно колеблются между „единым на потребу“ следованием за Христом и „многими“ житейскими и общественными попечениями.

Первым Христос говорит: „лисицы имеют норы и птицы небесные гнезда; а Сын человеческий не имеет где преклонить голову“ (Лк. IX. 58), т. е. предупреждает их, что следование за ним выбьет их из обычной колеи жизни. Так, что им надо быть готовыми не только к крайним гонениям, лишениям и страданиям за исповедуемую ими истину, но и к утрате привычных общественных форм.

Вторых же, озирающихся назад, Христос прямо признает неблагоприятными для Царствия Божьего.

И вот, к этой второй категории людей, озирающихся назад, больше всего и принадлежат люди, мучающиеся выше указанной дилеммой. А для того, чтобы дилемма эта не была для них столь мучительной, они должны узнать, *что из себя представляет* и что им может дать то Царствие Божие, на которое Христос призывает нас обменять хотя и привычные, но зато ставшие слишком невыносимыми для нас царства мира сего.

Царствие Божие, которое Христос велел искать прежде всего, есть царство „не от мира сего“, и поэтому оно должно заключаться не в тех, кровью начертанных границах Франции, России, Англии, Италии, Германии, Австрии, а прежде всего здесь, *внутри нас*.

Если же нас не удовлетворяет якобы исключительно внутреннее свойство его, и мы желаем осуществления его и во внешнем проявлении, то мы должны знать, что это наше желание вполне законно и выполнимо, но при том лишь условии, если мы готовы будем пожертвовать во имя обретения

этого внутреннего царства не только жизнями своими (к сожалению, мы приучены отдавать их лишь за целость тех, внешних царств), но отдать и самые эти внешние, кровавые царства. Только при этом условии сможет наиболее мирным и прочным способом воплотиться это внутреннее царство и *во внешних формах*, и притом в гораздо больших размерах, чем в каких мы хотели бы сохранить за собой или могли завоевать те мирские царства.

И это должно произойти по тому евангельскому закону, по которому человек, если захочет сохранить за собой хотя бы „душу“ свою (жизнь плотскую, Мф. XVI. 25), хотя бы отечество свое, то потеряет это хранимое; если же готов потерять то, и другое во имя обретения самого высшего, святого, что только доступно его разумному сознанию, то попутно ему приложится и все это искомое и отстаиваемое людьми мира сего.

Одним словом, с отечеством должно произойти по Евангелию то же самое, что и с семьями, про которые Христос ска-

зал, что нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или жену, или детей, или земли, ради меня и Евангелия и не получил бы ныне во время сие, среди гонений во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель (а, следовательно, и отечеств) а в веке грядущем жизни вечной“ (Ев. Марка X. 29. 30).

Таков закон, который не пройдет, пока не будет исполнен (Мф. V. 18).

Но почему закон этот до сих пор не исполняется, потому что мы любим отцов, матерей, сыновей, дочерей наших и отечество наше больше, нежели Христа (Мф. X. 37).

А в этом-то преобладании личных привязанностей перед истинной любовью к людям и к истине и сказывается наше маловерие.

Стало быть, если не решаются люди отказаться от царств мира сего в пользу Царства Божия, *то это происходит от их маловерия*. Причина же маловерия — в недостаточной духовной зрелости людей.

Но неужели из того, что лю-

Ф. А. Страхов — Государство или христианство?

ди переросли свои грубые государственные формы, но еще не доросли до восприятия христианского жизнепонимания, неужели этим людям, отошедшим от одного, но еще не пришедшим к другому, следует садиться, что называется, между двумя стульями?

Нет, таким людям все же нет надобности оставаться в таком неопределенном положении, а надо *принять* христианство во всем его смысле без всяких урезок и компромиссов. *Следовать* же христианству им придется сообразно с своими силами, а не сверх сил. Если же сил этих настолько еще мало, что отказаться от служения государственным учреждениям они еще не могут, а вместе с тем и служить им от всего сердца и разума уже не могут, то пусть они поступают, как могут.

Вот что говорит Л. Н. Толстой по такому поводу:

„Если ты увидел истину, то, как бы ты ни жил, не скрывай ее от себя и других людей с тем, чтобы оправдать себя перед своей совестью и людьми. Если ты еще не в силах изменить свою жизнь и согласовать ее с

открывшейся тебе истиной, живи по-прежнему, но только не извращай истину для того, чтобы оправдать себя, а признай истину, хотя бы она и обличала тебя. Главное, не выдумывай мнимых добрых дел, которые должны скрыть от тебя и от людей твои действительно злые дела“.

Главное, стало быть, — не извращать истину лицемерными оправданиями поддерживаемого нами по нашей слабости и неподготовленности зла, и еще — не заботиться о том, что выйдет от такой нашей службы, подорванной в своей основе народившимся в нас христианским сознанием. *Fais ce que dois, advienne que pourra* (делай, что должно, и пусть будет, что будет) — была любимая французская поговорка Л. Н-ча. Так что если последствием нашего посильного охристианения окажется то, что государственная, насильническая форма нашей жизни еще будет продолжать свое существование, то пусть пока и продолжается это существование ее: если же охристианение наше с такою силою захватит нас и в глубь, и

в ширь, что государственный сепаратизм от этого будет подорван, то это будет самое лучшее.

Одним словом, пора нам понять и запомнить, что не государственностью мы должны проверять истинность христианства, а христианскою истиною должны определять пригодность для нас в наше время государственности.

Главное же, — как говорит Л. Н., — не надо извращать истину ради оправдания той тьмы языческой жизни, в которой мы живем.

Оправдание же это, между прочим, кроется в неправильном, — иногда умышленном, а иногда и неумышленном, — выставлении формулы: „все или ничего“.

И вот, я и хочу здесь пояснить, в чем состоит правильное и в чем неправильное понимание и применение этой формулы.

В своем предисловии к учению 12-ти апостолов Л. Н. Толстой приводит следующее обычное возражение против христианского учения со стороны людей, не желающих его

принять:

„Исполнять, так уж исполнять все; если же исполнять все, то надо отказаться от жизни, а это невозможно. Стало быть, и невозможно принять христианство.“

На это возражение Л. Н. Толстой отвечает текстом из учения 12-ти апостолов. Вот этот текст:

„Берегись, кто будет сбивать тебя с этого пути, так как он учит не по-Божьи, потому что, если ты можешь понести все иго Господне, то будешь совершен, а если не можешь, то делай, что можешь“.

Но вот тот же Лев Николаевич, только что высказавшийся против формулы: „все или ничего“, вдруг в своем письме к переселившимся в Канаду духоборам заявляет:

„Христианское учение нельзя брать кусочками: или все или ничего. Оно все неразрывно связано в одно целое“.

Не противоречат ли друг другу обе выдержки, несомненно взятые из-под пера одного и того же всеми признанного великого писателя.

Нет, не только не противоречат, но, наоборот, взаимно до-

полняют и выясняют одна другую.

При сличении обеих выдержек необходимо обратить внимание на то, что при первой, отвергаемой Львом Николаевичем, формуле „все или ничего" стоит глагол „*исполнять*", при второй же, принимаемой им, — глагол „*брать*".

Вот и выходит, что Лев Николаевич, вполне мирясь с частичным *исполнением* христианства, ничуть однако не мирится с частичным его *принятием*.

Но не все ли равно, сказать ли: „частичное исполнение" или „частичное принятие".

Нет, далеко не все равно, потому что, тогда как под требованием *принятия всего христианства* подразумевается вполне возможное полное сочувствие христианскому мирозерцанию, под понятием *исполнения всего христианства* подразумевается немислимое состояние человека, вполне воплотившего в своей жизни недостижимый христианский идеал.

Но на это могут возразить, что как возможно себе предста-

вить человека, отчасти *исполнившего* христианские требования, так равно возможно представить себе и человека, отчасти *принимающего* христианское учение, т. е. отчасти сочувствующего этому мирозерцанию.

Да, но с той разницей, что тогда как человек, целиком сочувствующий христианскому учению и притом отчасти по-сильно его исполняющий, все же может быть признан христианином, ибо такое несоответствие жизни с сознанием вполне естественно, человек, лишь отчасти принимающий христианство и хотя бы целиком выполняющий принятую им часть, никоим образом не может быть признан христианином.

Среди приверженцев высказанной выше дилеммы: „христианство или государство", только и слышишь эту пресловутую формулу: „все или ничего".

Но, если речь идет об усвоении христианских истин *в чистом сознании* человеческом, то на требование этой формулы я откликнусь в утвердительном смысле и скажу: да, надо или

брать, принимать в свое сознание все христианство до конца, до последних его выводов о всемирном братстве народов и о полном непротивлении злу насилеиом, как о необходимом условии христианской любви, или же не принимать его совсем, а не позволять себе заимствовать из него какую-нибудь одну его часть, отвергая все остальные, т. е. урезывать, искажать его.

Если же речь идет о проведении христианских истин *в жизнь*, о воплощении их, то, разумеется, тут нельзя рассуждать так, что если мы, мол, не можем стать святыми сразу, то и совсем не надо стремиться к недостижимому идеалу святости, праведности.

На такое понимание формулы „все или ничего" я откликнусь уже в отрицательном смысле и скажу: нет, к идеалу праведности надо стремиться из всех сил. Если же в данный момент из этих моих усилий выйдет то, что равнодействующая т. е. *диагональ* параллелограм-

ма, построенного на двух составляющих его силах, — силе христианских стремлений, с одной стороны, и государственных стремлений, с другой, — не сольется с его стороной христианских стремлений, а лишь несколько приблизится к ней, сохраняя свое отдельное от нее направление, то мы не должны принимать это посильное проведение христианства в жизни за искажение его, а должны признать это посильное воплощение христианства за нормальное, естественное явление следования по пути христианства, — того христианства, которое может требовать только посильного *движения* по указанному им направлению, а не совершенного *состояния*, подобно неподвижному пребыванию на том месте, по направлению к которому мы должны идти.

Таково указываемое самой жизнью решение дилеммы „государство или христианство“.

М. С. Дудченко письмо к Б. Муссолини

Письмо к Муссолини сохранилось в архиве как приложение к письму от М. С. Дудченко к В. Ф. Булгакову.

23 окт. 1935

Дорогой друг Валентин Федорович.

Посылаю тебе копию своего письма к Муссолини. Был бы рад, если ты пристроил его в печать. Послал я ему конечно на франц. яз... Но не знаю дойдет ли оно до его светлости...

В случае надобности ты конечно хорошо переведи его.

Пишу это на спех...

Шлю свой сердечный привет, отвечаю

Твой М. Дудченко

(Копия письма к Муссолини)

Уважаемый брат.

С этим открытым письмом к вам обращается один из горячих сторонников мира, часто выступавший с протестом против насилия и убийства — житель Украины, около 50 лет занимающийся земледелием и в то же время являющийся активным членом Интернационала противников войны.

Я обращаюсь к вам не для того, чтобы осудить Вас, как одного из вдохновителей и виновников тех бессмысленных массовых убийств, происходящих сейчас в Абиссинии, а для того лишь, чтобы не остаться равнодушным к тому ужасному делу, называемому войной, которое как пожар готово вспыхнуть и среди всех других беспрерывно вооружающихся народов.

И мне хочется прежде всего спросить Вас как человека, которому не чуждо всё человеческое: — Для чего нужно Вам всё то, что вы делаете? — Для чего нужна Вам кровь Ваших братьев, сестер и их детей, проливаемая при столь постыдных условиях, — при условиях, когда итальянцы, называя себя цивилизованными и вооруженные по последнему слову продажной науки нападают на сравнительно безоружных людей — Абиссинцев, которым приходится рассчитывать лишь на свою храбрость, свою самоотверженность?

Если вы не под влиянием пустого тщеславия, а искренно думаете таким образом служить своему народу, то ведь Вы должны же знать, что истинное добро для всякого человека есть то, что становится добром и для всех людей и не может быть того, чтобы счастье какого-либо народа было бы построено на несчастьи других народов. В этих словах для всякого просвещенного человека заключается такая же непреложная истина, как истинно то, что нужно с другими поступать так, как хочешь, чтобы с тобой поступали люди...

Какими же великими оказываются те, которые наперекор естественному в человеке чувству доброжелательности воспитывают в людях такие страсти, возбуждаемые войной, как международная ненависть, жажда победы или мщенья и пр. — страсти, превращающие высшие общественные инстинкты в низменное безрассудное самолюбие, называемое патриотизмом.

И таким виновником, несущим на себе тяжкую ответственность за преступление многих являетесь Вы в бóльшей мере, чем кто-либо другой...

Мне неизвестно какого жизнепонимания держитесь Вы, но я несколько не сомневаюсь, что Вы не социалист, по сколько Вы отрицаете на деле братство всех людей и народов, и не считаетесь с тем, что рабочие то и крестьяне (— этот предмет особого почитания среди социалистов), составляя собой ряды армии, преимущественно и страдают от войны.

Нечего уж говорить о том, что Вы и не христианин. Ибо Хри-

стианство кладет конец тому неустройству жизни, при котором народы принадлежат одному или многим господам, как стада принадлежат своему хозяину. Оно учит тому, что будучи равны перед Богом, люди свободны друг перед другом, что никто не может сам по себе иметь власти над своими братьями и что власть не может быть правом, а в общественном устройстве она есть только должность служение...

И так в настоящем смысле этих слов Вы не социалист и не христианин.

— Так кто же вы?

— Пусть совесть Ваша подскажет Вам свой искренний ответ.

Практически же, как представитель власти Вы являетесь типичным сообщником известного круга тех правительственных воротил, которые в перегонку военизируют каждый свой народ, якобы для оберегания его от неприятелей, а на самом деле — для более прочного удержания власти над ним.

Знайте же, что такого рода Ваша заботливость об интересах народа уже не нужна людям. Она слишком дорого обходится и в материальном, а особенно в нравственном отношении. А помимо того люди всех обществ в мире, не смотря на свою сравнительную дикость, достигли уже того уровня, при котором всякие свои конфликты они научились разрешать судебным порядком, а не при помощи кровопусканий.

Отчего бы таким же способом не разрешать им и своих международных конфликтов?..

Но к сожалению подобным Вам управителям трудно стать на этот мирный путь. С ног до головы вооруженные, — прежде всего для защиты своей власти и привилегированного положения как своего так и всего господствующего класса в каждой стране они тянут под гору, (а может быть в пропасть) тот с тяжелой нагрузкой воз милитаризма, который, толкая их, не позволяет им ни на минуту остановиться и одуматься.

Аппетиты же и буржуазные потребности этих, строго говоря, всегда тиранических организаций склонны так бесконечно расши-

ряться, что они неизбежно входят в столкновения с другими, такого же рода иноземными организациями.

И настоящий выход из такого кошмарного положения — только в том, чтобы во имя требований правды и своего человеческого достоинства отказываться от всяких видов насилия, отказываясь в то же время и от тех благоприобретенных привычек к роскоши, которые больше всего побуждают людей к насилию над братьями своими.

Нечего говорить о том, что тот же путь чистоплотной жизни со включением трудовой взаимопомощи вместо конкуренции и борьбы стоит и перед всеми гражданами всех стран, кто бы они ни были по своему положению для достижения всеобщего мира.

И к счастью по этому пути давно идут лучшие люди всех времен и народов, мужественно отказываясь от военной и государственной службы и согласуя свои поступки только с требованиями своей совести.

Много или мало людей, идущих в таком направлении и найдутся ли дипломаты, способные проникнуться такими идеями — не в этом дело! И нам нечего дожидаться их, как незачем ласточке откладывать свой весенний перелет, в ожидании других ласточек.

А важно и радостно то, чтобы каждый из нас, доверившись силе объединяющей всё родственное в мире, был готов идти вперед и самоотверженно выполнять свой долг, сознавая, что единственное и могущественное средство для того чтобы всем стало хорошо, заключается только в том, чтобы самому сделаться лучше, т. е. добрее, благороднее.

Подумайте же, брат, ради всего святого обо всем том, что с чувством искренней доброжелательности я высказал Вам и перестаньте проливать братскую кровь! От Ваших решений зависит многое.

М. Дудченко

6 окт. 35 г.

Бенито Муссолини (1883-1945) — лидер «Национальной фашистской партии» Италии, первый маршал Империи, диктатор, возглавлявший Италию как премьер-министр в 1922-43 годах. Родился в семье сельского кузнеца и учительницы, в молодости был активным членом социалистической партии. Арестовывался в 1903 году за уклонение от призыва и получил пять месяцев тюрьмы за организацию антивоенных манифестаций и забастовок в 1911 г. В 1915 г. он внезапно превратился в националиста, а когда фашистская партия пришла к власти, начал создавать «Новую Римскую империю»: была захвачена Ливия, Албания, в 1935-36 годах была развязана война против Эфиопии (Абиссинии). Применялось химическое оружие: горчичный газ и фосген. Был казнен итальянец, отказавшийся участвовать в этой войне, о чем российским толстовцам было известно из сообщений «Интернационала противников войны».

Митрофан Семенович Дудченко (1867-1946) — единомышленник и близкий знакомый Л. Н. Толстого. Окончил в Полтаве университет. С 1887 г. занимался земледельческим трудом под Полтавой. К нему на хутор приезжал ряд известных толстовцев: В. Г. Чертков, П. И. Бирюков, И. И. Горбунов-Посадов и др.; писатели: В. Г. Короленко, И. А. Бунин, И. Ф. Наживин, Панас Мирный, художники Н. Н. Ге, Г. Г. Мясоедов и др. В 1914 году М. С. Дудченко был арестован за распространение антивоенного воззвания. Позже он был руководителем Толстовского общества в Полтаве, выступал экспертом по делам об отказах от военной службы. Переписывался с М. Горьким, Р. Ролланом, С. Цвейгом, М. Ганди.

Валентин Федорович Булгаков (1886- 1966) — последний секретарь Л. Н. Толстого, активный участник толстовского движения, за что и был выдворен из СССР в 1923 г. За границей стал одним из руководителей «Интернационала противников войны».

Виталий Адаменко

Доклад о фашизме

Доклад был прочитан 21 ноября 2007 в Самарском Государственном Университете на круглом столе «Фашизм: история и современность», проведенном студентами исторического факультета в связи с неделей антифашистских действий и годовщиной событий «хрустальной ночи».

---

1. Понятие фашизма, разграничение фашизма и национализма, нацизма, тоталитаризма.

Фашизм является одной из форм тоталитаризма.

Определение слова «фашизм» из «проекта энциклопедического словаря по Правам Человека», присланное Александрой Назаровой, на мой взгляд, больше подходит для определения слова «тоталитаризм». Привожу его с некоторыми добавлениями и уточнениями:

это идеологическое социальное течение, предполагающее несколько базовых элементов:

— нетерпимость по отноше-

нию к каким-либо социальным группам (расизм, шовинизм, радикальный национализм, гомофобия, антисемитизм и т.п.), сопровождающаяся призывами к их притеснению, выселению или даже физическому уничтожению;

— тоталитарное мышление, предполагающее полное превосходство всевластного государства, «нации», идеи, и т.п. над отдельной личностью, которую, соответственно, можно приносить им в жертву, не считаясь с человеческим достоинством этой личности;

— милитаризм и «культ физической силы» (точнее сказать, культ насилия), делающие ставку на насильственные, военные способы решения политических

и социальных проблем, а также силу и агрессию в межличностных конфликтах.

Фашизм, являясь одной из разновидностей тоталитаризма, отличается тем, что:

противопоставляет идеи социального мира внутри нации, с одной стороны, и идеи неизбежных конфликтов и борьбы между нациями, расами и государствами, с другой стороны.

Первоначально, в узком смысле, слово «Фашизм» использовался для обозначения идеологии и политического режима в Италии во время правления Национальной фашистской партии во главе с Муссолини в 1920-1940 гг., а «Нацизм» (или «Национал-Социализм») — для обозначения идеологии и политического режима в Германии во время правления Национал-социалистической немецкой рабочей партии во главе с А. Гитлером в те же годы.

Признаки, по которым эти два режима отличаются друг от друга, приводит в своей статье «Фашизмов много» Александр Тарасов:

Нацизм опирался на город-

ской "средний класс"; строил иерархическое технократическое военное индустриальное государство (в идеале — гигантский военный завод); поддерживался (и приводился к власти) промышленным капиталом; был ориентирован на языческую мистику и расовую чистоту; рассматривал свою "революцию" как эксперимент по ускоренной модернизации; ставил государство в подчинение партии. Итальянский фашизм опирался на сельский "средний класс"; строил патерналистское "корпоративное государство"; поддерживался (и приводился к власти) преимущественно сельскохозяйственным крупным капиталом; был ориентирован на католицизм и внешний национализм (средиземноморский империализм); рассматривал свою "революцию" как национально-превентивную — с целью недопущения "большевизации" Италии; ставил партию в подчинение государству.

Для определения современных движений, обладающих выше перечисленными признаками, используют как слово

«неофашизм», так и слово «неонацизм» — на мой взгляд, как синонимичные.

2. Социальная, политическая, экономическая, идеологическая, психологическая сущность фашизма. (Причины появления фашизма).

Думаю, что причин появления тоталитарных движений и режимов было несколько:

1) Со стороны государства всегда шло желание укрепить свою власть, подчиняя себе печать, образование и другие стороны жизни людей.

«Остается теперь только одна область деятельности людской, не захваченная правительственной властью, — область семейная, экономическая, область частной жизни и труда. И эта область теперь, благодаря борьбе коммунистов и социалистов, уже понемногу захватывается правительствами, так что труд и отдых, одежда, пища людей, всё понемногу, если только исполнятся желания реформаторов, будет определяться и назначаться правительствами», — писал в 1893 году

Л. Н. Толстой.

2) Навстречу этому стремлению со стороны государства шло движение, которое можно назвать «государственно-социалистическим». Как пишет Кропоткин, неопределённые стремления людей к тому, чтобы государство заботилось о бедных, чтобы богатые поделились с малоимущими, о равенстве и справедливости воплотились не в одну более или менее реальную социалистическую теорию, а сразу в три. Теория Анри де Сен-Симона состояла в том, что государство нужно взять в свои руки, ввести планирование промышленного и сельскохозяйственного производства.

Б. Рассел, исследуя «Происхождение фашизма» (статья 1935 года) пишет, что националистическое движение началось с Фихте, а у Карлейля националистические идеи впервые соединились с социалистическими представлениями о государстве, заботящемся о простом народе, с критикой капитализма и культом героев (таких, как Кромвель или Наполеон).

В 1870-х гг. в Германии уже

стали появляться организации — предшественники нацистской партии. В 1888 было создано объединенное общенациональное «Немецкое антисемитское объединение». Его программа предусматривала создание «немецко-социального государства» с сильной императорской властью, ограничением демократических свобод и агрессивной внешней политикой. Антисемиты предлагали ввести жесткое «государственно-социалистическое» регулирование экономики: установить контроль над банковской и биржевой деятельностью, над монополистическими объединениями, принять меры по защите крестьянства и развитию цехового ремесла, устранить классовую борьбу и добиться гармонии между трудом и «национальным» капиталом при уничтожении «антинационального» (прежде всего, еврейского). С 1890 движение антисемитов было представлено в германском парламенте — рейхстаге. (Из энциклопедии «Кругосвет»).

В 1940 году Оруэлл пишет:

«С точки зрения внутренней

у Германии много общего с социалистическим государством. Собственность не отменена, по-прежнему есть капиталисты и рабочие, и это важный момент, истинная причина, почему богатые во всем мире склонны симпатизировать фашизму — после нацистской революции капиталистами остались, в общем, те же, кто был капиталистами, а рабочими — рабочие. И в то же время, распоряжается всем государством, то есть попросту нацистская партия. Она распоряжается инвестициями, сырьем, процентными ставками, длительностью рабочего дня, заработными платами. Владелец фабрики по-прежнему владеет фабрикой, но в практическом плане он низведен до положения управляющего. Фактически, все являются государственными служащими, хотя жалование у них может сильно разниться. Эффективность этой системы, не страдающей от расточительства и различных помех, очевидна. За семь лет она построила военную машину, мощнее которой не видел мир».

3) Научно-технический прогресс, по мере своего развития,

предоставляет всё больше возможностей для контроля и управления людьми. В XIX веке Герцен писал о том, как был бы ужасен Чингисхан с телеграфом. В 1940 г. Оруэлл пишет: «То, к чему мы сейчас идем, имеет более всего сходства с испанской инквизицией; может, будет и еще хуже — ведь в нашем мире плюс ко всему есть радио, есть тайная полиция». Хаксли писал Оруэллу, что следующие диктаторы, наверное, будут использовать не тюрьмы, а фармакологические средства.

4) Ужесточению режимов способствовало разрушение христианской культуры. Не в смысле обрядов, а как этической системы: как известно, большинство членов НСДАП было протестантами и католиками, а все немецкие Свидетели Иеговы были поставлены вне закона, наравне с евреями и коммунистами.

Разрушение христианства продолжалось весь XIX век целым рядом мыслителей и ученых.

Постепенно выяснилось, что нет земных причин считать другого человека, отличающегося

от меня силой, умом, социальным положением и т. п., — равным себе. Равенство между людьми может пониматься только мистически, иррационально. Скорее, есть причины считать себя Единственным, Сверхчеловеком, а всех остальных — недочеловеками. Нет и причин и для солидарности, для уступок другому — скорее есть причины воспринимать другого человека чисто утилитарно, скорее, есть причины для вечной борьбы за власть или удовольствия.

Своего наивысшего развития эта мысль достигла у Ницше. Разница между фашистами и Ницше в том, что борьбу за власть Ницше мыслил как борьбу между отдельными людьми, а фашисты — между группами людей, объединенных по национальному и расовому признаку. Представление же о том, что с другим человеком можно поступать как угодно, если я принадлежу к более сильной группировке, а он — нет — осталось точно таким же.

Оно стало общим для всех фашистских и тоталитарных движений.

(«Партия — рука миллионнопаляя, сжатая в единый громающий кулак»)

Из статьи Жоржа Бернаноса «Что такое "фашист"»:

«Вселенский кризис, по-прежнему угрожающий миру, имеет социальные и политические причины, это ясно. Однако в первую очередь это не политическое и не социальное явление, но кризис индивидуального сознания. Фашизм бахвалится тем, что создал новый тип человека, противопоставив его типу христианина. На самом деле, фашизм вовсе не создал этих новых людей, наоборот, он сам всецело обязан им своим существованием или, по крайней мере, необычайно широким распространением... Фашизм — кризис европейского сознания, лишённого христианского духа. Да, задолго до того, как Гитлер написал или даже задумал «Mein Kampf», десятки миллионов людей из всех слоев общества, всех классов, а также — стыдно сказать — всех вероисповеданий были готовы внять этому новому евангелию. Кажется, они не имели, а то и не желали иметь ничего общего,

но зато походили друг на друга в одном: они потеряли веру в справедливость и в свободу, то есть потеряли веру в человека... Глубокомысленный материалист, вероятно, представлял себе спасение мира совсем не так, как военный, врач или священник, но все они сходились в главном: мир нужно спасти, помимо его воли, навязать ему спасение любой ценой... Все они более или менее усвоили — иногда безотчетно — следующий принцип: общество может и должно защищаться теми же позорными средствами, которыми пользовались лишь те, кто хотел его погубить... И поскольку все они более или менее откровенно признавали, что цель оправдывает средства, то рано или поздно должны были прийти к теории узаконенного убийства».

За годы Первой мировой войны миллионы людей участвовали в военных действиях, и большинство привыкло к тому, что армейская дисциплина и убийство по приказу командующего — дело нормальное. Меньшинство, правда, пришло к прямо противоположным

мыслям. Поэтому в 1915-1920 годах наблюдался расцвет как тоталитарных, в частности, фашистских, движений, так и антивоенных (уступающих первым по численности).

Интересно рассмотреть причины, по которым в некоторых странах (например, в Англии) фашизм (или какая-нибудь другая форма тоталитаризма) не получил серьезного распространения. Оруэлл пишет в статье «Лев и единорог: социализм и английский гений» (1940):

«Как и все современные народы, англичан уже нумеруют, классифицируют, мобилизуют, «координируют». Но инстинкты англичан направлены в противоположную сторону, и регламентация, которую им могут навязать, примет несколько иные формы. Без партийных съездов, без молодежных союзов, без одноцветных рубашек, без травли евреев и «стихийных» демонстраций. И без гестапо, по всей вероятности.

...простые люди лишены определенных религиозных убеждений — и таковы уже не первый век. Англиканская церковь никогда не имела над ними

настоящей власти... И все же народ сохранил глубокое христианское чувство, при том, что почти забыл имя Христа. Культ силы — новая религия Европы, заразившая английскую интеллигенцию, не затронула простых людей. Они никогда не следили за державной политикой. «Реализм», проповедуемый итальянскими и японскими газетами, привел бы их в ужас...

Мягкость английской цивилизации — возможно, самая заметная ее черта... Отсюда же происходит и то, что европейские наблюдатели списывают на «вырождение» или лицемерие, — английское отвращение к войне и милитаризму. Оно коренится в истории и сильно выражено у рабочего класса и в более бедных слоях среднего. Войны могли его поколебать, но не уничтожили. Еще свежи в памяти те времена, когда «красномундирных» ошикивали на улицах, а хозяева приличных заведений не пускали солдат. В мирный период, даже при двух миллионах безработных, трудно укомплектовать крохотную регулярную армию... Ни один политик не вылезет наверх, посу-

лив завоевания или воинскую «славу». Никакой гимн ненависти еще не находил у людей отклика... В Англии хвастовство, размахивание флагами, вся эта «Правь, Британия» — занятие крохотного меньшинства.

Нелюбовь к регулярной армии живет на уровне инстинкта. Во флоте занято сравнительно мало народа; флот — внешнее оружие, прямо не влияющее на внутреннюю политику. Военные диктатуры существуют повсюду, но диктатуры флота не бывает. Что отвратительно англичанам чуть ли не любого класса — это чванливое офицерье, звяканье шпор и топот сапог. За десятки лет до того, как услышали о Гитлере, слово «пруссский» значило в Англии примерно то же, что сейчас «нацистский». Чувство это настолько укоренившееся, что уже лет сто офицеры британской армии в мирное время и вне службы всегда ходят в штатском». И т.д.

Отмечу, что в Англии и во время войны продолжали выпускаться издания анархистов и пацифистов: «Фридом» и «Пис ньюс», и была возможность вы-

брать вместо службы в армии альтернативную ей гражданскую.

5) Совершенно нелишним будет упомянуть и психологические причины, по которым люди присоединяются к фашистским движениям

Эрих Фромм в книге «Бегство от свободы» описывает ощущение одиночества и беспомощности человека в обществе, где над ним властвуют безликие экономические законы и гигантские бюрократические институты, а традиционные связи с его социальным окружением размыты или разорваны. Утратив «цепи» соседского, семейного, общинного «единства», люди ощущают потребность в какой-то замене сообщества. Такую замену они нередко находят в чувстве сопричастности нации, в авторитарной и военизированной организации или в тоталитарной идеологии.

Джордж Оруэлл в своей «Рецензии на Майн Кампф» пишет:

«Гитлер, лучше других постигший это своим мрачным умом, знает, что людям нужны не только комфорт, безопас-

ность, короткий рабочий день, гигиена и вообще здоровый смысл; они также хотят, иногда по крайней мере, борьбы и самопожертвования, не говоря уже о барабанах, флагах и парадных изьявлениях преданности. Фашизм и нацизм, какими бы они ни были в экономическом плане, психологически гораздо более действенны, чем любая гедонистическая концепция жизни. То же самое, видимо, относится и к сталинскому казарменному варианту социализма. Все три великих диктатора упрочили свою власть, возложив непомерные тяготы на свои народы. В то время как социализм и даже капитализм, хотя и не так щедро, сулят людям: «У вас будет хорошая жизнь», Гитлер сказал им: «Я предлагаю вам борьбу, опасность и смерть»; и в результате вся нация бросилась к его ногам. Возможно, потом они устанут от всего этого, и их настроение изменится, как случилось в конце прошлой войны. После нескольких лет бойни и голода «Наибольшее счастье для наибольшего числа людей» — подходящий лозунг, но сей-

час популярнее «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца». Коль скоро мы вступили в борьбу с человеком, провозгласившим подобное, нам нельзя недооценивать эмоциональную силу такого призыва».

На мой взгляд, именно эти две психологические причины заставляют людей присоединяться к неонацистским движениям. Остаётся обсудить, что мешает людям с такой психологией присоединиться к Гринпис или Армии Спасения, у которых тоже есть «барабаны, флаги и парадные изьявления преданности», но без культа насилия?

3. Исторические формы фашизма.

По истории фашизма, нацизма и неонацизма могу прочитать две статьи В. Дамье из энциклопедии «Кругосвет» и фрагмент из статьи А. Тарасова «Фашизм много».

(Обзор неонацистских группировок в нашей стране пусть сделает кто-то другой.)^{*)}

---

^{*)} Могу порекомендовать неплохую и небольшую книгу немецкого автора: *Випперман В. Европейский фашизм*

4. Борьба с фашизмом. Опыт, принципы, итоги.

1) Вооруженная борьба с фашизмом.

Во многих книгах написано, что фашизм (в узком понимании этого слова) закончил свое существование вместе с победой в 1945 СССР и союзников: Англии, Франции, США над фашистской Германией, Италией, Японией и полным запретом на деятельность фашистских партий в большинстве государств. Но тут же, после окончания войны в СССР усилились такие же тоталитарные явления, какие были в побежденных им фашистских странах. Начался новый виток репрессия, причем поиск врагов теперь велся и по национальному признаку — в стране началась явно антисемитская кампания по борьбе с космополитизмом — как если бы победитель заразился антисемитизмом от побежденного. В более ослабленной форме по-

добные тоталитарные явления проходили и в США — начался период маккартизма. Агрессия направлялась не только на внутренних «врагов народа», но и вовне: надо всем миром появилась реальная угроза третьей мировой ядерной войны.

Закончился же этот период не в результате вооруженной борьбы фашистов и антифашистов, сторонников тоталитаризма и его противников, а тем, что у большей части населения возникло ощущение, что так дальше продолжаться не может: как становится известно, к концу жизни Сталина проекты либеральных реформ созрели не только у Хрущева или Микояна, но даже и у Берии. Президент Эйзенхауэр, который был так многим обязан Маккарти, публично осудил изыскания своего чиновника. Против него выступили председатель республиканской партии и министр обороны.

Противоречива позиция и тех боевых «антифа», которые сейчас борются с неофашистскими группировками их же методами. Можно порассуждать, кого из них выгодно поддерживать гос-

---

в сравнении. 1922-1982. Новосибирск, 2000. См.: http://militera.lib.ru/research/wippermann_w01/index.html).

ударству, и кто будет более опасен, если придет к власти. Но сейчас, наблюдая за такого рода борьбой создается впечатление, что смотришь за состязанием двух команд, играющих по одним правилам, с одинаковым темпераментом, одинаковой агрессивностью, с одинаковым представлением о борьбе с врагами, и различающихся только внешними атрибутами. Поговорив с одним представителем НБП и одной представительницей правозащитного движения (не буду показывать ни на кого пальцем), почувствовал, что такое впечатление создается не только у трусливых и аполитичных обывателей.

Чем дольше и жесточе будет идти эта борьба, тем больше поводов у правительства, при одобрении народа, уменьшить свободы в стране. Так что обе команды, при различии своих взглядов, способствуют уменьшению свободы. Что произойдет, если борьба закончится победой одной из сторон, можно представить себе, глядя на историю XX века.

2) Менее противоречивым, но противоречивым, мне пред-

ставляется либерально-правозащитный подход. Борьба за отстаивание прав отдельного человека от вмешательства государства, или противодействие изменению режима в сторону тоталитаризма — безупречна. Но как должны люди бороться с фашистскими группировками, исходя из принципа соблюдения законности: обратиться к государственным органам насилия, чтобы они запретили организацию, газету, демонстрацию этой группировки, то есть вооруженный отряд милиции пришел и совершенно фашистским образом разогнал людей, если потребуется, избил или посадил их, совершенно не соблюдая «суверенитет Личности и уважение к человеческому достоинству любого отдельного человека». Концепция Прав Человека подразумевает наличие сильного государства, являющегося основным нарушителем этих самых Прав Человека. Противоречива и идея равенства всех людей перед законом, если одни люди могут менять этот закон, а другие — нет.

3) На мой взгляд, происходит замкнутый цикл: Если государ-

ство слабо, то в нем есть свобода, но оно не решает тех социальных проблем, решение которых передоверил ему народ. Раздаются голоса о том, что нужна сильная власть, что нужно сплотиться. Тут же находятся враги, наличие которых обязывает сплотиться. Либо правит само государство, либо (как в начале XX века) — вооруженные движения берут власть в свои руки. Некоторые проблемы в обществе, неразрешимые при либеральном режиме тут же решаются (насильственными методами и в централизованном порядке), народ, соответственно, поддерживает эту власть — большинство населения не считает такие методы наведения порядка неприемлемыми. Власть укрепляется и не чувствует больше необходимости делать что-то для народа, наоборот, развивается стремление к обогащению властвующих и к внешней агрессии. Свободы в стране нет, социальные проблемы, решения которых ждет народ, остаются нерешенными, расходы правительства на себя и на подготовку к внешней агрессии растут.

Народ перестает поддерживать такое правительство. Режим разрушается либо в результате проигранной войны, либо в результате проигранного экономического состязания с другими странами, либо в результате реформ, проведенных из страха перед полным разрушением режима, и с огромной поддержкой и доверием со стороны народа. На смену ему приходит более либеральный, слабый режим. И всё снова.

Либо государство дает свободу и не решает возложенных на него народом задач, не мешает и тем, кто выступает за сильную власть и за силовые методы решения проблем. Либо сильное государство, которое в первое время решает возложенные на него задачи, при этом отнимая свободу. Набор проблем, неразрешимых при одном варианте, сменяется набором проблем, неразрешимых при другом варианте. Чем больше в общественном сознании распространена мысль, что с врагами можно поступать как угодно, тем более жестоким будет поведение государства при тоталитарном варианте, или

неофашистских групп при либеральном.

4) Думаю, этот замкнутый цикл может разрешиться только тогда, когда народ перестанет смотреть на власть как на коллективного Робин Гуда, который ограбит богатых в их пользу (а не в свою), разгонит всех кто мешает жить этому народу (а не государству), и решит все его проблемы (а не свои), а сможет сам решать свои проблемы с помощью добровольно созданных и не использующих насилие объединений: НКО, коммун, благотворительных организаций, кооперативов и других объединений.

Считая главным признаком фашистской и тоталитарной идеологии и практики культ насилия и милитаризм, считаю необходимым распространение идей ненасилия (чем, например, заняты Ганди-центры в США и в европейских странах).

В частности:

Изучение теоретических работ по ненасилию Л. Н. Толстого;

Изучение практики М. Ганди, М. Л. Кинга и других, менее известных успешных не-

насильственных движений;

П. А. Сорокин провел обширные социологические исследования на тему: что способствует распространению идей ненасилия и солидарности, как живут коммунитарные сообщества, придерживающиеся таких идей и т.п. (Из этих работ на русский язык, вроде бы, ничего не переводилось, хотя книги эти большими тиражами тут же при его жизни выходили в США, Индии, Японии и других странах — у нас Сорокин известен только как автор социологических концепций).

В книге Д. Шарпа «Тактика ненасильственных действий» (1973?) собраны все известные ему случаи успешного ненасильственного сопротивления фашистскому режиму в годы Второй Мировой войны (книга на русский язык, кажется, не переведена).

В книге директора Центра исследований мира Свободного университета г. Брюссель Й. Низинга «Общественная оборона как логическая альтернатива. От утопии к выбору» рассказывается о различных способах ненасильственной

В. Адаменко — Доклад о фашизме

обороны страны от внешних врагов (у нас издана в 1993 г.).

Это не будет борьбой с фашизмом и тоталитаризмом, это будет построение мира, в котором фашизм невозможен.

А пока что — участие во всех правозащитных, либеральных (в смысле: стремящихся

уменьшить количество насилия со стороны государства), и других антинасильственных движениях, которые хотя и не решают проблему принципиально, но помогают конкретным людям в каждом конкретном случае.

Перечитав заново этот доклад, могу прибавить только, что сейчас я не стал бы уделять столько внимания самим терминам «фашизм», «нацизм», «тоталитаризм». Внимание нужно уделять практическим преступлениям властей или группировок: цензуре, введению смертной казни, поджогам и избиениям по национальному признаку и т.п. А как это обозначить: «фашизм», или «тоталитаризм», или «диктатура», и под какими именно лозунгами и флагами все это совершается — дело второстепенное.

В. А.

Илья Овчаренко

Цель человека.

Задачи от Бога.

Терпкость трав от косьбы и лета,
Весь пропитан ароматом цветов,
Солнце румянит лицо, кровью налито тело,
Я чувствую себя частью полей и лугов.

Как плод набухает сочный
Так труд на земле развивает во мне
Чувство слитности с природой,
Её мощь, душевный покой.

Научится здоровью природы —
Вот задача моя.
Для этого всем разумом и сердцем
Вгрызаюсь в её простые правила бытия.

От простой косьбы и сапки
Начинаю прозревать отдаленные галактики,
Дверь в параллельные миры.
Деревья начинают хором петь,
Травы и цветы танцевать.
Это не ветер их колышет,
Это они стремятся вылезти из земли и побежать.

Мошки танцуют вальсы,
Свои круговые точные па.
Озеро рябит и морщится
С точностью закона Паскаля, Ньютона
или Мандельброта.

Тут я начинаю узнавать улыбку Бога
Совершенную разумность существования жизни и меня.
У каждого есть своё дело
Каждый на своих местах
Пойми свою задачу человека и не печалься зря.

Задачи от Бога ясны:
Стать совершенным, как небо,
Солнцем, полным мудрости и доброты.
Поэтому душа — вот наше дело.
Научиться любить и прощать тех,
Кого называем "враги".

Даже если с мечами идут на нас,
Не отвечать зуб за зуб, глаз за глаз.
Не бояться убивающих тело,
Любовь превыше всего.

2015

<https://poembook.ru/KuriKanta>

Павел Ефремов

Из письма о христианстве

...Ваша критика христианства — по сути своей повторение того грубого атеизма, который навязывался людям в СССР 70 лет. Именно "грубого", поскольку он собственноручно конструирует содержание понятий религия вообще и христианства в частности. Атеизм этот может иметь отношение к церковному учению, да ещё в самой его грубой форме, но уж совершенно не к тому, что понимали под христианством и религией философы и мыслящие люди 19-го — начала 20-го столетий. Из мыслителей Ваши взгляды ближе всего, по видимому, к идеям Вольтера — безусловно, выдающегося философа, но абсолютно не понимавшего сущности учения Христа. Вольтер, однако, несмотря на своё отрицательное отношение к христианству, как он его понимал, всё же не демонизи-

ровал личность Иисуса, сказав, что в его учении выражена та же всеобщая моральная истина, которая содержалась и у других учителей человечества: Сократа, Конфуция — у Вас же нет понимания и этого.

Советская антирелигиозная пропаганда, как и современная атеистическая пропаганда, часто использует именно труды этих философов-просветителей 18-го века, что отражает только опять-таки её невежественность, поскольку невозможно выбросить из истории развития человеческой мысли, из истории осмысления христианства труды Канта, Шопенгауэра, немецких идеалистов вообще, не говорю уж о том, что нам, людям русской культуры, невозможно просто взять и забыть то понимание сущности христианства, которое выражено в работах наших величайших

мыслителей и писателей: Ф. Достоевского, Л. Толстого, Н. Бердяева.

Вы пишете, что так, как понимаю христианство я — т. е. как прежде всего собрание моральных предписаний и признание во всяком человеке наличия духовного начала (собственно, и являющегося источником этой христианской морали), жизнь в согласии с которым есть необходимым условием счастья для *всякого* разумного существа, а вовсе не для того, кто принимает или заявляет, что принимает на веру какие-либо догмы — что так никто и никогда христианство не понимал. Но это утверждение ложное совершенно, причина чему либо в сознательной фальсификации истории развития мысли, либо, что, по-видимому, и имеет место в Вашем случае, результат пресечение культуры после октябрьского переворота и длительной промывки мозгов, продолжавшейся все 70 лет тоталитаризма в нашей стране — время вполне достаточное для внедрения в сознания людей абсолютно вульгарного представления о предмете

нашего обсуждения. Так вот, то понимание христианства, о котором говорю я — это именно то понимание, которое уже 150 лет утверждалось в мыслящей части русского общества, и если Вы не понимаете его так, если для Вас христианство — это деяния "злого бога" и страхов примитивных людей, то, боюсь, Вам тогда должна быть совершенно непонятна ни русская классика, ни русская и мировая философская мысль.

Совершенно то же относится и к происхождению тех взглядов на религию вообще, которые вы исповедуете, поэтому повторяться я не буду, обозначу лишь то, как она понималась и понимается в среде думающих, неослепленных догматизмом людей. Религия есть осознание того, что в человеке есть духовное начало и осознание того, что жизнь в согласии с этим началом и есть путь к истинному благу для человека. Поэтому религия одна, много же заблуждений, догм, вер. Существуют различные понимания того, что значит жизнь в согласии с этим духовным началом, отсюда и возникает множественность

учений, связанных родовым понятием религия. Понятия религии и веры смешивать в корне неверно: истинность положений религии в общем-то проверяется на собственном опыте, т. е. эмпирически, как и всё в мире. Вера же есть принятие некоторых необоснованных и зачастую не могущих быть обоснованными положений: о Боге-Творце, о бессмертии души, о будущей жизни и проч. Человек, живя так, как хочет Бог внутри него, может совершенно не задумываться над тем, что является источником этого его стремления, почему для него оказывается благом часто совершенно противоположное тому, что представляется благом для животного, т. е. живя совершенно без веры, просто живя в Сейчас, делая то, что приносит ему действительное счастье.

Вы возмущаетесь по поводу "авраамического бога" и злодеяний "его народа", описанных в Ветхом Завете. И действительно, при чтении этой книги у всякого человека с не извращённым церковными догмами и фикциями нравственным чув-

ством, возникает глубокое чувство отвращения и недоразумения: каким образом в книге, которую считают источником всей нашей христианской цивилизации, провозглашающей принципы любви, сострадания, прощения в человеческих отношениях могут быть описаны деяния, не совпадающие с самыми примитивными требованиями морали. Возражения эти вполне понятны, но возникают они в первую очередь у того, кто видит в учении Христа только продолжение откровений еврейского бога, как то хочет видеть церковь. Является для Вас это новостью или нет, но противоположность христианской морали и морали ветхозаветной была открыта уже очень давно, и церковь, возможно, с самого своего основания пыталась каким-то образом помирить эти два совершенно чуждых отношения к миру, отсюда и сами эти слова "Ветхий" и "Новый Завет", подразумевающие своеобразную "исполнение-отмену" прежнего "договора между Богом и людьми", якобы осуществлённую Христом. И то, что это соединение

немыслимо, тоже было понятно ещё с самых ранних пор: так, среди гностиков в древнем христианстве ветхозаветный бог считается Дьяволом, в то время как Иисус — истинным Богом, который отождествляется между прочим со змеем из рая, научившим человека понятиям Добра и Зла. В новое же время разница между учения Христа и учением Ветхого Завета стала уже совершенно очевидной всем "невоцерковленным", т. е. неангажированным исследователям. Сегодня любой серьёзный, т. е. не захваченный либо церковной апологетикой, либо простой ненавистью к христианству, исследователь понимает, что учение Христа и Бог Христа с одной стороны и учение Моисея и Бог Моисея — это разные вещи, соединять которые можно лишь для рассмотрения эволюции религиозного сознания человечества, отождествлять же их на основании того, что в уста Христа вложены слова о преемственности с древним мирозерцанием — это всё равно что отождествлять мирозерцание современного человека и пещерного ди-

каря на основании того, что люди в общем-то хорошо относятся к своим родителям и предкам вообще, и отнюдь не спешат произносить над ними приговор — наоборот, стремятся подчеркнуть то хорошее, что они сделали и не вспоминать дурного. Весьма вероятно, что последнее есть погрешение против истины, но оно естественно, и удивляться ему не стоит.

По поводу Бога, допускающего зло — это опять-таки аргумент не по адресу. Проблема как раз в том, что Вы понимаете Бога исключительно церковно, примитивно — а мировая религиозная мысль уже давно ушла от этого. Я не собираюсь искать оправдания несправедливостям, становиться адвокатом Вашего "злого бога", именно потому что я вижу чёткую грань между истинной религией и "богословием", т. е. человеческими спекуляциями о Боге, основанными в добавок на неверном представлении о Нём: проблема оправдания Бога возникает вместе с идеей о Боге-Творце, затем богословие пытается различными ухищрениями её разрешить. Я же, исходя из свое-

го понимания сущности религии и понятия Бога, не имею *ни малейшей* необходимости кого-то или что-то оправдывать. Для меня Бог — это то, что ведёт *меня* к счастью, и делая это, увлекает и других, пробуждает и в них того же Бога, но само это пробуждение других вовсе не является моей главной целью. Вопрос, который стоит передо мной предельно прост: как жить так, чтобы жить счастливо? Ответ: жить в любви. «Это правда. Но как жить в любви, когда её так мало во мне, когда час любви затмевается месяцами и годами злобы, подавлен-

ности, похоти?» — Освободить себя от этого, зная, что все эти состояния сознания противны любви, а значит противны твоему собственному счастью, не давать в себе возможности для развития их. Только когда из огорода выпалываются сорняки, в нём вырастает что-то полезное. Вся сущность христианства в этом и только в этом: в указании на то, что есть высшее благо человека и на то, как осуществить это высшее благо.

Впервые опубликовано:
<http://tenryu9021.livejournal.com/10246.html>

Роман Алтухов

Учение Иисуса и Льва

хлеб жизни, который всегда с нами

Э то — небольшое моё размышление о том, почему исповедовавшийся, как принято судить, анархические и пацифистские идеи Лев Николаевич — всё-таки христианин, и почему единственное анархическое освобождение, которое не зло для людей — только христианское религиозное.

Это и потому, что светские пацифисты и анархисты заботятся о внешнем, о преобразовании к лучшему мира. Научение же Толстого — о посланничестве человека в мире как сына общего всем нам Отца, Бога. А смысл посланничества — исполнить не свою волю, а Божью.

Но и не это одно важно...

Толстой признавал основой для возможности такого осво-

бождения общее для всех людей религиозное учение — учение жизни. И называл его по-евангельски: "хлеб жизни".

Но хлеб не сразу делается хлебом. Вот фундамент многовековых возражений христианам, Толстому. Кормиться надо каждый день, а зёрнам нужно ещё прорасти. Так и новые практические руководства в жизненных вопросах доспеют ко времени, а людям нужны — сегодня, каждый день...

Анархисты, евангельские христиане, Толстой — все они хотят прекратить, нарушить старое, привычное. Отнять "хлеб жизни", учение жизни римского права, еврейского закона, современных "демократических норм"... А каким иным "хлебом", иным руководством жить?

Ведь один из главных образов Евангелия — сеятель. Учитель Божьего откровения о жизни. Не повар и не мельник даже, а — только сеятель. То, что от него — не хлеб, а только зёрна, которые нельзя съесть сегодня, а нужно проращивать: развивать на фундаменте Божьего откровения практические, земные руководства решения проблем материальных и духовных.

Но к Толстому ли и к прочим свободным христианам можно адресовать такие претензии?

Вспомним, *где* сеет евангельский сеятель? Зёрна его ложатся не на поле в заранее и специально подготовленные борозды, а... повсюду. Попадают и на жёсткую землю, и на камень, и в кусты. Далеко не все прорастут...

Но сеятели-то продолжают своё мирное дело!

Так и объяснял Иисус ученикам свою притчу о сеятеле. Одни зёрна не прорастут вовсе, другие дадут скудный колос, а иные — тугой, тяжёлый.

И не только по-разному прорастут зёрнышки нового религиозного жизнепонимания, но и

в разных народах и странах, и *в разное время*.

Так что для тех, кто признает этот хлеб своим хлебом жизни — он будет всегда.

Всех же и в единое время нельзя заставить искать этого хлеба. Не все этого будут хотеть: слишком многие ещё верят прежним учениям. К новому жизнепониманию, к пониманию Бога как Отца всех людей, к осознанию духовного смысла жизни приходят люди поодиночке — и тут же, по завету Христа, сами становятся сеятелями!

А чем больше умов и сердец "штурмует" задачу построения нового практического учения на фундаменте нового, данного от Бога человечеству, Высшего откровения — тем ближе её решение для всего человечества.

Так что, если не готовить особых полей, а сеять по-евангельски, — хлеба достанет для всех, кто уже признал его таковым.

Ведь для "малого стада" свободных христиан, пока их мало, — не требуется сразу детально разработанного учения. Они ещё слишком вплетены в преж-

ние общественные условия. Их деятельность — преодоление их практикой и проповедь словом, горение веры ко Христу среди ближних, ещё исповедующих прежнее понимание жизни.

А когда будет много адептов нового жизнепонимания — будет уже совершенней и учение жизни. Ко времени объединения всего человечества в одном учении — будут и все необходимые практические наработки, ответы науки или Откровения на все важные вопросы.

Главное — не спешить и не делать насилия, превращая общество в поле для массовых посадок.

Лжеучителя светские (правительства, революционеры) и церковные ведь как навострились делать? Собирают теперь людей по большим городам или в толпу поклоняющихся их лжеучению. Вот и поле. А потом — не зёрна нового сеют, уповая на Бога, а — с хитростью и расчётом — сразу то, что повкусней. Готовые реформы, законы или церковные догматы. Только следуйте — и всегда сыты будете.

И Великие Инквизиторы века сего знают, что всегда совратят этим многих. Всегда будет соблазн: только брать повседневный хлеб старого жизнеучения. Тот, что уж давно дал плесень, но зато — от отцов и дедов.

Вот почему предостерегал Иисус: «берегитесь закваски фарисейской». И вот почему евангельских фарисеев Толстой называл — "православные".

Революционеры из России в 20 веке устроили такое поле. И — что? Сразу люди начали голодать. И не только городские атеисты без религиозного руководства, но и крестьяне, кормильцы!..

Потому что не могли решить большевицкие власти проблему *повседневного* хлеба для сведённых ими в города, обманутых людей. И — отбирали у крестьян насилием насущно нужный для пропитания и для сеяния нового урожая хлеб. А вместо учения жизни — лишь совратительная закваска книжническая, социалистических идеологов!

Вот как в практическом и материальном отразилось нарушение научения Христа и Льва!

Ведь не только у Христа, а и у обожаемых Львом Николаевичем мудрецов Востока, и у философов, есть провозглашение того же Божьего закона жизни: неделания глупостей и насилия, постепенности сеяния, религиозной беспечности сеятелей...

И одновременно с большевиками, среди них и их рабов и жертв, были истинные ученики этой всечеловеческой мудрости. Они не спешили, не настаивали. Они, как ловцы рыб, собирали по человечку под сень своих общин и просветительских объединений — как и должна собираться настоящая христова Церковь!

Их презрительно называли — "толстовцы". Мол: Толстой выдумал ересь, а эти дурни уверовали!.. А были-то они — истинные христовы и евангельские сеятели и жизнестроители!

Они и лекции для людей читали, и издавали книги, журналы. Проповедовали — даже в тюрьмах, собственным мучителям.

А на практике — показывали образец братской трудовой жизни в общинах и артелях, в ту

эпоху — в основном сельскохозяйственных...

Не они одни такой раздражающий контраст создавали. Были работающие старообрядцы. Были немцы и голландцы-колонисты...

Всех этих людей объединяло одно: по-разному понимаемая, перемежаемая суевериями и фанатизмом, но всё-таки вера. Многие стихийно, не понимая, но — были сеятелями актуального для 20 века, для вызовов человеческой цивилизации хлеба жизни.

Но у "толстовцев" он был — чище. Без искусственных примесей суеверий и обрядов, разделяющих людей. Терновые кусты посекали...

В общины "толстовцев" прибывались и люди из разных сект, и церковно-верующие, и... не было вражды! В общей трудовой жизни все "противники" — склонялись перед высшим жизнепониманием, признавали его!

Не признали только те, кто сознательно были в этом заинтересованы: правители и попы. Они добились того, что не стало в России сеятелей нового хлеба

жизни, а слово и дело Льва-учителя и его единомышленников — опорочено и предано забвению.

Сколько бы имели мы сейчас хлеба жизни, если бы не рассеяны были сеятели? Если бы не убивали их в тюрьмах и лагерях в СССР?

Вероятно, утратили бы уже смысл все традиционные обвинения христианам, что они не имеют актуального и практического учения жизни.

Но насилие — нарушает законы жизни разумных существ во всей вселенной. И поэтому жизнь борется с нею, как везде борется с тем, что препятствует, как трава пробивается через асфальт...

Появился интернет — и смешны стали прежние усилия церковных и правительственных цензоров.

Каждый свободно скачанный вами файл с текстами Толстого, каждая публикация — это хоть зёрнышко, а то даже и колос или несколько колосьев.

И каждому открыто сделать-ся сеятелем...

Конечно, и в интернете есть свои терновые кусты или сухая земля и камень, которые не дадут прорасти *всем* зёрнам.

Но сеять их — с верой и с восточной беспечностью, полагаясь только на Бога и удачу, не смотря, где добрая почва, а где каменная — есть немалая радость.

Когда ученики Христа взлкали — они подбирали и растирали колосья. И — уже было съедобно и полезно...

Спасибо тем, кто подбирает зёрнышки актуализируемых и трактуемых мною и единомысленными со мной просветителями смыслов, выраженных в текстах высшего в истории России исповедника Христа — Льва Николаевича Толстого.

СПАСИБО вам!

<http://christ-communa.livejournal.com/114779.html>

Т. М. Бондарев

ТРУДОЛЮБИЕ И ТУНЕЯДСТВО, ИЛИ ТОРЖЕСТВО ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА

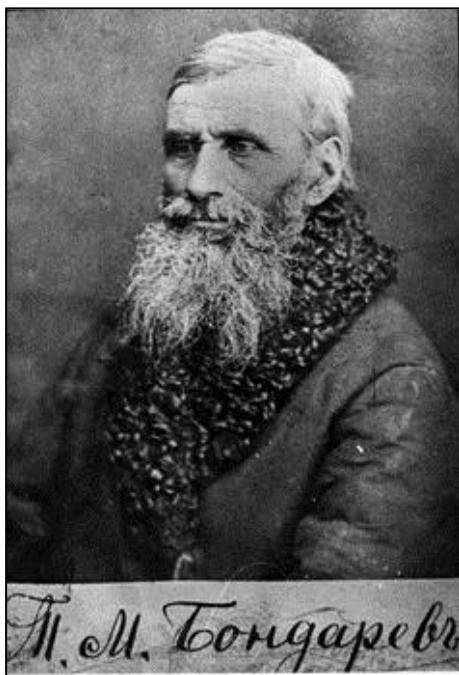
СОЧИНЕНИЕ КРЕСТЬЯНИНА Т. БОНДАРЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как бы странно и дико показалось утонченно образованным римлянам первой половины 1-го столетия, если бы кто-нибудь сказал им, что неясные, запутанные часто нелепые письма странствующего еврея к своим друзьям и ученикам будут в сто, в тысячу, в сотни тысяч раз больше читаться, больше распространены и больше влиять на людей, чем все любимые утонченными людьми поэмы, оды, элегии и элегантные послания сочинителей того времени. А между тем это случилось с посланиями Павла.

Точно так же странно и дико должно показаться людям

тепе решнее мое утверждение, что сочинение Бондарева, над наивностью которого мы снисходительно улыбаемся с высоты своего умственного величия, переживет все те сочинения, описываемые в историях русской литературы и произведет больше влияния на людей, чем все они, взятые вместе. А между тем я уверен, что это так будет. А уверен я в этом потому, что как ложных и никуда не ведущих и потому ненужных путей бесчисленное количество, а истинный, ведущий к цели и потому нужный путь только один, так и мыслей ложных, ни на что не нужных, бесчисленное количество, а истинная, нужная мысль, или скорее истинный и нужный ход мысли, только один, и этот один истинный и нужный ход мысли в наше время излагает Бондарев в своем сочинении с такой необыкновенной силой, ясностью и убеждением, с которой никто еще не излагал его. И потому все, кажущееся столь важным и нужным теперь, бесследно исчезнет и забудется, а то, что говорит Бондарев и к чему призывает людей, не забудется, пото-

му что люди самой жизнью будут все больше и больше приводиться к тому, что он говорит.

Открытие всяких научных отвлеченных и научных прикладных, и философских, и нравственных, и экономических истин всегда совершается так, что люди ходят все более и более суживающимися кругами около этих истин, все приближаясь и приближаясь к ним, и иногда только слегка захватывая их, до тех пор, пока смелый, свободный и одаренный человек не укажет самой середины этой истины и не поставит ее на ту высоту, с которой она видна всем.

И это самое сделал Бондарев по отношению нравственно-экономической истины, которая подлежала открытию и уяснению нашего времени.

Многие говорили и говорят то же самое. Одни считают физический труд необходимым для здоровья, другие — для правильного экономического устройства, третьи — для нормального развития всесторонних свойств человека, четвертые считают его необходимым

условием для нравственного совершенства человека. Так, например, один из величайших писателей Англии и нашего времени, почти столь же не оцененный культурной толпой нашего времени, как и наш Бондарев, несмотря на то, что Рескин образованнейший и утонченнейший человек своего времени, т. е. стоящий на противоположном от Бондарева полюсе, — Рескин этот говорит: «Физически невозможно, чтобы существовало истинное религиозное познание или чистая нравственность между сословием народа, которое не зарабатывает себе хлеба своими руками».

Многие ходят около этой истины и выговаривают ее с разными оговорками, как это делает Рескин, но никто не делает того, что делает Бондарев, признавая хлебный труд основным религиозным законом жизни. И он делает это не потому (как это нам приятно думать), что он невежественный и глупый мужик, не знающий всего того, что мы знаем, а потому что он гениальный человек, знающий то, что истина только тогда ис-

тина, когда она выражена не с урезками и оговорками и прикрытиями, а тогда, когда она выражена вполне.

Как истина о том, что сумма углов в треугольнике равна двум прямым, выраженная так, что сумма углов в треугольнике бывает иногда приблизительно равна двум прямым, теряет всякий смысл и значение, так и истина о том, что человек должен работать своими руками, выраженная в виде совета, желательности, утверждения о том, что это может быть полезно с некоторых сторон и т. п., теряет весь свой смысл и свое значение. Смысл и значение эта истина получает только тогда, когда она выражена как непреложный закон, отступление от которого ведет за собой неизбежные бедствия и страдания, и исполнение которого требуется от нас Богом или разумом, как выразил это Бондарев.

Бондарев не требует того, чтобы всякий непременно надел лапти и пошел ходить за сохой, хотя он и говорит, что это было бы желательно и освободило бы погрязших в роскоши людей от мучающих их заблуждений (и

действительно, кроме хорошего, ничего не вышло бы и от точного исполнения даже и этого требования), но Бондарев говорит, что всякий человек должен считать обязанность физическо-го труда, прямого участия в тех трудах, плодами которых он пользуется, своей первой, глав-

ной, несомненной священной обязанностью и что в таком сознании этой обязанности должны быть воспитываемы люди. И я не могу себе представить, каким образом честный и думающий человек может не согласиться с этим.

Лев Толстой.

Трудолюбие и тунеядство или торжество земледельца.

Сочинение крестьянина Т. Бондарева.

ВСТУПЛЕНИЕ

Прежде, нежели приступлю я, по возможности своей, к разъяснению, что есть трудолюбие и тунеядство, за нужное признаю я объяснить, кто я. Да не такой ли я, как и другие: людям дают направление и указывают путь Благочестия, а сами идут путем разврата и всякой противозаконности?

Я до 37 лет был войска Донского помещика Чернозубова или Янова крестьянином, — земледельцем; а как эти люди были отягчены работами, это кажется всем известно. Потом помещик отдал меня в солдаты, и пятеро детей малых остались под его же тяжким и нестерпимым игом.

По прибытии же моем в Си-

бирь в 1867 году с женою и двумя детьми, на нас было по одной рубахе, да и те казенные, а более никаких пожитков не было. В эти же 14 годов я нажил домик со всеми к нему принадлежностями, так что могу равняться с порядочным и вечно здесь живущим крестьянином.

А чем нажил? одним только земледелием. Я работник вот какой: когда косят на крюк хороший хлеб, такой, что двум хорошим работникам едва успеть вязать снопы за одним косарем, а я, несмотря на то, что мне 65 лет, один успеваю, да при том чисто, а снопы крепкие. Бог свидетель между мною и вами, читатель, что я истину говорю.

Из всего сказанного мною видно то, что как у вас в великосветском классе высшая степень генерал, в нашем же заслуженный земледелец. Поэтому, если судить по всей строгости закона, я имею право с генералом на одних креслах сидеть. Да что я говорю на одних! генерал должен предо мною стоять.

Почему? — так спросит

встревоженный читатель. — Потому что не я его, а он трудов моих хлеб ест, что пространно и законно разъяснено будет в последующих моих вопросах.

Теперь видел ты, читатель, кто я. Не имею ли я права говорить и писать о трудолюбии и туеядстве? Полное право имею, вот и говорю.

Если окажется в моих вопросах несколько статей бесполезных, а, может быть, и вредных, то прошу пройти их молчанием, потому что они не с целью какой-нибудь злоумышленности написаны, а, по случаю тесно ограниченного моего разума, незаметно для меня прокрались под видом полезных.

Ты, высший класс, тысячи книг написал. Мало ли там неуместного и даже вредного? И, несмотря на то, все они приняты, одобрены и обнародованы.

Мы же, низший класс, с своей стороны написали одну коротенькую, настоящую повесть, — это за все веки и вечности, — в защиту себя, а ты за один только недостаток красноречия и за худость почерка опровергнешь ее, — так уверяли меня многие. Это будет высшей сте-

пени обида для нас, — также, мне кажется, и для Бога.

Я от имени всех земледельцев пишу и ко всем, сколько есть вас в свете, не работающих хлеб для себя.

Вся моя история состоит только в двух словах: во-первых, почему вы по перво-родной заповеди сами для себя своими руками хлеб не работаете, а чужие труды поедаете? Во-вторых, почему у вас ни в богословских, ни в гражданских и

ни в каких писаниях хлебный труд и трудящийся в нем не одобряются, а до нельзя унижаются?

Вот этих двух вопросов и довольно бы было, но так как у вас бесчисленное множество отрицаний от этого труда, они то и вынудили меня так много писать.

В заключение всего прошу читателя прежде двое суток хлеба не есть, да тогда и делать оценку этим вопросам.

Трудолюбие и тунеядство.

„В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишься в землю, от нее же взят”.
(Бытия. 3, 19).

На два круга разделяю я мир весь: один из них возвышенный и почтенный, а другой униженный и отверженный. Первый, богато одетый и за столом, сладостями наполненном, в почтенном месте величественно сидящий, — это богатый; а второй — в рубище, изнуренный сухоядением

и тягчайшими работами, с унижением и плачевным видом перед ним у порога стоящий — это бедные земледельцы. Истину слова моего подтверждает Евангельская притча (Лук. 16, 20).

Теперь я обращаю слово свое к моим товарищам-земледельцам, у порога стоя-

щим: — Что мы стоим все века и вечность перед ними с молчанием, как четвероногие? Конечно, должно молчать перед человеком, высшим нас достоинством; но нужно же знать почему, когда и сколько молчать, а не унижаться пред ним до подлого ласкательства и не притворяться истуканами.

Потому от имени всех последних и говорю я один ко всем первым, и вы дайте мне ответ на следующее мои вопросы.

1

Адам, за преступление Богом данной ему заповеди не вкушать от запрещенного дерева плодов, не то что сам лишился блаженства, но и весь будущий род свой до скончания века подверг тому же бедствию. Из этого видно, что он сделал величайшее беззаконие из всех беззаконий, а никак не буквально яблоко съел.

2

Потом начал он скрываться в кустарниках сада того, как по-

вествует нам Св. писание: «Скрывся же Адам и жена его посреди древа райска».

А от кого скрывался? — тогда людей не было. Конечно, от Бога.

Вот, видишь ли в какое безумие ввергает грех человека? да разве же можно скрыться от Бога?

Из этого видно, что он, оценив свое преступление, чаял выше всех мер получить от Бога наказание; а сверх чаяния он получил божественный приговор такой: «за преступление данной Мною тебе заповеди, вот тебе наказание: «в поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишия в землю, от нее же взят».

3

Не облил ли тогда Адам слезами землю в благодарность Богу за такое великое Его к нему милосердие?

Это наказание в сравнении с тем, которое он чаял получить, ничто есть.

4

Не работал ли затем Адам в продолжение своей жизни (930 лет) до кровавого пота для себя хлеб своими руками, исполняя наложенную на него эпитимию?

5

Желал ли он тогда господства или другого какого владычества? Нет, потому что еще в раю послушал советов змия, который говорил ему и жене его: «Будете аки Боги, видяще доброе или лукавое», то есть, будете жить помещиками и будете умнейшими и образованнейшими людьми в свете, а вместо того они до такой степени обезумели, что начали от Бога скрываться; они чаяли без трудов жить на свете, а вместо того родное свое убежище потеряли и явились нищими и нагими изгнанниками из оного.

6

Вот видите ли, читатель, за одно только пожелание быть господином что последовало. То что же можно думать, если на самом деле иметь его, то есть жить под зонтиками с белыми

руками, и во всю свою жизнь есть чужих трудов хлеб? Этой моей загадки решение выходит за пределы человеческого разума.

7

Если же наш Адам по силе своего преступления получил меру наказания, которое и выполнил охотно, то есть работал для себя хлеб своими руками по гроб жизни своей, как сказано: «дондеже возвратишия в землю, от нее же взят», то из этого видно, что он теперь прав и с Богом в расчете за сделанное свое преступление.

8

А ты, высший класс, его же корня отрасль; почему же ты во всю свою жизнь и близко к этой эпитимии подойти не хочешь, а ешь много раз в день? Пусть бы ты был такой заброшенный, как я и подобные мне земледельцы! Нет, ты вот насколько (указывая рукою своей выше головы своей) умнее и образованнее, а какое великое пред Богом и людьми делаешь преступление.

9

Если мы принимаешь на себя какие-либо тягости для искупления грехов своих, то это все всуе, потому что Бог сам знал какое врачество положить нам в греховных наших болезнях и положил, — только принимай и выполняй с пламенным желанием, а не хоронись от него за разные углы. Так ли?

10

Если же мы, потомки Адама, грех его наследовали и выполняем его в точности, а может быть еще и более, потому что Адам не умел того сделать, чему мы ныне научились, то не должны же мы уклоняться или чем-либо прикрываться от эпитимии, самим Богом возложенной как на Адама, так и на нас, потомков его, а должны всякий для себя работать хлеб своими руками, несмотря ни на какое богатство или другое достоинство, кроме уважительных причин, как то: болезнь, дряхлая старость, отсутствие, не терпящее никаких отлагательств и т. п.

11

До сих пор у нас была идея об эпитимии Адама, а теперь следует за нею эпитимия Евы. Бог сказал Еве: «Умножая печали твоя и воздыхания твоя (какое страшное изречение), в болезнях родиши чада твоя».

12

Теперь спрашиваю, почему в женской эпитимии никаких тайных изворотов и иносказаний нет, а как сказал Бог, так все буквально и сбывается.

Как жене, живущей в убогой хижине, так и царице, на престоле сидящей, на голове корону имеющей, одна и та же участь: «в болезнях родиши чада своя». Ни малейшей разницы нет. Да! до такой степени в болезнях, что по дням лежит полумертвой, а иногда и совсем умирает.

13

Но вот эта именитая жена могла бы сказать так: «мне родить некогда, я занята нужными

и необходимыми государственными делами, а рождением более убытку принесу государству, нежели пользы. Да еще и потому: прилично ли мне равняться с последнею крестьянкою, с мужичкою? Поэтому я лучше за деньги найму другую женщину родить для меня дитя, или за деньги куплю готового ребенка, и он будет мой собственный, как и тот, которого я сама рожу». Она могла бы рассудить и сделать так? Нет, нельзя переменить постановление Божие.

14

Собери со всего света сокровища и отдай их за дитя, а оно не будет твоим, а как было чужое, так чужим тебе и останется. Чье же оно? Да той матери, которая его родила. Также и муж: и он тоже может отказаться от хлебной работы, купить деньгами один фунт хлеба; а он как был чужой, так и будет чужим. Чей же он? Да того, кто его работал. Потому что как Богом положено: жене не должно прикрываться деньгами или какими-либо изворотами от рож-

дения детей, так и муж должен для себя, и для жены, и для детей, своими руками работать хлеб, а не прикрываться деньгами или другими изворотами, несмотря ни на какое достоинство.

15

Скоту, зверям, птицам, гадам и всему, что есть на небе и на земле, как назначил Бог вначале, так они и не выходят из своего круга назначения; а ты, образованнейший и умнейший человек в мире, почему бегаешь и хоришься от своего назначения?

16

Бог сказал еще этой жене, как повествует Св. Писание: «Умножая умножу печали твои и воздыхания твои». Вот и тут никаких изворотов нет, — так велики материнские печали о детях, что этого нельзя не то что пером описать, но и языком рассказать, а только можно понять сердцем. «К мужу твоему обращение твое и той тобою да обладает». Вот и тут как указа-

но, так все и сбывается. Почему женская и наша земледельческая обязанность буквальная, а вот твоя, образованный класс, — таинственная?

17

Как я сильно жалею, что говорить красно не умею; я даже сам вижу, что намек у меня истинно законный, а ради недостатка красноречия сила его темнеет и теряется. Но поддерживает меня одна надежда: золото среди грязи видно, что оно золото, а хлеб для нас светлее, чище и дороже золота. Может ли недостаток моего красноречия и худость почерка затмить и очернить его? Никогда.

18

Самим Богом жене сказано: «не хлеб работать, а в болезнях родить чада». Почему же наши жены работают? Пока твоего, читатель, ответа дожидаться, я сам делаю оный.

Вас, поедающих наших трудов хлеб, найдется в России до 30 миллионов, да если еще удалить по заповедям от этого тру-

да жен наших, тогда что же выйдет? да одно, что весь мир должен голодною смертью погибнуть. Вот теперь ясно и законно открылось нам, что наши жены вашу часть и на вас, белоручки, работают хлеб против заповеди. Вы их труды поедаете.

19

Я слышал, что есть такие женщины, которые пьют какой-то яд, чтобы детей не родить, или, зачавши, во чреве своем истребляют, или по рождении оных убивают. Спрашиваю, чему и какому осуждению достойна та жена за то, что самим Богом определенную ей заповедь опровергла и уничтожила? — Не тому ли же суду, не тому ли же осуждению достоин тот муж, который самим Богом определенную ему заповедь опроверг и уничтожил. Если бы уничтожил, да и не ел! Нет, много раз в день с жадностью принимается есть, без чего и на свете жить не может.

20

Но жена, убившая плод чрева своего, во всю жизнь раскаивается, из глубины души своей вздыхает и просит у Бога прощения, а под старость накладывает на себя посты, молитвы, чем, можно думать, и вымолит у Бога прощение за уничтожение своей заповеди.

Раскаиваешься ли ты, читатель, в том, что всю свою жизнь чужих трудов хлеб ешь! Простишь ли ты у Бога и у людей прощение? Никогда и нисколько; да тебе и на разум это не приходит, а положился смело на деньги, да и живешь весь свой век, припеваючи, и признаешь себя вполне правым перед Богом.

21

Жена, слабейшая сторона в сравнении с мужем, несет свою обязанность неуклонно. Мы, низший класс, слабее тебя разумом, и потому также неуклонно несем свою. А ты умнее и образованнее нас, потому и определил себе ее произвольно: хочешь выполняй,

хочешь нет, потому что тебе есть с кого взыскать.

22

Если бы эта первородная и самим Богом изреченная заповедь, которая есть мать и родительница всех добродетелей и подательница временных и вечных, земных и небесных благ, была бы тобою принята, и уважаема, тогда до того возлюбили бы хлебный труд, что многие отцы отдали бы детям своим такое завещание: «Если я приближусь к смерти, то отведи меня на хлебную ниву, чтобы там разлучилась душа моя с телом; на ней же и погреби прах мой».

А теперь что же? Которые работают, не ждут себе от Бога награды, а которые чужие труды пожирают, не ждут наказания.

23

Если бы, опять повторяю, эта заповедь, была тобою принята и уважаема, какое великое поощрение подали бы вы собою земледельцам к хлебному труду!

Они до того приложили бы попечение, что одна десятая принесла бы за пять нынешних.

Если бы мы все уклонялись от нее, то вы имеете право нас неволею к тому принудить; а если вы удалились от оной, или, вернее сказать, от заповедавшего ее, как евангельский блудный сын от отца своего, то кто вас принудит к тому?

А за что на нас такая низость?

— Только за то, что мы вас хлебом кормим.

Мы все перед вами, — как называют нас многие богачи, — нуль без единицы.

Может статься, читатель подумает, что нас никто так не называет.

Много, и от многих я слышал, называли. Но я вам законный ответ на это дам, — вот он: вы все 1 (единица), а мы 0 (нуль). Но как мы с вами по общественной связи стоим бок о бок, то нужно же и эту единицу, так близко поставить к нулю — 10, тут вышло десять, то есть, нам цена — 9, а вам — 1.

Но прошу этим не стесняться, потому что не мы, а сами вы такую цену назначили себе и

нам.

Почему же вы такую низкую цену назначили себе в сравнение с нами?

Потому что наших трудов хлеб едите.

24

Разве Бог не в силах был избрать иной путь к произведению в свет хлеба, а эпитимию в том наложил за грехи наши, т. е. как человек не может без греха прожить на свете, и без хлеба не может жить, как будто невольно заставил нас избавиться от грехов наших?

И вы такое дорогое лекарство бросили под ноги свои, как выше сказано, в гроб положили, чтобы никто из живущих на земле не мог найти; а вместо того поставили, что одною только верою в единого Бога без понесения трудов, можно спастись.

Да и дьявол верит, что един есть Бог, и повинуется Ему, как мы видим у Иова, глава II.

Да хотя бы хлебный труд к маленьким добродетелям причли, — и того не удостоили; из головы хоть сделали бы вы его

хвостом, и того не сподобили.

Будете вы тяжело и без малейшей пощады наказаны Богом за то, что на столько тысяч лет уложили эту заповедь под тяжелый гнет и из живого существа сделали мертвое.

Прочти ты сколько есть в свете разного рода писаний: нигде не увидишь, чтобы хлебный труд и трудящийся в них одобрялись, а напротив того, они всевозможно уничтожаются. А только все слепо без всякого расчета положились на то, что «я хлеб за деньги покупаю по доброй воле земледельца», — вот и толкуй с тобою!

25

Сколько ни есть в свете разных злодеяний и великих преступлений, как-то: воровство, убийство, грабежи, обманы, взятки и разного рода лихоимства, а всему тому причина то, что эта заповедь от людей скрыта.

Богатый делает все это с тою целью, чтобы не приблизиться к этому гнусному занятию, а бедный, чтобы избавиться от оного. Поставь же эту заповедь перед

очи всего мира во всей ее силе и достоинстве, тогда в короткое время прекратится всякое злодеяние и избавятся люди от тяжелой нищеты и несносного убожества.

50 лет тому назад, я довольно хорошо помню, подати были на медь 4 рубля с души, и пошлины самые незначительные, и казна была тем довольна. Теперь же 35 рублей на медь, и пошлины на все в десять раз увеличились, и податных душ чуть не удвоилось против прежнего, а все кричат во все горло: мало! Из этого видно, что через другие пятьдесят лет вы увеличите подати до 100 рублей с души и разорите до основания людей.

А почему? Потому что всякому охота пить и есть сладко и одеваться, красно, да при том и без трудов. А где взять? Конечно, с тех людей, которые в защиту сами себе не имеют права слова сказать. Со всех четырех сторон: сверху, снизу, внутри и снаружи вы нас нестерпимо обижаете. Не так ли?

Не все же Бог вначале никаких добродетелей не назначил, кроме хлебного труда, и ни от

каких пороков не приказал удаляться, как только от беганья от оного.

Из этого видно, что этот труд все добродетели в себя забрал. Напротив того, леньность да праздность все пороки присвоили. А если ныне есть из земледельцев злодей, то это потому, что он этого закона не знает. Но при этом нужно не упускать из вида, что и прочие труды есть добродетель, но только при хлебе, т. е. своих трудов хлеба наевшись.

26

А теперь что ж низший класс людей говорит? «Вот тому-то и тому-то можно чужих трудов хлеб есть и неправдою жить, — почему же мне нельзя? Дай-ка я убью, или украду, обману, или ограблю, или хорошую взятку сдеру, да и тогда заживу помещиком, руки заложивши в карманы, и буду повелевать, а не повиноваться; а от праведных трудов не наживешь каменных домов; от праведных трудов не будешь богат, а будешь горбат; не пусти души в ад, не будешь богат и т. д.

А потом ты же начнешь его судить, в Сибирь ссылать, тогда как сам всему тому причиною.

27

Вот, видишь ли, читатель, сколько зла в этом зле, то есть в удалении от хлебного труда; вот видишь, что умеют делать белые руки. Напротив того, сколько блага в обнаружении этой заповеди.

А много ли трудов стоило бы хорошим писателям дать ей развитие. Разъяснили бы они, сколько в ней пользы, а в удалении от нее — вреда; составили бы из нее сильные проповеди и поместили бы их в церковных обрядах, чтобы там показывался пример к хлебному труду. Это тысячу раз полезнее было бы того, что вы основали богослужение на чужих — это на Христовых — трудах и заслугах, а сами себя устранили от трудов, самым Богом возложенных на вас.

Это все легко можно сделать, но главное препятствие к этому то, что писателю и проповеднику нужно прежде собою пример показать.

А если он готовый, на столе лежавший, кусок хлеба взять и в рот донести признает за большую тягость, где же заставишь ты его работать?

28

Потому-то всем писателям осталось молчать об этом труде. Ни гу-гу! Вот и молчат, да и молчать будут до скончания века об этой первородной заповеди.

29

Если-бы был в свете человек, имеющий такую власть над вами, какую вы имеете над нами, то, напрягши силы и стиснув крепко зубы, мог бы он вытерпеть то, что вы сами для себя не хотите хлеб работать. Но за то, что подаете соблазн земледельцам и ослабляете руки их примером ленивого праздного жителя, то есть люди напрягли все силы свои вперед тянуть эту работу, а ты, вместо того, чтобы помочь им, примером ленивого своего жителя все четыре колеса затормозил и тем побуждаешь их на преступление, — за это

нельзя вам оказать милость.

Не верно ли я говорю?

30

Именем Бога прошу, скажи ты по чистой совести, если поработать тебе хлеб 30 дней в разные времена года, почему ты это признаешь невозможным? Потому ли что не можешь, или потому что не хочешь? Скажи чистосердечно: или не можешь, или не хочешь?

31

Хлебный труд есть священная обязанность для всякого и каждого, и не должно принимать в уважение никаких отговоров: чем выше человек, тем более должен пример показывать собою другим в этом труде, а не прикрываться какими-нибудь изворотами, да не хорониться от него за разные углы.

32

Потому я извлекаю здесь доказательство из богословия, что кроме богословия, мне взять не из чего доказательства об этом

труде.

А второе потому, что люди нашего класса сильно верят в Бога, в будущую жизнь, в святое писание. Они, услышав все это, как алчущие к хлебу и как жаждущие к воде, будут стремиться к этому труду, а потом и ко всем трудам.

33

Тогда темная ночь для них будет светлый день, дождь — ведро, грязь — сухо, мороз — тепло, буран — тихо, дряхлая старость — цветущая молодость, немощь — полное здорovie.

34

Говорит пословица: не всегда коту масленица, а бывает и великий пост, то есть не всегда вам нас учить и направление давать, чтобы мы были Богу угодны и обществу полезны. Вот дошла и наша очередь до вас, — не учить и не направление давать, а только спросить: «почему вы людей учите, а сами себя не научите?»

Как сказано: «связываете

тяжкие бремена и кладете на человеческие плечи, а сами и перстом не хотите двинуть их!» Нужно собою пример добродетели показать, да тогда и людей к тому поощрять.

35

Представь себе, великосветский класс, следующее: если бы мы все, земледельцы, подобно вам, похоронились от хлебного труда за разные углы — «кто куда, а кто куды», тогда в короткое время вся вселенная должна голодной смертью погибнуть. Приняли бы вы в уважение от нас оправдание, подобное вашему? «Мы не лежим, а рачительно работаем, мы трудимся более земледельца; мы хлеб не даром берем, а за трудовые деньги покупаем, да при том еще по доброй воле земледельца. Мы по заповеди, в поте лица, едим хлеб. А если все будем работать, где бедные люди возьмут деньги? Мы людям деньги даем, а люди нам хлеб. Итак, рука руку моет и обе белые бывают. Мы людьми живем, а люди нами.

Нам время не достает только

людьми распоряжаться и давать им направление, а не то чтобы работать.

Данная Адаму заповедь не на один только хлеб указывает, а на все наши занятия. Как без хлеба нельзя жить, так и без того, чем мы занимаемся. Так Богом устроено, чтобы одним одно работать, а другим другое. Человек с тою только целью и деньги наживает, чтобы избавиться от этой пустой и ни к чему полезному не ведущей работы. Я одним делом занят, мне же не разорваться, чтобы успеть там и тут.

Я покою не знаю, день и ночь хлопочу, и готового хлеба некогда поесть.

Если все будем работать хлеб, тогда мир должен прийти в упадок.

Я много денег имею, да притом еще большие доходы получаю без понесения трудов, и вдруг поеду на пашню целый день мучиться за 30 копеек. Тогда меня всякий назовет глупым. Пусть лучше у меня деньги работают, а если всем работать, то пусть прежде принимаются те, которые в сто раз богаче меня и т. д».

36

Такими изворотами и такими противными закону отрицаниями, которыми ты, высший класс, отмахиваешься от хлебного труда, и мы, все земледельцы, начали бы прикрываться, — приняли бы вы такое наше оправдание в уважение?

Нет, вы бы, по неограниченной своей власти, свернули нас в бараний рог со всеми этими отрицаниями.

Спрашиваю, почему же вы такие отговорки со своей стороны признаете законными и достойными?

Собирай, великосветский круг, рассеявший свои мысли по светским суетам, и советуйся с ними, какой ответ дать на этот вопрос.

37

Хлеб нельзя продавать, и покупать, и им торговать, и из него богатства наживать, потому что стоимость его выходит за пределы человеческого разума. В крайних уважительных случаях его нужно даром давать, как-то: на больницы, на сирот-

ские дома, на сидящих в темницах, на истомленные неурожаем области, на разоренных пожаром, на вдов, сирот и калек, на дряхлых и бездомных.

38

Земледельца побуждает к великому милосердию на хлеб голос природы и помянутая заповедь.

Но если бы к этому милосердию да мог бы он проникнуть в глубину ее таинств, то исполнилось бы все сказанное в предыдущем вопросе. Тогда не просил бы один у другого: дай мне хлеба, а просил бы: прими от меня хлеб, да едва ли и нашел бы охотника есть чужие труды. Но что же делать! Погрузил ты эту заповедь, как камень, в пучину морскую, так что и имя ее исчезло, и память угасла со всего лица земли. Бог судья и решатель между вами и нами!

39

Один богач сделал такое опровержение на мои вопросы: «Как ты говоришь, что хлеб

нельзя покупать и продавать, им торговать и из него богатства наживать? Кроме того, что передают нам историки, мы видим из св. писания, что в древние времена хлеб покупали и продавали, и им торговали, и они же тем не грешили перед Богом. Еще утверждаешь, что деньгами заменяться нельзя, а непременно надо своими руками работать, — это очевидная нелепость. Авраам, Исаак и Иаков и прочие праотцы были богаты, имели у себя рабов и рабынь. Из этого видно, что они сами не работали, а чужих трудов хлеб ели и тем не провинились перед Богом.

40

«И еще большим доказательством ложности твоих доводов служит то, что два великих законодателя: Моисей и Христос, об этой заповеди умолчали. А если Моисей и написал что, «в поте лица снеси хлеб», то под этим словом он разумел все наши занятия. Это видно из того, что сам же Моисей 40 лет прожил при царском дворе египетского царя — фараона, не

работал, другие 40 лет пас овец у Иафора, тестя своего, в земле Мадиамской, хлеба не работал; третьи сорок лет начальствовал над израильтянами в пустыне, не работал; значит никогда не работал, а его же Бог принял, возлюбил и возвысил больше всех пророков; а он по твоему расчету был тунеядец.

41

«Также и Христос, — Он есть истинный Бог, Творец и Создатель неба и земли, — и никто же другой, как Он сам судил Адама в раю; а вместо того, чтобы сказать: «в поте лица снеси хлеб твой», Он в Евангелии сказал: «смотрите на птиц небесных, они не сеют, не жнут, ни в житницы свои собирают, а Отец небесный питает их».

Не верно ли тут открывается, что хлебный труд ни к чему душеспасительному не ведет, да и житейской ни малейшей пользы от него?

Ну, словом, самая пустая работа, пустым людям Богом она дана.

42

«Укажи же ты мне хоть на одного, который бы из земледельцев за этот пустой труд был принят Богом!

А Христос хотя и назвал бедных братьями своими, но это только для поддержки, чтобы они в отчаяние не впадали: это можно доказать тем, что сам он всегда входил к богатым в дома, а к бедным никогда».

43

Все эти доказательства сильно противоречат как первородной заповеди, так и естественному нашему закону.

Спрашиваю: что благонадежнее — богословский ли закон, который писан человеком на бумаге, или естественный, который писан самим Богом в душе нашей? Конечно, того и другого опровергнуть нельзя, но я предпочитаю второй, — это естественный, и надеюсь, что и вы, читатель, будете со мной согласны.

44

Теперь я опять возвращусь к предыдущему вопросу: сколько тысяч пудов пшеницы, сколько зерен, сколько рублей серебром в год собирается с нас податей, акцизов, пошлин и разного рода сборов.

Кроме того, господа помещики, купечество и все богачи имеют несосчитаемые миллионы; деньги же даром не даются, их нужно кровавыми мозолями выработать, по сказанной заповеди, руками, а не языком и пером.

Пошлины собираются не с нас, а с заводов и фабрик; а заводчики — фабриканты накладывают на товар большую цену, чем он им стоит, и с нас уже берут оную.

Спрашиваю: чьи руки трудились над этими деньгами? Конечно, наши. В чьи же они идут? Конечно в ваши, — белые, — на роскоши ваши.

Словом весь свет лежит на руках наших.

45

Это в высшей степени обида

для нас, а для вас унижение.

Я знаю, что ты во сто раз умней и образованней меня, потому ты и берешь с меня деньги и хлеб. А если ты умней, то ты должен умилосердиться надо мною, слабым, как сказано: «любви ближнего своего, как самого себя», а ведь я близкий твой, а ты мой.

Почему мы бедны и глупы? Потому что сами в своих трудах хлеб едим и вас кормим. Есть ли нам время учиться да образоваться? Вы как хлеб наш, так вместе с ним и разум наш или тайно украли, или нагло похитили, или коварно присвоили.

Вот тебе, читатель, либо гневайся, либо нет, — я тому не виноват, что правда так горька.

46

Ты с пламенным желанием просишь у Бога благорастворения воздуха и изобилия плодов земных, — это хорошо. А на чьи руки ты просишь изобилия, кто его должен обрабатывать, ты ли или другой кто? «Да неужели я? ответишь ты, имеющий белые руки: — конечно вы, земледельцы. Я лучше со-

глашусь голодную смертью умереть, нежели одну соломинку или одно зернышко в руки взять».

47

Вам следует перед обедом не у Бога просить благословения, а у нас, земледельцев. И после обеда не Богу отдавать благодарность, а нам.

Если бы вам Бог послал с неба манну, как Израилю в пустыне, тогда бы вы должны были отдавать Ему благодарность, а если через наши руки, то нам, потому что мы вас, как малых детей или калек, кормим.

48

Когда писал я эти вопросы, многие земледельцы мне говорили: на что ты напрасно трудишься, — можешь ли ты богача убедить к хлебному труду; да пусть к нему сойдутся все пророки и учителя, — он их не слушает.

49

— Я знаю, что на это нет ни

какой возможности, ответил я им. — Но может статься, не уважат ли они эти мои доказательства, так как они взяты из коренных божественных законов, и не доведут ли они их до сведения всех земледельцев, что им будет за это великая награда от Бога.

50

И еще высший класс увидит нашу заслугу (чего он никогда не видал и не слышал), а свою виновность как перед Богом, так и пред людьми, и не будет так гордиться над нами и угнетать нас, как ныне делает.

Совесь, — от нее деньгами не защититься, она невольно заставит их смягчиться пред их кормильцем. Вот с этою-то целью я и принял на себя труд этот.

51

Если бы небольшие следы этой заповеди оставались на сердце твоём, образованный класс, ты бы тогда все силы употребил, чтобы своих трудов есть хлеб и рассудил бы так: из

бедных людей земледельцев не только одни сильные люди хлеба ради страдают: близкие к родам женщины, и те там же работают, то есть еще во чреве дитя, а уже страдает ради хлеба, которого еще не ело.

Малютки также в колыбели мучаются от ветра и от насекомых: все тело их кровавыми волдырями облилось. Никакая рачительная нянька не может их соблюсти от этого.

7-ми летние дети там уже по силе своей работают. 70-ти летние старики нагнуться не могут, на коленях ползают, а жнут.

Это и теперь есть и более тогда было, когда люди крепостные были. По заповеди «дондеже возвратишия в землю от нее же взят». Словом дармоедов у них нет, подумал бы ты.

52

А у вас 30-ти летний мужчина, при всей полноте здоровья, все лето и весь век ходит с одним перышком, руки заложивши в карманы, посвистывает, дожидается, пока эти бедные страдальцы положат ему в рот кусок хлеба.

У нас, земледельцев, не говоря о лете, а среди зимы часто бывают рубахи мокры от пота.

53

Как много в свете уму не постижимых хитростей. На всякое незначительное изделие придуманы, например, машины: где бы нужно многим людям работать, там одна машина чище всяких рук человеческих работает. Хлебная же работа, как крестьяне сами придумали еще с незапамятных времен, так и доньше остается в том же виде — иногда самого дела и одной лошади нечего везти, а по неурядице две и три, а в других местах — четыре пары быков не в силах поднять.

54

Трудно ли бы ему, механику, сказать только несколько слов: сделай вот так и так, и этим вся эта страшная тягость свалилась бы с людей и животных.

Нет, не хочет и близко подойти как к этой гнусной для него работе, так и к работающим ее. Нет у него милости к

этим бедным страдальцам, то есть к людям. Хотя бы он сжалился над животными — и того нет. А сам много раз на день принимается есть, под видом только хлеба, а на самом деле кровь да слезы бедных людей и животных.

Вот насколько ты, именитый круг, опроверг нас, а с нами заповедь, а с заповедью и заповедавшего ее.

Не есть ли тут очевидная твоя нелюбовь к Богу и ближнему?

Ну, что ты должен на это отвечать? Извиниться нельзя пред мужиком и оправдаться нечем.

55

Вот еще доказательства того, что вы все это унизили и сравняли с подножием своим. Если кто сделает хотя незначительное изобретение, вы достаиваете его медалью с надписью: «за трудолюбие и искусство». Было ли когда-нибудь, чтобы за хлебное трудолюбие и искусство получал кто награду? Не было.

Если и получали, то только те, которые по 1000 десятин за-

севают чужими руками, а сами и близко не подходят как к гнусной работе, так и к работающим ее, — те получали и будут получать награды.

56

Из бедных же людей — муж с женой, у них до десятка детей, отец и мать старые, и они кормят их, да еще частицу хлеба продают, то есть вам дают.

Получил ли какую награду хотя из многих миллионов и во все века один? Не было! Да что я говорю — не получали! Получили имя «мужик», что значит дурак. Будь и этим доволен. Без этого видно, что хуже и ничтожнее работы хлеба, по вашему расчету, и в свете нет. Не верно ли я выше говорил, что у вас и одной крошечки любви нет к Богу и ближнему, а только к самим себе?

57

Самая главная защита у вас от хлебной работы такая: кто бы чем ни занимался, и кто бы что ни работал, — все относится к заповеди, что «в поте лица тво-

его снеси хлеб твой». Это оправдание противно Богу и человеку.

Там сказано: — проклята земля твоя в делах твоих. — Есть ли тут что-нибудь общего с вашими прочими занятиями? Нет.

Далее: «В печалях снеси ты вся дни живота твоего», вот и тут не прямо ли указывается на хлебный труд. Потом: «тернии и волчцы возрастит тебе», — тут есть ли хоть намек на ваши занятия? Нет. Еще: «И снеси траву сельную», — да есть ли и тут, хоть приблизительно, намек на ваши занятия? Нет.

«В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишася в землю, от нее же взят». (Бытия 3, 19).

Умные люди и тут находят извороты, говорят, что это сказано не о сохе, а об их пере, и приводят на это законные доводы.

58

Неужели Бог дал эту тяжелую заповедь нам одним, а вам приказал деньгами прикрываться от нее?

— «У меня», — говорит богач, «деньги работают хлеб».

Врешь ты, — деньги пред Богом не согрешили, потому им и заповедь не положена. Да они и хлеба не едят, потому и работать не обязаны. Как же ты говоришь: «у меня деньги работают». Разве вы признаете себя совершенно правыми перед Богом, что заповедь вам не нужна? А хлеб чужих трудов все-таки ешь, если бы ты был святей святого.

59

Конечно, нельзя же живым в руки отдаваться такому неприятелю, как я.

Ты представляешь такое оправдание: «Если всем заняться земледелием, тогда все заводы и фабрики должны остановиться, и мир придет в упадок».

Это несправедливо, потому что 80 дней в году праздников, в которые люди освобождаются от всех занятий; да другие 80 дней пройдут у всякого человека в праздном шатании, а мир не приходит в упадок. А если мужу с женой одну десятину хлеба обрабатывать 30 дней в

разные времена года, тогда вся вселенная должна прийти в упадок, — это почему так?

— Во всех городах, а более всего в Москве, где много фабрик и заводов, жителей до одного миллиона: где столько земли взять, если заниматься всем земледелием? — оправдываются белоручки.

— Фабриканты и заводчики, — отвечаю я это, — сами туда сошлись или их согнали? Нельзя ли строить фабрики по местам простонародным между бедными деревушками, где одни люди хлеб работают, а другие на фабрике деньги зарабатывают, а потом ты на фабрике, а другие на хлебе. Все это легко устроить, если бы все хотели сделать благо низшему классу, но у вас все попечение только о самих себе и себе подобных.

60

Вы отмахиваетесь от хлебного труда еще тем, что земли и без того мало, а если все будут работать, где взять ее (тем более, как ты начнешь работать, то всю землю спашешь).

Я ныне занимаю под хлеб 10

десятин, а тогда занял бы пять, а другие пять, изволь-ка ты своими белыми руками обрабатывать, несмотря на зной и мороз, дождь и грязь, снег и буран, когда весь, как в лихорадке, трясешься и руки сделаются как грабли.

Неужели одним нам это и положено, а вам нет?

61

Вы законною защитою для себя признаете и такую отговорку от хлебного труда: у меня есть одно дело, и мне не разорваться, чтобы успеть здесь и там; заняться земледелием, — тогда некогда и подумать о другом деле.

Спрашиваю: у меня, кроме хлеба, есть еще много дел, как же я успеваю думать и на деле выполнять, я — необразованный мужик? А если бы у меня было столько ума и образования, сколько у тебя, я бы тогда тысячу дел выполнил. Почему же ты такую бездну разума имеешь, а, кроме одного дела, о другом и подумать не можешь?

62

У вас самое главное прикрытие от хлебного труда или от мучающей вас совести такое: «Если все будем работать хлеб, тогда где бедные люди возьмут денег, когда они только продажей хлеба и живут. Они нам хлеб дают, а мы им деньги». Нет, не туманьте нас среди бела дня.

Продажа хлеба не пользу, а большой вред приносит людям; нынешний год сильный урожай, земледелец продает богачу хлеб 30 коп. за пуд, думая тем пополнить свои недостатки, а на будущий год неурожай, голод, тогда он свой же хлеб покупает 1 р. 50 к. за пуд; денег нет, — он тому же богачу последний скот за полцены отдает. Нужду не пополнил, хлеб сбыл, скота лишился, да и сделался навсегда нищим.

Множество людей от продажи хлеба гибнут. Как же вы утверждаете, что люди только продажей хлеба живут, иначе они должны в упадок прийти.

Поэтому не люди, а вы людьми живете.

Деньги у вас наших трудов, и

что на вас, и что в вас — все наше.

Обработайте хоть одну десятину хлеба по заповеди, тогда делается все ваше.

63

У меня месяц и два денег твоих ни копейки не бывает, а я, как поработаю до усталости, сделаю тюрю, наемся слаше и сытнее твоих лакомств, да опять пошел на работу козырем, песенки припеваючи. Поживи ты без моего хлеба два месяца, какую ты тогда песнь запоешь?

Вот теперь и рассуди, читатель, кто тем живет: ты мною или я тобою?

Зачем же ты к нам в товарищи пристаешь? Кто должен первое место занимать за столом (вышепомянутым), ты или а? Конечно, я. А ты зачем туда залез? Кто тебе это назначил и кто удостоил?

Или оправдывающие тебя ответы дай, или хлеба нашего не ешь, или обработай хоть одну десятину своими руками, — тогда и сиди там. А если нет, то убирайся оттуда.

64

Мне кажется, что ты ответишь так же, как один богач сказал: — я поехал бы работать, да не умею. Я один раз взял косу, замахнулся изо всех сил, и она пробежала поверх травы; в другой раз еще сильнее, а она до половины вонзилась в землю; взял серп, долго маялся, полснопа не нажал, а руку серпом порезал. Это было со мной, когда я случайно был там. Но если поехать с целью работать, тогда все люди по близости сбегутся смотреть и смеяться над таким чудом.

— Почему же ты есть умеешь? — спросил я у него; — даже когда ты был двух лет — и тогда умел, а работать и теперь не умеешь, и еще потому ли ты не умеешь что не можешь уметь, или потому что не хочешь!

— Конечно потому, что не хочу, — ответил он.

65

Богач еще представил такое оправдание:

«Нас Христос искупил своею

кровью, как от греха, так и от заповеди, то есть от хлебного труда. А если ты искуплен, то зачем пожираешь чужие труды? — спросил я. — Неужели только одних вас, богатых, искупил, а нас нет? Если бы он искупил, приказал бы земле произрастать печеный и готовый хлеб, по вкусу и желанию всякого, или послал бы с неба манну, как израильтянам в пустыне? Тут ясно видно, что он как вас, так и нас не искупил ни от греха, ни от заповеди, то есть от хлебного труда. А должен из нас всякий себя искупить добрыми делами, а на чужие, — это на Христовы заслуги, — не надеяться.

66

Мы грешим, беззаконствуем и определенному в заповеди проклятию подвергаемся, а Христос наши грехи, беззакония и проклятия должен на себя принимать; это хорошо вы придумали, но ошиблись в расчете.

Нет, всякий человек должен сам себя искупать первородной заповедью: *хлеб своих трудов есть*.

Нет честнее этой добродете-

ли, а, минуя ее, нет пагубней порока.

67

Если ты богат, то роскошествуй сколько можешь, превозносись как знаешь, увеличь свои лакомства сколько хочешь, но хлебного труда не убегай, а с жадностью стремись к нему.

68

Говорят: другой в двадцать раз больше земледельца трудится, — можно ли его назвать тунеядцем?

355 дней в году работай чего хочешь и занимайся чем знаешь, а 30 дней в разные времена года должен всякий человек работать хлеб.

69

Если бы Бог положил тебе за грехи такую заповедь: «Возьми в сто пудов камень и носи», — ты сказал бы: — я этого не могу, ты мне столько силы не дал, и еще: — летай по воздуху, как птица, — ты мне крыльев не дал, потому я этого сделать не

могу и т. д.

Такое оправдание уважительное.

А хлеб почему не можешь работать? Конечно только потому: «кто я? у меня руки белые и нежные, а хлеб колкий».

70

Ты прикрываешься от хлебного труда еще и тем, что кто бы чем ни занимался, все относится к той заповеди: «В поте лица твоего снеси хлеб твой».

Один из вас говорит: «я сегодня несколько строк написал, значит, я в поте лица ем хлеб».

Другой: «Я сегодня несколько приказов словесных людям отдал, чтобы они старательно мне работали, поэтому я в поте лица ем хлеб».

Третий: «Я сегодня в богатой карете по городу прокатился, и я в поте лица ем хлеб».

Четвертый: «Я сегодня гнилой товар за хороший, дешевый за дорогой продал и неопытных людей обманул, поэтому и я в поте лица ем хлеб».

А вор в свою очередь говорит: «я всю ночь не спал, своими руками работал, я более всех

вас в поте лица хлеб ем» и т. д.

Если не истиною, то красно-речием и хитростью все сделаются правы, как говорит Крылов: «Все те звери, которые когтями и зубами богаты, все они вышли правы, чуть не святы, а на смиренного вола подняли толки, кричат тигры и волки, и они его задушили и на костер свалили». Кого Крылов разумел под зверями? Мне кажется земледельцев, а под волком смиренного богача; а ты, читатель, как думаешь?

71

Вас всех, евших наших трудов хлеб, найдется в России до 30 миллионов.

В силах ли мы всех вас сладко накормить и напоить, красно одеть, на мягкую постель положить и теплым одеялом прикрыть? Потому то мы неутоми-мо день и ночь работаем и ничего не имеем.

Не обида ли это для нас, не порок ли это для вас?

72

Как в этой жизни ты, бога-

тый класс, живешь чужими трудами, так и в будущей надеешься чужими же, то есть Христовыми заслугами получить себе блаженство, потому и нет для тебя никаких нравственных обязанностей, а только знаешь наслаждаться всеми благами мира сего. Широкою и просторною дорогою идешь, а куда? ты сам знаешь, куда.

73

Из вас нередко встретишь и таких, что, если счастье обратилось к нему спиною, и обстоятельства заставляют его работать хлеб своими руками, тогда он впадает в отчаяние, и выходит из него вор, пьяница, и всем гадким делам начальник и наставник, и даже нередко прибегает к насильственной смерти, чтобы избавиться от хлебного труда.

Дай же этой заповеди жизнь, а то она у тебя живая в гробу лежит. Тогда, если миллионер дойдет до нашего положения, он не покоробится, а с жадностью устремится к этому труду.

74

Из всех предыдущих вопросов видно, что нет в свете отвратительнее нечистоты, как чужих трудов хлеб. Напротив же того, нет душеспасительней святости, как своих трудов хлеб. Это я говорю не по догадке, а по коренным божественным законам, с чем согласен и естественный наш закон.

75

Ревнителю по Боге для достижения вечных благ бегут в монастыри, в пустыни, в горы, на острова морские и разную скитальческую жизнь на себя принимают. Спрашиваю: чего они там ищут, разможив голову закона Божия, то есть чужих трудов хлеб евши?

Неужели нельзя быть добродетельным при этих благословенных трудах?

76

Бог положил начало и конец закону своему, — труды, во главе которых поставил хлебный труд; умные и образован-

ные люди напрягли все силы, чтобы избежать трудов и жить помещиками, руки опустивши в карманы.

Они свалили все труды на руки бедных беззащитных людей, но и эти с своей стороны не зевают, присутствия духа не теряют, воруют, убивают, жгут, грабят и друг друга обманывают.

Да и дело: хозяин за хлеб, да и работник не слеп, то есть, если умные люди гоняют правду из света во тьму, мы удержать ее не в силах, потому и действуй, сколько можешь, чем и как хочешь.

77

Каждый из вас скажет: я люблю и от души уважаю как хлебный труд, так и трудящихся в нем, а лодырей ненавижу и гнушаюсь ими, но я так вам отвечаю:

Слышу голос Иакова, осызаю Исава.

78

О, умилось, великосветский класс, сам над собою.

Не предай ты этого дела к уничтожению. А если есть здесь что-либо сильно противозаконное, то уничтожь лучше меня одного, а дело это положи на вечное время в архив, где хранятся важнейшие государственные акты. Может статься в последующих поколениях найдется настолько справедливый человек, что во всем настоящем составе обнаружит его. Пусть же я один погибну, а миллионы земледельцев получают величайшую радость и облегчение в трудах своих.

79

Я никогда не видал, а есть книжка под названием: «Гражданский брак». Там один помещик Новосельский жалуется своей барыне на своего крестьянина: — такой, — говорит помещик, — негодяй этот лакей: взял да холодную рубаху и надел на меня (я это пишу, а сам улыбаюсь). Я начал его ругать за это, а он отвечает мне: «я всегда на покойного вашего тятеньку генерала надевал холодную рубаху».

Я при этом крайне удивился,

до такой степени обуяет человека леность, что и рубаху надеть на себя принимает за несносную тягость. Из этого видно, что если даже откроется глазам его тот неугасимый огонь в будущем веке, как говорит предание, в котором он и весь будущий род его должен будет гореть нескончаемые века, он на то лучше согласится, нежели одну соломинку или зернышко взять в руки.

Ах! в какую глубокую пропасть погрузили людей праздность, леность да роскошь! А начни с ним говорить об этой заповеди, он по своему красноречию сотню доказательств представит, что он в поте лица ест хлеб.

80

Желал бы я спросить, да не у кого: неужели в самом деле на помещиков надевали посторонние люди рубахи, — конечно и подштанники, — как на мертвых? Что же они в то время руками делали? Напрасно писать не будут, значит правда.

81

Бывшие крепостные как страдали! Беда и горе! При одном воспоминании о страданиях, холодная дрожь пробегает по всем жилам; да лучше бы тем людям и на свет не родиться!

Если бы я не один, а много языков имел и говорить хотел, и тогда нельзя бы поведать нужду ту, и тогда нельзя было бы подробно разъяснить горе тех бедных мучеников.

Не могут уста человеческие выразить страдание их.

Но я кратко представляю вам, читатель, обиду их. А вы, может быть, и сами помещики были. Я буду истину говорить, чтобы мне «врешь» не сказали. Я и сам был войска донского помещика Чернозубова или Янова крестьянином.

82

Три дня в неделю человек работает себе, другие три дня работает на помещика сам хозяин, жена его, 12-ти летние дети и 60-ти летние старики на всем своем содержании. Для

лошади, на которой помещику работает или в извоз ходит, корм крестьянский, и все инструменты, — как-то: телеги, сохи, бороны, топоры и т. д. — все крестьянское. На его работе сломал что-либо, а сделай на свой счет и на своих днях. У него на выгоне гумно, избы нет, а ты в лютые морозы иди на целый день молотить, — многие полунагие и голодные, — не мука ли это?

А заступника и покровителя не было.

83

Три дня в неделю себе, а три дня помещику, — короче сказать так: один год себе, а другой помещику.

В этом же году, в котором будешь себе работать, 80 дней праздников, а эти люди крепко были набожны, да другие 80 дней пройдут по разным неудачным случаям к работе; да и человек не камень: случится быть больным хотя 50 дней, — в остатке всего 155 дней.

84

Спрашиваю: в силах человеку в эти 155 дней запастись всем нужным на два года, то есть на настоящий — свой и на будущий — помещику, да еще приготовить за два года на казенные подати, на сдачу рекрутов и самого рекрута?

85

Хотя это и прошло, но оскомина с зубов не сошла, да и долго будет отзываться. До 60-ти лет человек работал помещику, — 13 лет юности долой, в остатке 47; разделить их пополам — 23 года работал помещику, а 23 года себе.

Попробуй, например, теперь нанять какого-нибудь государственного крестьянина, и скажи ему так: «Работай мне год сам, жена, взрослые дети твои и скот. Содержание твое, обувь, одежда и все инструменты твои, умрешь ты или жена, и остальной год с детьми работай мне, сломаешь ли ты что на моей работе, поправь на свой счет — за какую цену этот крестьянин согласится работать год? Самая

низкая цена 500 рублей, за 23 года 11,500 рублей.

Вот сколько помещик, — если не деньгами, то трудами брал с человека во всю его жизнь. А деньги эти в карты проигрывал, да на разные противозаконные прихоти потреблял.

Спрашиваю: — за что он брал с него? должен ли он ему? — Нет. — Виноват ли в чем? — Нет. — Может быть были какие на то причины? — Нет, не было, — Да за что же так много брал? — Да так себе, здорово живешь.

86

Во всем мире жалоба на Бога такая: — Если в Боге бесконечная милость, то откуда же бесчисленные бедствия, которым подвергаются бедные люди?

Если Бог правосудный правитель мира, то откуда же неравенство между людьми? Почему порок счастлив, а добродетель несчастна? Да виновато ли зеркало, когда у самих нас рожа крива, то есть причина ли тому Бог, что мы первородный его закон, который ведет к равенству всех, опровергли?

87

Утверди такой закон, чтобы ни один человек не осмелился ни одной крошки хлеба есть чужих трудов без уважительных причин. Тогда люди, хотя и не сравняются, а все-таки много ближе станут друг к другу, — хлебный труд подсечет крылья гордости.

Ведь мы бедны от вашего богатства, а вы богаты от нашей бедности.

88

Работали предки, праотцы, прадеды и отец мой, работаю и я вот уже до преклонных лет.

Все они передавали нажитое трудами детям своим, а дети детям своим. Почему же я ныне только не богат, но и порядочного хозяйства не имею? сколько мой прадед имел, столько и я, если не меньше.

89

Были ли из рода нашего лентяи или пьяницы? Нет, не было, — говорит дедушка. Огонь ли пожег, вода ли потопила? И

этого не было.

90

Спрашиваю: куда же наши труды девались, какой враг все пожитки наши разграбил, какой злодей все имущество наше проглотил? А откуда же, богач, твои сокровища взялись? Отвечай мне на это законно.

91

Пусть бы была эта обида временная, нет — она вечная. Как прошедшие, так и настоящие наши поколения пили, пьют и будут пить эту горькую чашу. Не видать им покровителя и защитника никогда. А все потому, что вы нашу родительницу т. е. заповедь живую в гроб положили.

92

Хотя я и во всю свою жизнь видал, но слепо, а теперь, по исследовании мною этой заповеди, вижу ясно следующее: разъехались люди по всем полям всего света и сильно работают хлеб, даже малые дети и

грудные малютки, которые еще не ели его, а также хлеба ради страдают. Не суть ли они истинные пчелы, которые летают по полям и собирают мед в свой улей? А высший класс, представил я себе, не есть ли трутни, которые только поют и ничего не делают, а знают одно: чужие труды поедают.

Много на свете ловят воров, но то не воры, а шалуны. Вот я поймал вора, так вора! Он обворовал церковь и Бога живого и унес первородный закон, нам земледельцам принадлежавший; нужно же указать лично на этого вора. Кто не работает для себя хлеб своими руками, а чужие труды пожирает, тот вор, — возьмите его и предайте суду. И так тщательно скрыл закон в землю, что 7.390 лет никто из нас не мог найти, и тем обобрал несосчитаемые миллионы у бедных людей и оставил как их, так и маленьких деток их, полунагими и голодными, а сам себя тем поднял выше облаков.

93

Пчелы трутням крылья подсекают, чтобы их трудов мед не

ели. Вот дошла и наша очередь до вас, трутней, — и мы вам крылья подсекли, чтобы вы наших трудов хлеба не ели. Я знаю, что вы и после этого будете есть, да еда эта такая будет: ты хлеб в глотку, а совесть тебя за глотку, — от нее ничем не избавишься.

Если бы хлеб был как прочие вещи, неправдою приобретенные, их положил куда подальше, — они лежат там преспокойно. Нет, хлеб нужно в рот класть! Об этом стоит подумать.

94

Теперь-то увидал ты, до облаков возвышенный богатый класс, теперь-то ты увидал себя всего связанного узами беззакония, от которого и сил не имеешь освободиться.

Вот теперь ты увидал себя в глубоком рве, из которого сам собою вылезти не можешь, разве сам Бог выгонит из тебя этого тирана: леньность да подругу ее роскошь.

Итак, просим вас возвратить нам наши сокровища, самим Богом для нас созданные, это

первородный закон, — то есть обнародуйте его, — тогда мы себя обогатим и вас всех с головы до ног осыпем золотом, потому что, ожидая за это спасение, нам не один хлебный труд, а и все будут казаться легкими.

Самый слабый умом человек, даже десятилетнее дитя, и те, услышав это, поймут, что это самая первая и первому человеку самим Богом данная заповедь, что она дороже всех добродетелей, законов и заповедей. «Потому, подумают они сами с собой, надо более трудиться, за это я здесь проживу хорошо, да и на том свете удостоюсь блаженства».

Возврати же нам, богатый класс, похищенную и утаенную тобою, или, вернее сказать, предками твоими святыню нашу.

95

Прежде все заповеди и предания казались мне велики. Теперь же они представляются мне незначительными, потому что душу и сердце заняла одна эта заповедь.

Из этого видно, что если ее

обнародовать, то духовенство останется без куска хлеба, который ныне, без понесения малейших опасностей и трудов, ест, и никто не имеет права упрекнуть его тунеядством, а тогда всякий скажет это.

96

Когда я дописал до этого места (а я ее шесть месяцев в досужие минуты переписывал набело), к нам пришла бумага, просящая ссуды хлеба на сгоревший Красноярск. Наше общество, по общественному приговору, отпустило из экономического магазина 50 пудов (почему мало, — потому что кобылка весь хлеб поела).

Многие благодарили того человека, который распорядился представить такую бумагу, а многие пеняли: 50 пудов, это выходит 20 фунтов с дома. Неужели я 20 фунтов (говорили многие на сходке) только и дам, — уж лучше ничего не давать, а если дать, то пуд, два, три, а то мешок и два.

97

Вот видите ли, не сбылось ли вышесказанное мною, что хлеб не должно продавать и в крайне уважительных случаях даром давать, — и дают, да еще тогда дают, когда о хлебе заповедь скрыта вами.

А если бы ее представили пред очи всего мира во всей ее силе, то сгоревший Красноярск с одного нашего Минусинского округа получил бы сто тысяч пудов хлеба, и даже всякое общество само-собою доставило бы его на места, куда следует, да и во всех случаях, тоже было бы, потому что никто не знает, что с ним случится завтра, а может быть и сегодня.

98

Проси денег — не дадут, 1-ое, потому, что они у редкого крестьянина есть, а 2-ое, потому, что на милосердие к хлебу голос природы помянутой заповеди побуждает всякого земледельца. А деньги — мертвая вещь в сравнении с хлебом, ничтожный камень, на них никого и ни у кого милосердия

нет: чем больше имеешь, тем больше жадность разгорается иметь. Собери со всего света деньги и отдай одному человеку, будет ли он доволен тем, погаснет ли у него жадность? Нет! Чего же он тогда еще будет желать и чем еще будет не доволен?

Он тогда скажет: «почему я всего света руками не обниму, ушами не прослушаю, и глазами не осмотрю, везде мое теряется и пропадает».

Если бы ты от всей души желал работать, но ради каких-либо обстоятельств не мог, это простительно. А ведь ты прямо лениости ради гнушаешься работою, какое же тут может быть прощение тебе? Я знаю, что ты ответа не найдешь на все это, разве одну только власть употребишь в дело, а есть тогда как будешь? Первый кусок и первый глоток проглотит тебя с душой и телом, — он не посмотрит кто ты.

99

Умилосердись над нами, богатый класс! Сколько тысяч лет, как на необузданном коне, ез-

дишь ты на хребте нашем, всю кожу до костей ты стер. Ведь это только по виду хлеб, который ты ешь, а на самом деле тело наше; по виду только вино, которое ты пьешь, а на самом деле — кровь наша.

100

Как узнал я эту первородную заповедь, сделалось со мною следующее: несмотря на то, что мне 65 лет, слаб я и сух, а прошедшего 81-го года без всякой посторонней помощи 8 десятин пара вспахал и заборонил, переднюю лошадь в руках водил; опять перепахал без огреха. День работаю, а ночь коней караулю и никакой усталости я не чувствовал, кроме того сенокос и хлеб с сыном и снохою убрал.

101

Вот видишь ли, что умеет делать эта божественная заповедь: из старого молодым, из слабого здоровым, из ленивого трудолюбивым, из глупого умным, из пьяного трезвым, из бедного богатым. Сделал ли бы я все сказанное, то есть обрабо-

тал ли бы столько земли, если бы не раскопал ее из того места, где ты скрыл ее. Не сбылось ли бы это и над всяким человеком, если бы он узнал ее силу. Не избавилась ли бы вселенная от тяжкой нищеты и убожества.

102

На эти 8 десятин, сработанных мною, если пошлет Бог избавление, я сам с семейством буду сыт и вас, праздных людей, 30 человек в год прокормлю.

103

Если бы ты от всей души желал работать для себя хлеб, но ради уважительных причин не работаешь, это и от Бога прощительно, и от людей уважительно. А ведь ты прямо лениости ради не работаешь, поэтому можно ли тебя уважать? Никогда и нисколько. Прежде каким великим мне казался какой-нибудь начальник, а теперь ниже нижнего чина. Желал бы я эту мысль искоренить из головы, — нет, невольно лезет.

Я слышу часто, что хотят

всю вселенную соединить в одну веру. Верный ли этот слух, — не знаю. Если верный, то, вместо того, чтобы соединить, она еще разделится на столько же толков, сколько их ныне, и выйдет не то, что полезный, а даже вредный труд.

Хорошо было соединять в древности, когда народ был дикий, — куда хочешь, туда его и веди, он нитки не перервет. А теперь его тройным канатом не стащишь, — во 1-х по привычки к своему обыкновению, а во вторых по гордости, чтобы не покоряться один другому. А утверди веру на одном первоначальном законе без примеси посторонних правил, тогда в короткое время сольется вся вселенная в одну веру в Бога, потому что хлеб самого закоснелого преклонит, смягчит и на путь добродетели наставит. Но только сами вы, великие правители, прежде засучите рукава за локоть!

Вот в этом-то для вас и запятая. Утверди же вселенную на одном первоначальном законе, — она ему беспрекословно покорится, уверяю вас, и ни один человек не согрешит, а если и

согрешит, то тут же этими трудами и покроет свой грех, потому что так Богом положено.

Я сам на себе испытывал, как он крепко привязывает человека к добродетели.

Люди же написали тысячи законов, — и конца им нет, да и говорят: от рождения человек грешен. Бог причиной грехам нашим, — зачем такого слабого человека сотворил? зачем Он так много законов, невозможных выполнить, написал?

Соединить вселенную воедино, по-моему, можно только этим средством, а иначе нельзя.

А если бы этот закон был людям разъяснен, тогда бы люди по сто душ жили вместе. Не гордился бы тот, кто повелевает, и не обижался бы тот, кто повинуется.

Умер ли из среды их муж или жена, их дети остались бы в такой единодушной и сердечной артели, что удар этот не был бы так значителен для него и для нее, потому что для этих сирот много отцов и матерей найдется, много братьев и сестер, много покровителей и спасителей.

Женщины же все милосердны: они сирот будут более со-

блюдать, чем своих родных детей.

104

О! Слеп ты, слеп, ученый человек! Смотришь во все глаза в Св. Писание, а не видишь тех дверей, в которые бы мог выйти и порученное тебе от Бога стадо вывести из под гнета греха, и не видишь ты прямо ведущей стези в жизнь вечную; слепота твоя подобна содомеянам, которые были поражены слепотой «ищуще дверей Лотовых».

Но те слепоту свою в себе видели, а ты, будучи слеп, думаешь, что смотришь светло и все видишь ясно, и сам все знаешь без толкователей и никто тебе ни в чем указывать не должен. Слепота твоя подобна еще Валааму, который ехал на осле, а Ангел Господний стоял с обнаженным мечем на пути, осел, который под Валаамом, Ангела видит, а Валаам нет. Я осел, а ты Валаам, и едешь ты на мне от юности моя.

Из всего предыдущего как в зеркале видно, что человек

учится грамоте не с целью делать ближнему своему добро, а зло. Недаром говорит пословица: «Если бы у грамотных глаза повылезли (конечно и мои, Бондаревы, тут же), да кони подошли, — тогда и на свете было бы лучше».

Прежде этой поговорке я не верил, а теперь увидал, что как будто сам Бог выдал в свет эти поговорки.

105

Разделилась вселенная вся на тысячу вероучений, то как одна должна быть вера, как и Бог один.

Первородный закон «в поте лица твоего снеси хлеб твой» все вероучения собрал бы воедино, и, если бы только они узнали всю силу благодати его, то прижали бы его к сердцу своему. И он в одно столетие, а то и ближе, всех людей, от востока до запада, от севера до юга, соединил бы в одну веру, в единую церковь и единую любовь.

Добавление к прежде писанному мною, Бондаревым, произведению «О трудолюбии и тунеядстве», почерпнутого из первоуродного источника: „в поте лица твоего снеси хлеб твой”

1

Любовь к ближнему это есть главнейшая из всех заповедей — заповедь, и из всех законов — закон, и из всех добродетелей — добродетель. Нету ей подобной добродетели ни на небеси, ни на земли; нету ей подобной и в половинной части, нету в десятеричной, — нету и в сотой, то есть хотя бы сотую часть добродетели в себе имела какая-либо заповедь в сравнении с любовью, и той нету. Я этим все заповеди и законы не унижаю, а только любовь ценю.

2

Теперь спрашиваю: труд и любовь, которые из них полезней для людей и приятней для

Бога? Без сомнения труд полезнее и приятнее любви. Но не всякий труд полезней любви, а только тот один, который в честь этой заповеди происходит, то есть «в поте лица твоего снеси хлеб твой». Этот один труд полезней и приятней любви. А кроме этой цели, всякий труд бесполезен, а иногда и вреден.

3

Но как этого еще не было на свете, кто бы трудился в честь этого закона, (то есть трудился бы не в силу одной практической нужды пропитания, а во имя принципа*) или заповеди и

---

*) Закона — так толкует Бондарев это выражение в тексте.

в честь разьяснения силы его, потому никто и не знает сладостей, от этого труда происходящих. Затем-то никто из вас, читатели, и не будет согласен со мною, что труд полезней любви к ближнему.

4

Вот доказательство тому: похвалу любви к ближнему на всяком шагу, во всех писаниях я встречал. Любовь во всех верах и народах, и даже самых дикарей превозносят; любовь на всех языках и наречиях хвалят. Любовь во многих пословицах и поговорках величают. От похвалы любви у проповедников уже и языки утомились.

Спрашиваю: есть ли в мире плоды и действия от этих похвал и проповедей о любви к ближнему? Нету. Голодного не накормят, жаждущего не напоят, нагого не оденут, бедному не помогут, вдову не помилуют, сироте добра не сделают и т. д. и т. д.

5

Почему же это любовь не

уважают? Тут ответ коротенький: потому что она великая, но односторонняя добродетель, затем, что труд в себя любовь забрал, а любовь в себя труда не приняла. Любовь без труда, как человек без головы, мертва есть. Вот почему любовь односторонняя добродетель.

6

Для большего и вернейшего доказательства вышесказанного я приведу пример такой, — вот он: уничтожь и сгладь все те места в писании, которые направлены на утверждение любви к ближнему, а на местах тех пробелов поставь разьяснение этого закона, то есть «в поте лица твоего снеси хлеб твой». А о любви не говори ни слова, а доведи до сведенья всякого человека, — тогда в короткое время, даже в один день, почувствует всякий человек невольное влечение к любви к ближнему своему, потому что коренной дом учительства ее в хлебе да в хлебопашце. А праздность и роскошь, напротив того, главнейший враг и недоброжелатели ее, этой любви к

ближнему.

7

И так, прошу вас читатели, затвердите вы это слово на памяти и запишите его на скрижалях сердца своего, что труд, происходящий в честь этого закона, голова любви. Этот труд силен без любви, т. е. не проповедовавши любовь, силен есть поставить вселенную на высшую степень достоинства пред Богом, а любовь без труда не сильна это сделать, как мы уже выше говорили, потому что истинная и нелицемерная любовь в труде скрыта, а без труда любовь мертва есть (ближнего любить и уважать, а хлеб его трудов туне есть). Я выше говорил и опять говорю, что проповедники изнемогли от вопля, засохла гортань их, заболели языки, проповедовавши любовь, и сколько с того пользы? Нисколько в мире нету.

Если бы любовь была на свете, то отдали бы 24 миллиона людей под неограниченную власть помещикам, как это недавно было у нас? Если бы любовь была, то отдали бы плодородную

родную землю белоручкам, — это тем же помещикам, — в вечное владение, тогда как люди, а еще уязвительнее представить — маленькие дети, на один шаг от голодной смерти за недостатком земли. А помещики эти свою собственную землю (которую они еще при создании неба и земли, кроме Бога, сами должно сотворили, почему и называют ее собственностью) этим бедным людям за дорогую цену продают, а деньги в карты проигрывают, да еще куда-то да на что-то расходуют. Вот насколько велика ваша любовь к ближнему!

9

«Дах вам», — сказал Бог в день шестой творения своего «дах вам всякое семя сеющее». Вселенная же вся не повинуется приказу его, сеять не хочет, а свалила эту тяжкую работу на руки того бедного человека, который не в силах стать в защиту сам себе. И хлебородную землю от него отобрала и на вечное время белоручкам отдала и его собственностью наименовала, то есть тому человеку, который

вечно ничего не работает. Вот сколько велика ваша любовь к ближнему, которую вы для нас, а не для себя проповедуете.

10

Не верны ли мои доказательства, что любовь без труда мертва есть, а труд, происходящий в честь этого закона, без любви живой есть. Потому что любовь в труде скрыта: это дом ее, это местожительство ее, любовь без труда, как тело без души. Но только и этот закон живой, но не для всех, а только для тех, которые исполняют волю его; также и для тех, которые от всей души желают исполнять волю его, то есть работать, но нет на то никаких возможностей. Но для лентяев и для лодырей, — он для них, а они для него жертвы есть. А о любви к ближнему тут и говорить нечего.

11

Теперь представьте, читатели, если человек примет с такою жадностью этот закон, как выше сказано, то пожелает ли

он тогда другому того, чего себе не желает, пожелает ли он, каким бы ни было путем, чужой собственности? может ли допустить, чтобы, пожелавши собственных своих трудов хлеб есть и правдою на свете жить, а потом бы допустить иметь в доме своем неправдою приобретенное чужое добро, иметь пред глазами своими, — этого думать и воображать нельзя. Да может ли настолько чистая совесть удержаться, чтобы не подать всевозможную руку помощи ближнему своему, то есть видевши голодного, не накормить, жаждущего — не напоить, странника — в дом свой не ввесть и т. д. В чистой совести глаза ангельские, от них ничего нигде не скроется.

12

Не вкусившему и не испытывавшему сладостей от трудов, происходящих в честь этого первородного и первозданного, еще при сотворении неба и земли самим Богом данного человеку закона, трудно, очень трудно всему сказанному мною поверить. Но если мне блеснуло

на уме, что труд, благословенный Богом, в сто раз полезнее любви, то сказать или написать вам, это дело мое, а принять в уважение или опровергнуть, это дело ваше; а разобрать кто из нас прав и кто виноват — это дело Божие.

13

Как без Бога, так и без хлеба, также и без хлебоделца вселенная существовать не может. Тут ясно и верно видно, что Богом, да хлебом, да — третьим — земледельцем держится весь свет, о чем последствия разъяснят.

14

Бог есть дух, пребывающий на небе и на земле и под землею, а главное место пребывания Его, то есть местожительство Его, — где? Этот вопрос и до сего времени остается нерешенным. — Теперь ясно и для всякого здравомыслящего человека без малейшего сомнения открылось, что главное место пребывания Божия и коренной дом жительства Его в хлебе, да

в хлебодельце. Уничтожь из трех одно что-нибудь: Бога или хлеб, или хлебоделца, тогда вселенная вся в короткое время должна прийти в исчезновение.

15

Теперь, как вы думаете, читатели, если бы услышали со всего света наши земледельцы все сказанное мною, то не вспорхнули бы они тогда как на крыльях выше облаков, да не устремились бы они тогда всевозможно на все труды и на все добродетели, они бы тогда сами обогатились и вас всех золотом обсыпали.

Вы сами знаете, что ваши все блаженства состоят в ваших трудах, а кроме того вы счастливы быть не можете. Но что же я буду делать? Нету на то никаких возможностей.

Ни одного сожаления, а самого оплакивания достоин тот земледелец, который сеет доброе семя на бесплодную землю и плода не получает. Я есть земледелец и сеятель, а доброе семя сказанный закон Божий с его отраслями, а бесплодная земля, — это погруженные в

светских роскошах сердца ваши, которые с омерзением отворачиваются от трудов, Богом нам вообще всем назначенным.

16

Теперь опять на преждере-
ченное возвращаюсь.

Если же главное место пребывания Божьего в хлебе да в хлебоделъце, то мне кажется и непогрешительно поклоняться ему, этому хлебу, как истинному Богу, да и земледельца почесть выше и дороже всего того, что есть на небе и на земле.

Говорю ли я это с целью о себе? Нет. Я уже старик, — на что мне ваши почести.

17

Бог хоть и в силах удержать вселенную без хлеба и без хлебоделъца, — для него нету невозможного, но в таком случае ему нужно переменить весь ход природы и отступить от своего слова, когда он, создавши небо и землю, сказал: «Совершилось небо и земля и все украшение их». А теперь нужно это совершенство опровергнуть, причем

и все законы Его должны потерять силу свою. А для кого нужно переменять ход природы? Для нашей лености.

18

Спросить о полезном или вредном деле для всего мира, это дело мое, а дать или не дать мне на этот вопрос ответа, это дело ваше. Потому и спрашиваю у вас: если того человека, который сам от своих трудов хлеб ест и других людей и животных кормит и от голодной смерти спасает, при всем этом, несмотря на всю вселенную великую его заслугу, называют его глупым, безумным дураком, скотом, нулем и на все лады, как нельзя более выразить, его унижают. И это верно, что мы глупы (это я не иносказательно говорю, а буквально, что мы глупы), потому что сколько бы человек ни учился и сколько бы ни усовершенствовался, а граница совершенства всегда далека от него; покуда век не кончен, дотоле и наука его недостаточна, а когда умер, тогда сразу очутился на границе совершенства.

И чем более учен человек, тем более видит сам в себе недостатки ума и т. д. Если же того человека, опять говорю, который сам своих трудов хлеб ест и других людей и животных кормит, и от голодной смерти спасает, на все лады его унижают, — потому спрашиваю у вас, читатели, как же нам теперь называть того человека, который, вместо того, чтобы других кормить, а он и сам без всяких уважительных причин, ради одной лени, вечно чужие труды пожирает, да, кроме того, под видом только денег, а на самом деле кровь из бедных людей высасывает. Как назвать того человека? Злодеем? — нет, злодея закон судит, а его уважают и на высокую степень достоинства поставляют. Все унижительные прибаутки мы земледельцы на себя забрали, а дармоеда как назвать? Это есть не маловажный вопрос. Да что я спрашиваю! скорей от камня можно получить ответ, нежели от вас, читатели!

А теперь, как я узнал стороною, цензуры не пропускают в свет настоящей моей проповеди*), а с какою целью не пропускают? Первое, чтобы самим избавиться от этой пустой для них хлебной работы, а второе, по немилосердию к нам, это к своим кормилицам. Пусть они, 60 миллионов, страдают голодом и холодом, а лишь бы нам и нам подобным людям было хорошо! А начни с ними говорить о любви к ближнему, он еще тебе будет подавать к тому направлению на словах, а на деле вот что!

Не сбылось ли пять годов тому назад здесь же сказанное мною слово, что мы все пред вашим одним человеком единицы, а он пред нами орел: одним только словом, и одним только изречением, и одним только пера почерком может всех нас растерзать! Вот и растерзал, предал все это уничтожению.

---

*) Это писалось в 1880-х годах.

Царапнул один раз пером — уничтожено: вот и растерзал нас многие миллионы. И еще: я говорил тогда же, что пред лицом великого правительства праздность и тунеядство процветут и возвысятся, а хлеб и труд увянут и обнизятся; вот и обнизались. Вот видите ли, насколько истинны мои предсказания, — вот настолько и всякое слово мое здесь верно и правдиво.

22

Все заповеди и законы нового и ветхого заветов, все они запечатаны и засвидетельствованы в своей истине человеческою кровью и слезами. А за эту первородную заповедь, которая всем заповедям и даже любви к ближнему есть мать и родительница, за нее никто ж никогда ни одной капли крови и ни одной слезинки не пролил, то есть не запечатал ее истину, почему она и осталась ложною. Поэтому-то и не принимает, а с негодованием отвергает ее вся вселенная, чему свидетели вышеупомянутые цензуры. Запечатал ли ее Христос своею кровью? Нет. Он сказал в Еванге-

лии: «воззрите на птицы небесные» и пр. Это есть верное доказательство, что он ее отринул так же, как и вся поднебесная еще до рождения Его опровергла; не за самую малейшую добродетель не признала, а за главный порок сочла работать хлеб.

23

А теперь по всему ходу этого дела видно, что мне определило правосудное небо засвидетельствовать и запечатать истину этой заповеди моею кровью и слезами, то есть не буквально пролить кровь, а иссушить ее, которой и теперь уже не малая часть оной во мне иссохла, а слезы, если не из глаз (я по природе на это крепкий), то из сердца моего льются.

24

Спрашиваю я сам у себя, с чего ради я столько тружусь над развитием этой заповеди среди забот и попечений крестьянских? Получу ли от мира сего благодарность за эти труды, как многие за какую-нибудь безде-

лицу в сравнении с настоящим моим добром для всего мира получают тысячи наград, — об этом и говорить нечего! Тут только одна великая награда для меня та, чтобы избежать мне кары за это: вот великая награда для меня, потому что я здесь задеваю за живое, — кого же? Об этом стоит подумать. Да чего же ради я маюсь? Я чувствую, а глазами не вижу, что какая-то невидимая или тайная рука невольно влечет меня к тому. Я это работаю не по своей воле, а по неволе.

25

У меня прежде было легонькое упование и хотя не совсем крепкая надежда в загробном веке получить от Бога за это спасибо, потому что я, хотя и тоже не с охотою, а трудился. А теперь как узнали великоученые люди эту цель мою и уверяют меня так: ты трудился не по чистой любви к ближнему, а по любви к самому себе, потому эта твоя любовь к ближнему, которая смешана с самолюбием, это есть вражда на Бога и ненависть к ближнему. И я признаю

это их доказательство за чистую истину, как будто Бог с ними говорил истинно.

26

Но я из таких своих запутанностей, как выше сказано, и иного исхода не нахожу, как только следующее: если разделить все мои труды на 10 частей, то пусть девять частей из них погибнет для меня за сказанное самолюбие, а десятая останется в пользу мою, — и того будет для меня довольно. Да пусть и десятая исчезнет, я и тем не буду обижен, потому что я твердо уверен в том, что не буду я в загробном веке иметь нужды в суде Божьем, — а судья и решитель будет мне моя совесть, которая не будет меня съедать за то, что постарался сделать добро для себя и для ближнего своего. А в чем окажется мое недоумение — это разобрать будет дело Божие, а не совести.

27

Мне кажется, что читатели пожелают узнать, какие горести

иссушили во мне кровь мою, вот они: 1-ое: то, что писал я без привычки к тому, что видно по почерку моему. Одну и ту же статью много раз переписывал. Можно не всякому представить, сколько тут трудов было. 2-ое: занимался я этим среди тяжких работ, — день работаю, а ночь пишу, когда глаза мои и с помощью очков плохо видят. 3-е: был бы я богат, тогда много было бы у меня помощников, наставников, советников и правителей по этому делу. Но, как я хотя и не беден, но очень скромные пожитки имею, потому сколько я ни обращался за советами по этому делу к людям, но они и говорить со мною не хотят, — тогда я и ухожу от них со стыдом. 4-ое: велико ли у меня семейство, то есть много ли у меня в доме работников? Один сын с женою и у них трое маленьких детей, да я с женою; но мы очень слабы к работе теперь. Нанять людей не на что, да по моему убеждению и не нужно чужих трудов хлеб есть. 5-ое: вот уже четыре года как начал я подавать прошения правительству, в которых пролил сердце свое, как воду, пред ли-

цом его и просил, чтобы обнародовали мою эту проповедь. Но что же? Как в мертвые руки подаю, как в слепые очи показываю и как в глухие уши говорю — ответа нет. 6-ое: всего более сушит во мне кровь то, что до 60 миллионов в нашей России страдают людей в нищете и в убожестве собственно оттого, что этот закон скрыли от них. С какою же целью скрыли его? С тою, чтобы самим пожить в негах да в роскошах и во всех сластями разжигаемых пристрастиях света сего, о которых стыдно и грех мне на этом месте и пред этими честными людьми буквально разъясниться, разве только одними точками да знаками восклицания.

Да все ли скорби и болезни, горести и печали сердца моего я описал здесь? Нет, этого сделать невозможно.

28

Да верно ли я говорю, что мне определило правосудное небо запечатать эту заповедь мою кровью и омыть ее слезами? Вот и запечатал, вот и

омыл. Может статься, хотя после смерти моей заповедь процветет! Нет, это немислимо. Вот какал преграда стоит на этом пути. Это верно я говорю, мое пророчество мимо не пройдет. Добиваюсь ли я этим славы себе? Нет. Я уже старик, на что мне слава? Если не сегодня, то завтра пойду в землю темную, в землю мрачную, где вечно не увижу света, — в таком случае на что мне слава?

29

Теперь я кончил все нужные дела свои, то есть вывел на белый свет первородный закон или заповедь из той преисподней бездны, куда погрузила ее вселенная еще от начала века и притом омыл ее слезами своими и запечатал кровию своею так, как выше сказано.

30

Теперь осталось у меня еще одно важное и полезное дело, вот оно: покуда я жив и здоров, положу сам себя в гроб и выстрою на нем памятник себе таковой, чтобы равнялся достоин-

ством и ценою с первородным законом, это «в поте лица твоего снеси хлеб твой», в сравнении с которым все драгоценности света сего есть нуль без единицы, — какой я памятник выстрою себе. Это разъяснят вам впоследствии.

31

Сделаю я, Бондарев, не на словах, а на бумаге завещание сыну своему Даниилу такое: когда умру и положишь меня в гроб, тогда вложи все эти бумаги в руки мои, а Бог и в землю видящий, также как и на поверхности, узнает, с какою целью держу я эти бумаги, — потому он не оставит их без разбирательства.

Вот тогда-то он скоро потребует к себе на суд всех тех противников, которые их прочитывали или прослушивали и не употребили всех возможных мер для распространения их; он их потребует к вечному осуждению, а защитников этого закона не оставит без наград. Я крепко и крепко и еще крепко вас уверяю, что это мое пророчество мимо не пройдет. Одно-

го человека обидишь, — и тут не избежешь за то достойного воздаяния; а опровергнув все это — тут многие миллионы людей и маленьких детей, которые в утробе матери, да и тех, которые будут родиться до скончания века, обидели бы как больше быть нельзя. Да это так слепым случаем и пройдет? Это могут думать только одни те, которые твердо уверены в том, что Бога нет.

32

И похоронить меня прикажу я сыну своему не на кладбище, а на той земле, где мои руки хлеб работали, и, четверти на две не досыпавши песком или глиною, досыпъ ее плодородною землею, а оставшуюся землю свези домой так чисто, чтобы и знаку не было, где гроб покоится, и таким же порядком продолжай на ней всякий год хлеб сеять. А со временем перейдет эта земля в другие руки и также будут люди на моем гробе сеять хлеб до скончания века. Вот тут-то и сбудется ре-

ченное: «да снидем в гроб, как пшеница созрелая, или как стог гумна во время связанный». (Иов. 5, 26).

Примечание.

Этот мой памятник будет дороже ваших миллионных памятников, и о такой от века неслыханной новости будут люди пересказывать род родам до скончания века; да и многие из *земледельцев* сделают то же самое. А может статься и из вас именитых людей кто-либо пожелает и прикажет похоронить себя на той земле, где люди хлеб сеют.

Теперь я избрал желаемое место и положил сам себя в гроб (я сегодня еще жив и здоров, а будущее не в нашей воле), на этом и проповедь моя кончилась. Теперь, читатели и слушатели, прощайте. Если не в сей жизни, то в будущем веке я вас всех, а вы меня увидите. Но я надеюсь, что вы своим красноречием да хитростию перед Богом более оправдаетесь, нежели я.

Тимофей Бондарев.

Т. М. Бондарев — Трудолюбие и тунеядство

Т. Бондарев. Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца. С пред. Л. Н. Толстого. М., «Посредник», № 597, 1906.

В трактате «Так что же нам делать?» Л. Н. Толстой утверждал: «За всю мою жизнь два русских мыслящих человека имели на меня большое нравственное влияние и обогатили мою мысль и уяснили мне мое миросозерцание... два живущие теперь замечательные человека, оба всю свою жизнь работавшие мужицкую работу, — крестьяне Сютаев и Бондарев». Очерк А. С. Пругавина о Сютаеве уже был помещен нами в №№ 4 и 5 нашего Альманаха.

Тимофей Михайлович Бондарев (1820-1898) — сын крепостного; за переход из православия в субботничество был сослан в Сибирь. Оказавшись единственным грамотным человеком в деревне, открыл школу для крестьянских детей. С 1870-х гг. стал записывать свои соображения по выходу народа из нищенского состояния. Сочинение «Трудолюбие и тунеядство» попало в руки Г. И. Успенскому, который написал о Бондареве очерк «Трудами рук своих» (1884), и Л. Н. Толстому, который нашел его сочинение весьма близким себе по духу, вступил с автором в длительную переписку и помог ему опубликовать эту работу. В 1888 году в еженедельнике «Русское дело» (№№ 12 и 13) были напечатаны фрагменты с послесловием Толстого, в 1890 году работа издана в переводах на французский и английский языки с его же предисловием. Отдельные фрагменты были включены Л. Н. Толстым в его «Круг Чтения». На русском языке «Трудолюбие и тунеядство» впервые вышло в 1906, но в 1908 было конфисковано и вновь стало доступным лишь в марте 1917 года.

Джон Рескин (1819-1900) — английский писатель, теоретик искусства и социальный реформатор, высоко ценимый Л. Н. Толстым.

И. А. Гордеева

«Все люди — братья»:
Юра Диверсант и группа
«Свободная инициатива»

Ежегодно 1 июня отмечается «Международный день защиты детей» и потому несколько материалов этого выпуска относятся к теме детства. Но 1 июня в России отмечают свой день и "дети цветов", т. е. хиппи, традиционно собираясь в Москве, в парке Царицыно. Поэтому в июньском выпуске нашего издания мы решили поместить эту статью.

Первоначально хиппи стремились лишь к негативной свободе от взглядов и образа жизни окружающего их общества. После возникла потребность в позитивной системе взглядов, и многие из них пришли к ненасилию, пацифизму, а некоторые заинтересовались именно взглядами Л. Н. Толстого. Для одних, как А. В. Лобачев и Г. А. Мейтин, такие взгляды были основой жизни, для других, как Юра Диверсант, – лишь частью их мировоззрения. У автора этой статьи, к. и. н. И. А. Гордеевой, есть стремление собрать истории всех хиппи советских лет, интересовавшихся толстовскими идеями.

Имеет смысл рассмотреть подробнее, что общего и в чем различие между хиппи советской эпохи и последователями Л. Н. Толстого. Общим было братство людей, не знающее государственных, национальных, расовых и т. п. границ; пацифизм и ненасилие, отказ от военной службы, осуждение войн, смертной казни, карательной психиатрии; многие хиппи выступали за объединение религиозно-философских традиций, были вегетарианцами. Но необходимо отметить и то, что отличает последователей Л. Н. Толстого от большинства хиппи: отношение к наркотикам и алкоголю, к «свободной любви»; к труду, особенно физическому; отсутствие преднамеренного эпатажа в одежде и вообще во внешнем виде.

Данная работа печатается с некоторыми сокращениями, с любезного разрешения автора.

Советские хиппи, которые сегодня не очень любят, когда их называют советскими, тем не менее, разделяли со своими соотечественниками некоторые общие черты, среди которых было и отвлечение к политике. «Политика — грязное дело», — повторяли они расхожий лозунг, причем под политикой понимались любые попытки участия в общественной жизни и даже просто трансляции своих идей и ценностей в публичное пространство. «Политической» ангажированности противопоставляется позиция чистого эскапизма — полной невключенности в советскую действительность. Поэтому в жизни хиппи (как и художников-нонконформистов, советской богемы, религиозного андеграунда, отчужденных интеллектуалов, отчасти рок-музыкантов и тому подобных аутсайдеров) решающую роль играли стратегии ухода, самоисключения из «большого» общества и разнообразные практики отрицания, негативной свободы.

Известный «олдовый» хиппи

Василий Бояринцев (Лонг) (род. 1953) утверждает, что в отличие от общественно-ориентированного протеста западных хиппи, «советский» хиппизм «был течением мысли хоть и антисовковым, но в корне своем чисто «пофигистским», отрицающим всякие идеологии». Он пишет, что во все не борьба диссидентов, а отрицание идеологии, характерное для хиппи, больше всего устрашало советскую власть, и добавляет, что «политический» тренд появился уже в новом по-

колении: «Где-то в конце 70-х пришло, видимо, время самосознания, появилось разделение на Старую и Новую Системы¹. Мы — просто жили, купаясь в Благодати и щедро делясь с окружающими неведомыми доселе ощущениями. А «Новая Система» — это люди, не понявшие той Благодати, а потому просто закомплексованные на пацифизме, на длинных прическах. Они старались изучать западный опыт. Нам же было наплевать, что там, на Западе, творится — главное, что толчок был нам дан».

Однако и представитель условной Новой Системы — следующего поколения советских хиппи — Александр Вяльцев (Пессимист) (род. 1962) солидарен с Бояринцевым в подобном понимании сути того сообщества, к которому принадлежал: «Система — это возможность жить, не ангажируя себя ни на какой подвиг, ни на какой труд, ни на выполнение любой задачи, связанной с ограничениями и лишним бременем. У Системы нет теории и нет идеала: она принципиально свободна от идеалов и теорий.

Система — это терапия необязательностью и жизнедеятельностью без цели и принуждения следовать каким-нибудь патентованным правилам». Согласен с ним и Александр Иванов (род. 1959): «Большинство системных людей старались сторониться от активных форм гражданского протеста и участия в диссидентском движении, хотя многие системные люди пересекались на узком поле андеграунда с представителями диссидентского движения и воспринимали от них некоторые идеи».

Тем не менее, из этого правила были и исключения. По всей видимости, некоторые хиппи Прибалтики более тесно контактировали с местными диссидентами, чем представители московской Системы. В провинции в 1970-е годы могли существовать вполне политизированные локальные тусовки хиппи (например, куйбышевские хиппи). Отдельные «волосатые» оказались причастными и к ленинградским «новым левым», в программных установках которых исследователи находят явственное влияние

идей хиппи. Одними из самых известных и активных «политических» хиппи были Сергей Батоврин (род. 1957), основатель московской «Группы за установление доверия между СССР и США», Александр Рубченко (род. 1960), который стал активным участником этой группы с 1984 года, Олег «Алик» Олисевиц (род. 1958), создавший в 1987 году во Львове отделение той же Группы. Да и сам период Перестройки заставил публично озвучить свои взгляды в виде манифестов и деклараций и даже выйти на улицу с протестом тех, кто раньше о нем не задумывался — того же Пессимиста, Александра Подберезского (Сталкера) (1959—1993), Виталия Зюзина (Принца), Светлану Юрлову (Света Конфета) и других. Совершенно особое место среди перечисленных «политических» хиппи занимает имя Юры Диверсанта.

В документах советского правозащитного движения, а также в справочниках перестроечного времени можно найти упоминания о малоизвестной группе хиппи-пацифистов

«Свободная инициатива». Вот, к примеру, цитата из справочника «Неформальная Россия»: «Группа существует с 1982 года. Устав принят в 1987 году. Пацифисты, хиппи-анархисты. Выступают за общедемократические права и свободы, свободу собраний, печати, ассоциаций и организаций, сокращение армии и сроков службы, стирание границ между странами, ликвидацию армий всех государств, тюрем и концлагерей, и т. д. Основная форма деятельности состоит в написании листовок с обращениями, надписей на стенах домов пацифистского содержания. Собирали подписи за освобождение Пауля Кнаппа, американского пацифистского деятеля, приговоренного к 8-летнему тюремному сроку. Получили из США ответ, что его дело пересматривается. Издают самодельный журнал «Свобода». Выходит 4 раза в год, с 1987 года, 20 страниц, тираж не более 30 экз. Актив 10 человек. Возраст 18—23 года».

Удивительно, но мои первые попытки узнать что-то об этой группе 1 июня 2013 года на поляне в Царицыно, где ежегодно

по традиции в этот день собираются хиппи, особо успешными не были. Юру все хорошо знали, но существование упомянутой группы, а также свою причастность к ее деятельности отрицали даже те, чьи имена можно было встретить в списках участников группы, а подписи — под ее документами. Получалось, что группа существовала в архивных документах (в основном, самиздатского и диссидентского происхождения, в новой неформальной печати, а также в зарубежной прессе), но в памяти друзей Юры она почти отсутствовала.

Участники советского низового мирного движения, правозащитники и зарубежная общественность считали «Свободную инициативу» реально существующей пацифистской организацией и неоднократно упоминали репрессии против ее участников в своих изданиях, например, в «Вестях из СССР». В известнейшем информационном издании перестроечного периода «Экспресс-хронике» было опубликовано интервью с Юрием Поповым как лидером «Свободной инициативы». Доб-

рую память о Диверсанте сохранили и анархисты, познакомившиеся с ним в конце 1980-х годов.

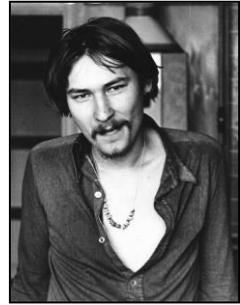
«Эта группа действует (преимущественно в Москве) в течение ряда лет. Она организует пацифистские митинги и демонстрации, распространяет листовки против войны в Афганистане и т. п. Выступления группы обычно вызывают резкую критику властей. Ряд активистов группы репрессирован; к сожалению, это было облегчено тем, что среди ее членов были и лица, употребляющие наркотики», — утверждалось в одном из журналов русского зарубежья в 1987 году. В бюллетене советского низового мирного движения «День за днем» А. Рубченко пояснял, что «идеологическая платформа группы представляла собой сплав идей Толстого и Ганди с их принципом безнасиельственного сопротивления, помноженной на анархизм кропоткинского толка в соединении с идеалом «цветочной культуры» конца 60-х». К числу традиционных массовых акций «Свободной инициативы» он относил ежегодные

пацифистские митинги 1 июня в Международный день защиты детей в парке Царицыно, а также декабрьские манифестации памяти Джона Леннона на Ленинских горах в Москве, считая их «средством ненасильственного сопротивления гнетущей атмосфере советского общества тех лет».

Настоящая статья является первой попыткой обобщить пока еще разрозненные данные о Диверсанте и его группе. Она написана с целью привлечения внимания к «политическому» и идеологическому измерению бытия советских хиппи, их общественным идеям и ценностям, а также является призывом собирать архивы ради сохранения памяти об этих интересных и красивых людях — представителях Системы².

Юра Попов (Диверсант) родился 26 октября 1954 года в Москве. Как сложились пацифистские взгляды Юры — неизвестно. Возможно, в данном случае сказалась природная предрасположенность — почти все вспоминают о нем как об очень добром человеке. Уже в старших классах школы Юра

отрастил волосы и начал свой протест, из-за чего попал в психушку и получил диагноз. По словам его

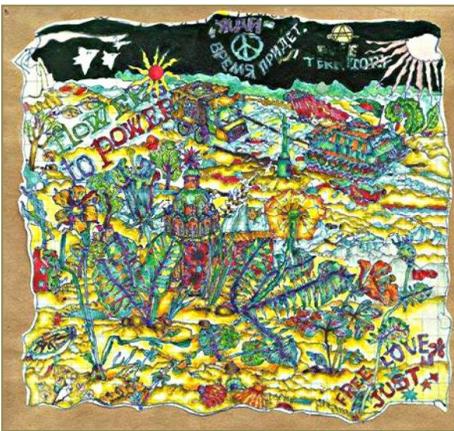

младшей сестры Татьяны, он много читал, причем в то время его любимым автором был Лев Толстой, под влиянием которого даже начал ходить в школу босиком. Уважение и интерес к Толстому у Юры сохранится на всю жизнь, в своих текстах он неоднократно будет упоминать его и цитировать, считая Толстого «духовным отцом моего народа».

Будучи инвалидом второй группы, Юра нигде не работал и жил на пенсию. Он был оригинальным художником-самоучкой и, по свидетельству друзей, участвовал в выставках неофициальных художников 1970-х годов. К сожалению, рисунков Диверсанта почти не сохранилось. [...]

По воспоминаниям бывшего хиппи и участника советского оккультного «подполья» Вла-

димира Видемана (Кест) (род. 1955): «в историю Системы он вошел, прежде всего, тем, что как-то раз наклеил антисоветскую листовку на здание югославского посольства. Однако, прежде всего, Дивер был художником. Его фирменный стиль — миниатюрный сюр, то есть он рисовал акварелью, часто под лупой, крошечные психоделические фигурки, что-то среднее между Босхом и Дали, но по таланту, ИМХО, превосходил обоих вместе взятых. Такими фигурками — правда, более масштабными — он однажды, от нечего делать, коротая длинные зимние ночи, разрисовал мою комнату на Пярумантеэ (которая после этого стала, вероятно, первым и по-

следним музеем художника). В его московском жилище посреди просторной комнаты стоял огромный стол, заваленный тысячами мелких листочков, часто размером с трамвайный билет, покрытых удивительными композициями, от которых крыша ехала реально».

Диверсант упоминается во многих рассказах о хиппи 1970-х как примечательный внешне завсегда хипповых тусовок, любитель кайфа, читатель специфической литературы, озабоченный поисками идеологии хиппи, безбашенный акционист. В романе Аркадия Ровнера «Калалацы», который является художественной обработкой устных воспоминаний о группе «Волосы» Александра Дворкина (род. 1955) и уже успел стать одним из источников современной хипповой мифологии, он выведен под именем Юры Заложника:

«У Юры Заложника — светлые волосы до подмышек. Высокий, костистый, ходил он в зеленом френче керенского покроя с расстегнутой верхней пуговкой, и на шее крестик.

Он привел меня в «Ивушку»,

«Вавилон» и «Русский чай».
[...]

Заложник считался теоретиком — ему приписывали текст: «Вы отняли у нас все — в школах засрали наши мозги, в дурдомах закололи нашу память. Но у нас еще осталась наша жизнь и право выбирать себе способ казни. Мы хозяйева своей крови, и можем делать с ней все, что хотим, — отравлять ее наркотиками или поливать ею заборы»³.

Когда он клеил листовки с этим текстом возле югославского посольства, за ним увязались хомуты [милиционеры]. Он пустился бежать, а когда увидел, что его все равно поймут, бросился на землю и заорал:

— Леша, отстреливайся!

Хомуты залегли, повытаскивали пистолеты. Его, конечно, поймали и рукояткой пистолета по голове приписали. С этой истории Заложник стал популярной личностью.

О нем гнали телеги⁴: шел он по Красной площади с букетом маков, а за ним шли два милиционера и уговаривали:

— Юра, остановись! Юра, остановись сейчас же! Ты же

знаешь, что только ты сойдешь с площади, мы тебя арестуем.

Но Юра дошел до центра площади, положил маки на асфальт и лег на них щекой.

Собралась толпа, милиционеры стали их распахивать, и тогда Юра очень медленно встал и ушел.

В другой раз он-де принес в метро пустую лимонку, доехал до площади Маяковского, дождался, покуда объявили: «Осторожно, двери закрываются», закричал страшным голосом:

— Ложись! — и запустил лимонку под ноги пассажирам. Лимонка закружилась волчком, все попадали, позатыкали уши — поезд ушел, сам он снаружи остался, — положили в дурдом».

С последним эпизодом связывают происхождение хиппового прозвища Юры — Диверсант (сокращенно Дивер). [...]

Нередко в воспоминаниях о Юре можно встретить указание на его особые интеллектуальные пристрастия. У Ровнера Юра Заложник увлекается К. Воннегутом: «Добил меня Заложник: как, ты не читал Вон-

негута? Ты не можешь считать-ся интеллигентным человеком, если не читаешь Воннегута. Только те, кто читали Воннегута, могут называться интеллигентными людьми». Бояринцев также упоминает Юру в своих воспоминаниях в особом интеллектуальном, хотя и ироническом, контексте (события происходили в кафе «Крючки» на Петровке в 1973 году): «Потом появились чрезвычайно занятые Диверсант с Достоевским, изда-лека поздоровались, уселись в углу и стали доказывать друг другу что-то, тыча пальцами в потертый старинный фолиант».

А вот воспоминание из интернет-форума (вспоминает некто moomr): «Вот тут ещё есть портрет. Очень дорогого для меня человека — Юры Диверсанта. Когда в Царицыно бываю, раз в году, ну вы в курсе, то первым делом вспоминается именно Юра Диверсант — Царствие ему Небесное, ему и многим другим, вкусившим свободы с тех, давнишних уже, первых царицынских лужаек. Вспоминается всегда одна и та же картина: бегают Юра по холмистым дорожкам вокруг поля-

ны с большим таким, прям скажем, гвардейским, чёрным, бархатным знаменем в руках. На знамени, как тогда принято было — пацифик и надпись — «Анархия Мать Порядка!», белым по чёрному бархату. Герлы, тогда ещё совсем юные (Ира Фтататита, Таня Шлёп-Нога и Людка Судзуки, кажется, больше не могу вспомнить) неделю, наверное, гладью вышивали. За Юрой, как в фильмах Чарли Чаплина, буквально перекачивается-барахтается толпа одинаково толстеньких, уже не молодых и очень неспортивных ментов. Все в кителях времён ихней юности-учебки. Малы им пиджачки-то серенькие, придают они их располневшим корпусам мультяшное сходство с гусеницами — перетяжки в плечах, в подмышках и на месте предполагаемой талии. А Диверсанта-то не догнать — бежит быстро, но ровно, за дыханием следит. Настоящий воин сиу, сухой, поджарый, использует рельеф местности и расколбас духа. Короче, веселуха!.. Сидим мы с Коброй в укрытии, наблюдаем. А менты Диверсанта минут 15 окружают,

загоняют... И в рупор уже ругались, и с начальством каким-то не ментовским, видимо, бегали совещаться. А всё зря.

Потому что они его окружали-догоняли, но только он их сам в болотце заманил и, не прощаясь, скрылся. Вместе с большим чёрным знаменем, заметьте. Да и вся прочая тусня успела в парк скипать за это время. Поди-ка их из парка теперь выковырай. А Диверсант затихарился, где-то на тихой вписке. И нет его. Арестовали его только через день или два, усилиями более компетентного и расторопного в поимке и преследовании граждан СССР органа.

Так Юра создал активистскую молодёжную группу «Free Initiative». Причём заявил о ней в международных правозащитных кругах. Все члены «Свободной инициативы» автоматически стали членами «Amnesty International». ГБ и моргнуть не успело, как у них под носом расцвела и стала работать антивоенная группа молодых энтузиастов. И зацепить их нечем, так чтоб без большого скандала. Из институтов не уволишь,

прописки не лишишь, даже семейных связей у большинства нет. В одночасье сложилось общество, которое в наши дни назвали бы «группой прямого действия», наподобие гринписовцев и антиглобалистов новой волны. Див&Со даже успели разбросать перед зданиями капиталистических посольств свои антивоенные листовки. Они привлекли к себе внимание журналистов и Юра успел дать два-три интервью «вражеским» голосам. Для «запада» это стало мини-сенсацией — в дремучем совке нашлась, подумать только, свободно мыслящая молодёжь! Причём сразу много и из разных слоёв, а не только отдельные кухонные диссиденты-интеллигенты. Западным обывателям вдруг открылось: а в совке-то всё как у людей — есть даже свои профессиональные антивоенщики-радикалы. И прочая, иже с ними прогрессивная и пёстрая молодёжь! Собственно Див был первый анархо-пацифист, с которым я познакомился. Юра меня просто потряс. Я впервые увидел такого человека. Настоящего мирного партизана, бойца цветоч-

ной революции. Диверсанта. У него даже пацифик был свой, личный — своя зона ответственности за свой личный кусок свободы. Этот особый знак был чем-то типа лого «Free Initiative». Уже после отсидки Юра почти в одиночку выпускал самиздатский журнал «Свобода» (По пять листов печатал за раз, под копирку, много ли напечатаете? У него выходило по десять-пятнадцать 30-страничных экземпляров.) И этот особый Диверсантовский пацифик всегда был на обложке. Див ставил его повсюду. Даже на стенах штрафизолятора в печально известном учреждении «Сычовка» — особой, закрытой тюрьме для принудления общественно-опасных психотически больных преступников».

Видеман вспоминает о Юре как о человеке, которого периодически «накрывала волна политического активизма». В середине 1970-х годов Диверсант занимался перепечаткой «Хроники текущих событий». В контексте связи с диссидентами о нем упоминает и Бояринцев:

«Под занавес мы — я, Влад и Колпак, совсем себя не помня, завалились еще в «Иву», напугав до полусмерти Диверсанта с Бинштоком, которые там целый вечер пудрили мозги за бутылкой сухача каким-то бородатым диссидентам разговорами о психоделической революции. Наше появление диссиденты сочли живой иллюстрацией к Диверсантовским рассуждениям, на что тот попросту оскорбился, а Колпак тут же попытался начать драку с оппонентами».

Сергей Батоврин, бывший хиппи и организатор советского низового антиядерного движения, назвал Диверсанта «организатором многолюдных мероприятий контркультуры и за всегдатаем психиатрических больниц». Под «многолюдными мероприятиями контркультуры» имеются ввиду попытки Юры придать первоиюньским встречам хиппи в Царицыно общественно-пацифистский характер, а также его участие в организации митингов памяти Джона Леннона на Ленинских горах, о чем пойдет речь ниже.

Свою краткую автобиографию Юра воспроизвел в письме Паулю Кнаппу (Paule Knapp, Rainbow Hawk) — осужденному американскому активисту альтернативного движения, в защиту которого он выступал в конце 1980-х годов:

«Я родился 26 октября 1954 года в Москве (мне 35 лет). Мои родители приехали в Москву из Тамбовской области, эта территория в моей стране примерно так, как Сицилия в Италии или Калифорния в США. И там живут мои дедушка и бабушка, они очень старые и очень простые. Мой отец имел работу директора строительной компании и разбился в автомобильной катастрофе. Моя мама живет сейчас. Я получаю пособие, приблизительно 50 рублей. Других денег у меня нет. Моя жизнь не очень привлекательна с обычной точки зрения. 1 июня 1971 года я принял участие в антивоенной демонстрации московской Системы хиппи, которая проходила неподалеку от Кремля и Красной площади.

После, затем, меня отправили в сумасшедший дом для детей, и я стал сумасшедшим челове-

ком (для массового сознания), и это остается и сейчас также. Это один из советских обычаев в моей стране, но я знаю, что и в других странах тоже.

После, затем, я принял участие в Движении молодежи против войны, против правительства, против насилия и традиционной массовой морали здесь. За братство и Любовь всей свободной и отторгшей себя от «общества» молодежи земли: нонконформистов, мечтателей, стремящихся к естественной природе и культуре, ненасильственной практике жизни, и протестующих против существующего порядка вещей — людей моего сумасшедшего поколения. Это очень трудный путь, и я, и мои друзья здесь, и

множество молодых людей на земле получили тюрьму, сумасшедший дом, самоубийство и смерть, и все мы стали наркоманами, потому что наше человечество имеет очень большой потенциал агрессии, особенно по отношению к нам, — и мы должны были отступить. Но я не думаю, что идеи моего поколения переживают свой конец, наоборот, сегодня я думаю точно так же, как и тогда. Извините меня за это примечание — отступление.

13 марта 1978 года я был арестован и пробыл в изоляции один год. И после, тоже весной 1984 года я был арестован и провел в заключении четыре года. И кроме этого я имел множество случаев, когда меня просто отправляли в сумасшедший дом на более меньший срок. Во всех случаях мое преступление заключалось в том, что я наркоман и имел при себе какое-нибудь вещество, которое я могу выпить за один раз. Но все это не важно.

Главное для меня сейчас — это объединение наших сил на Земле и установление более плотного контакта американ-

ской «семьи» с русской «СИСТЕМОЙ» (системами), МИРА в полном объеме и в обычной нашей жизни, как это было 10, 15, 20 лет назад, и сейчас — только вместе.

Это мечта, но не только. Это также и часть реальности».

В приведенном самоописании обращает на себя внимание то, что Юра воспринимает себя не просто как хиппи, а как участник Движения (это слово он пишет с прописной буквы) — «Движения молодежи за Мир, Свободу, против насилия», целью которого является не просто сохранить себя и свои ценности в узком кругу, а изменить общество, а также то, что для Юры сакральной датой является 1 июня 1971 года — день легендарной демонстрации советских хиппи. С нее он начинает отсчет истории Системы как Движения.

Традиционным символом хиппизма является пацифик. Пацифик был чрезвычайно популярен в том числе и у советских хиппи, однако для большинства из них он служил скорее знаком их нонконформизма, исключенности из пространства

насилия и принадлежности к хипповому братству, чем символом сознательной приверженности идеалам мира и ненасилия. Те, кто носили пацифистики, по многим причинам не были адептами ненасилия или сознательными борцами за мир. Традиционные сферы общественной активности западной контркультуры советские хиппи не находили для себя привлекательными. Их пацифизм чаще проявлялся в виде неопределенного, концептуально неоформленного настроения, источником которого был протест против «лжи» советской системы и собственных родителей, против систем принуждения, с которыми они сталкивались в семье, школе, в пионерской и комсомольской организации, армии, средствах массовой информации и институтах культуры. Это был антидисциплинарный протест, негативный пацифизм, пацифизм как нонконформизм, как протест против духовного насилия.

Неоднозначная семантика понятия «пацифизм», а также его сложная история в контексте позднего советского време-

ни, приводят к неизбежным искажениям исторической памяти о роли этого явления в жизни Системы. Особенно противоречивы воспоминания современников (кто из них реально был участником событий — не всегда понятно) о демонстрации 1 июня 1971 года. «Хроника текущих событий» сообщала: «Москва. 1 июня, в Международный день защиты детей, юноши, называющие себя «хиппи» и «длинноволосыми», собрались во внутреннем дворе бывшего исторического факультета МГУ, чтобы идти демонстрацией к посольству США с антивоенными лозунгами. Как только их «лидер» развернул плакат с английской надписью «Мэйк лав, нот уор!» (традиционный лозунг хиппи: «Люби, а не воюй») и они направились к арке, выходящей на ул. Герцена, он и остальные (около 150 человек) были окружены давно находившимися здесь же оперативниками и дружинниками. Демонстрантов погрузили в машины по такому принципу: наиболее волосатых — в «Волги» и микроавтобусы, остальных — в обычные авто-

бусы, и развезли по разным отделениям милиции. Как будто за несколько дней до проведения задуманной демонстрации некто по прозвищу «Солнце» (авторитет среди московских «хиппи») сообщил им, что демонстрация разрешена ВЦСПС. По слухам, сам «Солнце» во время задержания ребят во дворе университета был на Пушкинской площади, где также предполагалась демонстрация длинноволосых, но о ней «Хронике» ничего не известно. О том, каким репрессиям подверглись «хиппи», «Хроника» сообщить не может — известно лишь о ряде случаев применения декабрьского Указа Верховного Совета 1963 г. «О мелком хулиганстве», о случаях насильственной психиатрической госпитализации, о стрижке наголо наиболее волосатых, о профилактических беседах с «хиппи» сотрудников КГБ».

У самих хиппи наиболее распространенная модель воспоминаний об этом событии явно задана версией Максима Капитановского (1948—2012), озвученной в его мемуарах и позднее популяризированной одно-

именным фильмом. Согласно этой версии, демонстрация планировалась как антивоенная и антиамериканская и была спровоцирована КГБ. Однако она не объясняет позитивно-окрашенного отношения к этой демонстрации, которое сохранилось у Диверсанта и некоторых других хиппи. События 1 июня 1971 года требуют тщательного исторического исследования с привлечением документов официальных архивов, ныне, к сожалению, недоступных.

Насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении документам, «политическая» биография Юры также началась с отрицания. Один из первых составленных им манифестов, который он сам датировал 1972 годом и перепечатал позднее в своем журнале «Свобода» в рубрике «Система вчера и сегодня», был следующим:

ДЕКЛАРАЦИЯ ХИППИ

Наш голос:

В связи с тем, что не только всеми возможными средствами преследуются независимые умонастроения, инакомыслие,

свободная деятельность в какой бы то ни было форме, но рядом с этим широкий размах принимает практика почти физической расправы над людьми, в силу своих врожденных или приобретенных качеств не способных ни к физическим, ни к психологическим изменениям в диктуемую режимом сторону, и эти люди — хиппи.

Мы выражаем свой протест. Так как на протяжении последних лет они представляли из себя самое массовое и самое молодое из оппозиционных движений, а потому в большей степени, чем кто-либо, испытали на себе всю силу подавляющего воздействия слепой власти

Они говорят о себе, о своих требованиях и действиях во весь голос.

1. НЕЗАВИСИМОСТЬ

Мы не хотим ни поступать, ни утверждать, ни образовывать. Но поскольку мы уже есть, мы хотим оградить себя и вас от возможных ошибок. Все чего-то хотят: коммунисты хотят мира. Империалисты хотят войны. Все заботятся о судьбах человечества. А нам нужна только Свобода.

Мы хотим сохранить себя такими, какие мы есть.

Мы требуем для всех без исключения, для всех, кто оказывает сопротивление, или как бы то ни было выражает свой протест — АБСОЛЮТНОЙ СВОБОДЫ (в самом широком смысле максимально ограниченного контакта).

Во всех случаях инцидентов с существующей властью мы хотим, чтобы всех, кто только признает свою принадлежность к «Системе хиппи», немедленно передавали в руки их близких друзей и единомышленников. Никакие изменения внешнего вида задержанных, как то: стрижка, смена одежды и т. д. — невозможны. Иначе мы будем вынуждены прибегнуть в последнему средству собственной защиты — самоубийству.

2. СМЕРТЬ И СВОБОДА

Мы готовы существовать в данных условиях, но при этом каждый из нас имеет абсолютное право и все основания свободно распоряжаться как своей душой, так и телом.

Мы свободны.

Нам безразличны призывы «здорового смысла» и

преимущества «прогрессивных идей». Наше отношение к данной стороне вопроса заключает в себе лишь только то, что мы будем со стороны здравого смысла отстаивать правовую реальность своих установок, и использовать современные достижения для их утверждения — не посягая ни на чью свободу и действуя как пацифисты.

Каждый волен отказаться от каких бы то ни было своих физиологических потребностей — прекратить есть или пить, а равно как и приобрести новые

— пить и курить, но уже в другом смысле.

Как первое, так и второе ведет к концу, но каждый волен выбирать лучший, как ему кажется, путь в этой жизни — и уж тем более «всеобщая борьба за продолжительность жизни» никак не может касаться личных убеждений кого бы то ни было из нас. А то неотвратимое стремление к смерти, под действием которого совершаются подобного рода поступки, не способны остановить не только какие-либо манипуляции существующей власти, но и сам собственный разум личности.

3. БЕЗУМИЕ ИЛИ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Свобода проявляется в движении, даже если это движение — падение вниз.

Что есть безумие?

Безумие есть заболевание мозга, разрушение нервных клеток вследствие чего-то, или иное строение клетки определяет соответствующее ей положение личности.

Что ж, мы согласны смириться с этим, но не тогда, когда грубое превосходство и безнаказанность насилия стремят-

ся надругаться над основным человеческим понятием, свободой человека, будь то больные, отверженные или кто бы там ни было.

Человек не виноват в том, что родился в социально подчиненной среде. Его естественное право требовать самоопределения, свободы от господствующих в обществе представлений.

Он волен выбирать для своего внутреннего мира любые пространства и ориентиры в мировоззренческой области, исключая, конечно, насильственное присвоение чужой частной собственности.

С одинаковым успехом можно назвать психозом как личную обособленность, так и любое существующее учение, слепые последователи которого отказываются видеть что-либо еще.

Мы требуем равенства прав.

Личность, родившаяся свободной, не может быть иной.

Мы требуем независимости.

Быть может, это не те права, которые нужны большей половине нашего общества, но учитывая, что существуют тысячи условностей, так тщательно

охраняющих покой «ясного разума», совершенно бессмысленных для нас, мы считаем возможным оставить их за собой.

Пусть это хоть тысячу раз называется «безумием».

Мы не зависим от окружающего, а следовательно, не можем, да и не хотим, на него влиять...

МЫ ВОЛЬНЫ ТОЛЬКО С СОБОЙ И В СЕБЕ, ЭТИМ МЫ И ХОТИМ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ДО КОНЦА.

Москва, Система. 1972 год
Вася (Лонг) Б., Ян (Беленький), Вася (Литл) Ю., составил: Юра П. (Диверсант), Казак М. (Красноштанник), Валя (Ринга), Женя (Джагер).

В данной декларации, которая возможно, также содержит отсылки к неизвестным пока нам текстам, обращает на себя внимание какая-то инфантильность составителей и почти полное отсутствие у них позитивного идеала. Тем не менее, по крайней мере, с середины 1970-х годов Юра и его ближайшие друзья начинают искать такой позитивный идеал.

«Тогда наши идеалы никак не осуществлялись в реальной жизни и нам хотелось сделать что-то хорошее и полезное людям. Наша идеологическая база — это сплав идей Толстого и Ганди с примесью цветочной культуры. Мы представляли собой лицо системы хиппи, существующей в Москве. Мы сумели организовать, найти общее направление и пойти несколько дальше, чем молодежь, просто собирающаяся на тусовках. Нам очень хотелось, чтобы наш голос был услышан нашими сверстниками на Западе. Вот это, наверное, основная мысль», — рассказывал об этом периоде Юра в своем интервью. Илья Кестнер подтверждает, что тот круг, к которому принадлежал Диверсант, в 1970-е годы был озабочен идейным поиском: искали информацию по истории народничества и анархизма в России, о белом движении, о западных хиппи и «новых левых», посещали христианские кружки и семинары.

Помимо Юры и его ближайших друзей потребность в поиске позитивной программы в 1970-е годы возникла и у дру-

гих представителей андеграунда: Сандра Риги (род. 1939), Александра Огородникова (род. 1950), Владимира Пореша (род. 1949), Андрея Мадисона (1952—2009), Сергея Батоврина, Михаила Бомбина (1951—2011), Сергея Москалева (род. 1958), Алика Олисевича, Александра Лобачева (1953—2011), Георгия Мейтина и других.

С христианином-экуменистом Сандром Ригой Юра общался с начала 1970-х годов. Основными ценностями Сандра были миротворчество, терпимость и ненасилие, любовь и дружба между людьми вне зависимости от их религиозной принадлежности и государственных границ. Сандр занимался проповедью своих идей в том числе и среди хиппи, пытаясь помочь им найти свой путь к Богу и завязать с наркотиками. По воспоминаниям Сандра, он познакомился с Юрой и Бинштоком как раз в тот день, когда те расклеивали листовки. В 1984 г. имя Юры звучало на суде по делу Сандра. Позднее Диверсант переписывался с Сандром и даже выслал ему членский билет «Свободной

инициативы».

В середине 1970-х годов Юра был участником художественной группы «Волосы», лидером которой была художница и хиппи Офелия, исключенная в 1971 г. из МГУ из-за причастности к организации демонстрации 1 июня. Философия и образ жизни участников группы, которую, по словам Батоврина, также можно считать настоящей хипповой коммуной, не вписывались в советскую действительность.

Группа «Волосы» принимала участие в неофициальных художественных выставках, в том числе и в выставке неофициального искусства в ДК ВДНХ в сентябре 1975 г. По свидетельству Батоврина, Диверсант не присутствовал на ней только потому, что накануне был помещен в психиатрическую больницу. Из экспонатов хиппи всем особенно запомнилось сделанное Офелией с помощью аппликаций и вышивок знамя с большими цветными лозунгами «Make Hair Everywhere» и «Мир без границ», на котором были изображены пацифик и земной шар, уколотый шприцем.

По воспоминаниям очевидца, опубликованным в самиздате, хиппи — «юные создания в ярких одеждах», были любимцами выставки: «Вот прошествовала Офелия — мемлинговская мадонна в славянском кумаче, по бокам — прекрасные рыцари: Чикаго, Диверсант, Рыжий, Лайми. Народ отвлекся, заулыбался.

Хиппи чувствовали себя прекрасно. Некрасивых ситуаций для них не существует, к себе они допускают лишь то, что поддается любви: музыку, бабочек, цветы, немногих людей. «Мы стремимся сделать предмет красивым. Художественное развитие? — наверное, мы его просто не замечаем, как не замечает человек, что постепенно становится добрым». Расположились на газоне, под деревцем, разложили на траве кошельки и шелковые нитки, вышивают (мальчики!, читатель). В доброжелательности их есть что-то нереальное — попросили сфотографироваться — сделали это охотно, попросили вышить «Fuck» на курточке — вышили. Картинка — толпа несчастных художников на асфальте и раз-

ноцветные хиппи на травке...».

На выставке в ДК ВДНХ не обошлось без цензурных запретов: «Первой жертвой пал молодежный модерн — хиппи, так и не сумевшие показать свой главный элемент экспозиции — вышитый флаг с надписью «Страна без границ». Они сняли экспозицию, в знак траура опустили разноцветные шары. Сидели в уголке на полу. Ждали понедельника — решение судьбы исчезнувшего ночью флага».

По воспоминаниям Оскара Рабина, «первый день знамя висело, но на следующий день его не оказалось. Отстоять его в течение дня не удалось, и ребята за ночь изготовили второе такое же. Утром принесли, повесили, но результат тот же самый, несмотря на то, что мы ругались с начальством за это знамя. Скандал был капитальный. Заместитель министра по культуре с характерной фамилией — черт шельму метит! — Шкодин, курировавший нашу выставку, кричал: «Это антисоветчина, не может быть мир без границ!» Мы возражали: «Как же так, это вы коммунист, какие же могут быть границы, когда коммуни-

сты захватят весь мир?» (Как они всегда заявляли). Шкодин ответил: «Нет, и при коммунизме будут границы...». В дальнейшем «антиграницные» настроения будут одной из главных составляющей идеологии и Группы Доверия, и «Свободной инициативы».

После выставки о группе «Волосы» написали в зарубежной прессе, на ее участников начались гонения и группа распалась. Удивительно, что в 1982 г. два человека, имевших отношение к группе — Батоврин и Диверсант, почти одновременно основали две разные «низовые» мирные организации. В июне Батоврин и его единомышленники провозгласили создание антиядерной Группы за установление доверия между СССР и США (Группа Доверия). Чуть позже в том же году Диверсант совместно с хиппи-анархистом Сергеем Троянским (1954 — пропал без вести в 2004) создают «Свободную инициативу»⁵.

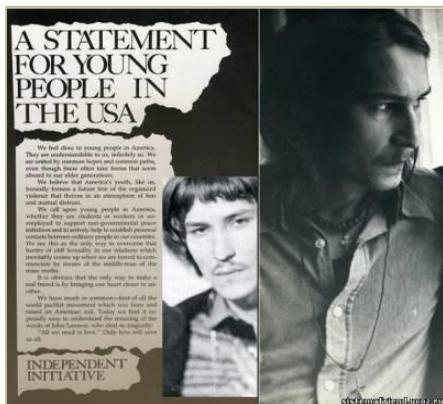
Если верить Юриным публикациям в «Свободе», уже в 1978 году у него возникла идея создания на основе Системы настоящее Движение. Он соста-

вил и распространял в кругу друзей следующий призыв:

БУЛЫЖНИКОМ МОЖНО РАЗБИТЬ ГОЛОВУ, НО НЕ СЕРДЦЕ

Можно, конечно, забыть обо всем и думать, что все, что происходит, случается не с тобой, но как долго, ведь очередь дойдет и до тебя.

Несправедливость складывающихся отношений многие стараются не замечать, но этот покой покупается ценой одиночества, тогда как наше будущее — в силе взаимной привязанности. И если ты считаешь, что чужая боль не должна вызывать твоего сочувствия, то на что же может рассчитывать твоя собственная? Отчужденность, желание уйти от решения наших общих проблем приводит лишь к тому, что толкает одних использовать товарищеские отношения в личных целях и внушает другим более глубокое недоверие ко всякому их проявлению. Мы должны вырваться из круга ошибок нашего прошлого, жизнь продолжается, и было бы обидной несправедливостью оказаться за ее чертой.

Объединим же наши усилия в общем движении гуманизации человеческих отношений, пусть не будет среди нас одиноких и несчастных, отчаявшихся и разочарованных, и тогда ты увидишь, как высыхают слезы на лицах обиженных и возвращается надежда в сердца забытых.

Пока сейчас мы не можем сказать, что победа близка, но если мы решили посвятить себя борьбе с жестокостью и насилием, за сердце «простого человека», мы будем идти по выбранному нами пути, как бы долго это не продолжалось.

Диверсант, Юра.

Юра пытался определить ценности своего Движения и основные вехи его истории. Он

писал, что для хиппи главное — «внутренняя свобода, подкрепленная сильным нравственным чувством каждого отдельного человека». Конечной целью Движения он считал духовную революцию: «Поэтому я могу с уверенностью сказать, что мы действуем единственно из убеждения, исходя из идеалов социального и нравственного изменения общества, провозглашенных пацифистскими движениями 60-х годов, нашей духовной Революции, всколыхнувшей всю планету. Руководствуясь законом, данным нам Иисусом Христом. Тем законом, который ясно гласит, что лучше быть убитым самому, чем убивать других. Тем более, когда имеешь дело с таким народом, как мой»⁶.

Историю Движения Юра начинал с 1 июня 1971 года — дня легендарной антивоенной демонстрации, которая считается несостоявшейся:

«Ретроспектива: 1 июня 1971 года, Москва, центр, Система, демонстрация.

Прекрасное время рождения новых отношений. Конечно, наше движение разделилось: в

то время как одни спешили в полицейское управление продавать свою душу, другие пересчитывали выбитые зубы на асфальтовых полах заплыванных камер. Понимаешь ли ты, что это такое...

Но с самого начала единственным нашим оружием была любовь. Любовь к людям. Это чувство невыразимого страдания, протестующее против существования порядка вещей, делающего одних — карателями, а других — рабами. Мы исходили из того, что нравственное развитие человека и общества может быть возможным только на пути ненасильственной организации всех групп людей. При этом главный нравственный принцип для нас — Свобода. Иначе —

— Руки на затылок, всем сесть!»

В дальнейшей истории своего Движения Юра выделял следующие вехи:

«1974—1976 гг. Начинают развиваться организационные структуры: те, кто еще вчера беззаботно гулял по улице, начинают задумываться, что будет завтра?»

Приобретает размах эмиграция. Те же, кто остался, пытаются выразить себя и как-то сплотиться в организации художественных выставок на частных квартирах, что, в конце концов, после неудачи в Битце, заканчивается грандиозной выставкой-манifestацией, иначе не назовешь, в Измайловском парке, где тысячи духовно близких друг другу людей наконец-то смогли собраться вместе. Здесь можно было увидеть тех, кого не видел уже много лет. Происходит первое соприкосновение Системы с инакомыслящей частью общества.

Улица Горького — «Квартал» (скверик перед зданием Моссовета) по-прежнему остается главным местом «тусовки».

77—79 гг. Система устремилась на юг, где, образно говоря, и «увязла» на линии «Донецк-Харьков-Львов». 1 июня хотя и пытаются встречаться, но происходит это нерегулярно.

8. XII. 1980 г. В Нью-Йорке, четырьмя выстрелами в упор застрелен Джон Леннон. Звезда первой величины, человек, которого можно было назвать

нашим духовным руководителем — убит. Впечатление ошеломляющее. Стихийный траурный митинг на смотровой площадке вблизи Университета разогнан милицией. Потом это траурное молчание на смотровой площадке 8 декабря будет повторяться из года в год, точно так же, как и наши пацифистские демонстрации 1 июня в парке Царицыно. Тусовка перемещается к памятнику Пушкина.

82—84 гг. Образована Группа за установление доверия между СССР и США, чуть позже — «Свободная инициатива». Было составлено обращение к молодежи Америки с призывом консолидировать наши усилия на том пути, у истоков которого стоял Леннон. (Под обращением поставили свои подписи более 300 человек).

85—87 гг. Все большее внимание приобретает группа «Доверие», действие перемещается на Суворовский бульвар».

Установку на восприятие тусовки как Движения мало кто разделял с Юрой⁷. Главным его единомышленником в то время был Сергей Троянский, который

когда-то учился с ним одной школе.

К встрече хиппи в Царицыно в день защиты детей в 1981 году Троянский составил Обращение, которое было помещено в «Архиве самиздата» под названием «К 1 июня 1981 года»:

В 1971 году произошла достопамятная молодежная демонстрация. С тех пор каждый год первого июня, в День защиты детей, на свою демонстрацию в Москве собираются волосатые. Изменился ли с тех пор их внутренний мир, их мировоззрение? Хиппи были дети цветов, и символически 1 июня был их день. Они провозгласили уход из порочного общества лжи и насилия в свой личный мир любви и цветов. Некоторые из них пожертвовали свободой и даже жизнью. За личный мир в тоталитарном государстве дорого платят. Многим плата показалась слишком высокой, и они вернулись. Высока ли плата — на этот вопрос ответят новые.

С тех пор произошло некоторое общественное оживление. Хиппи стали называться паци-

фистами. 1 июня пацифисты коллективно выступают против войны, против атомного оружия, защищают детей мира, своих детей и детей того общества, из которого ушли. Но хиппи не должны забывать, что до тех пор, пока существуют государства, мира не будет. Будут только передышки, более или менее длинные перемирия, заключенные государствами — этими вечно воюющими сторонами.

Как ты, пацифист, относишься к тому, что твой сверстник убит в Афганистане? Спрашиваешь ли ты себя, почему он там оказался? Не потому ли, что Афганистан напал на нас? Или потому, что в твоей стране 250 млн. человек и у нее есть самое современное оружие, а в Афганистане всего 15 млн. человек и нет своего оружия?

Государство имеет своим свойством войну, и чем оно больше и сильнее, тем агрессивнее. Как только какое-либо государство почувствует себя достаточно сильным, чтобы нарушить равновесие в свою пользу, оно не замедлит этого сделать. И на примере Афгани-

стана история опять, в который уже раз, доказывает нам это. Для того, чтобы защитить жизнь твоих сверстников и детей всего мира, нужно коллективное усилие твоих друзей и тебя самого. Коллективное самодетельное выступление в тоталитарном государстве расценивается как помешательство.

Да здравствует коллективное помешательство против атомного оружия государства, за жизнь афганских детей, против войны в Афганистане!

Да здравствует Международный день защиты детей!

Москва — Система

Протест против войны в Афганистане — это уже серьезная антисоветская деятельность. На подобную постановку вопроса в то время не решалась Группа Доверия, и даже в среде диссидентов, не говоря уже о простых советских людях, открытые выступления против войны в Афганистане были чрезвычайно редки⁸. Тема афганской войны и позднее оставалась важной для «Свободной инициативы», которая в 1987 году опубликовала призыв начать кампанию гражданского непо-

виновение против нее.

В 1983 году Троянский написал воззвание «Против смертной казни», в котором призывал хиппи и молодежь вообще к сбору подписей под обращением против смертной казни. «Даже если смертную казнь не отменят, государство будет знать, что это не безразлично его гражданам, — писал он. — А главное, развеется страх коллективным самостоятельным действием. Люди приобретут привычку, опыт активного протеста — делом, единственно возможного и необходимого для каких-то реальных результатов. Если же смертную казнь отменят — гуманность, жизнь победит, а это главное».

Обращение «К молодой Америке», с которого начала свою историю группа «Свободная инициатива», звучало следующим образом:

ОБРАЩЕНИЕ К МОЛОДОЙ АМЕРИКЕ

Нам бесконечно близка и понятна американская молодежь.

Нас объединяет общая боль и надежда, какие бы абсурдные формы она ни принимала в гла-

зах старшего поколения.

И мы верим, что честная молодежь Америки так же, как и мы, видит свое будущее более свободным от организованного насилия, процветающего в атмосфере страха и взаимного недоверия.

Мы призываем рабочую, студенческую и «незанятую» молодую Америку поддержать неправительственные мирные инициативы, выступить за установление личных контактов между простыми людьми наших стран, в чем мы видим единственную возможность преодолеть формализм в отношениях, неизбежно возникающих, когда они опосредствованы средствами массовой информации. Ведь настоящего друга можно найти, лишь соприкоснувшись с ним сердцами.

Нас многое объединяет, и в первую очередь — это пацифистское движение планеты, которое родилось и выросло на американской земле. И сейчас нам особенно ясен глубокий смысл слов трагически погибшего Джона Леннона: «Нам нужна только любовь. Только любовь спасет нас всех».

Под текстом было поставлено 89 подписей, по большей части — представителей Системы. Скорее всего, далеко не все их обладатели знали о существовании этого текста. Похоже, что Юра в большинстве случаев самовольно ставил имена своих знакомых под своими документами, не сомневаясь в том, что они не откажутся подписаться под такими хорошими текстами.

Тем не менее, появление подобного обращения с антиграницными идеями — весьма характерное явление для советских хиппи и некоторых других нонконформистов того времени. В мае того же 1982 года львовский хиппи Алик Олисевиц также решил напрямую обратиться к своим ровесникам за рубежом и от имени группы хиппи и любителей рок-музыки написал письма одновременно в югославский рок-журнал «Džuboks». В нем он сообщал, что во Львове уже долгое время существуют «ячейки хиппи, панков и байкеров», они борются с «обывательством, которое свою жизнь разменивает на ма-

териальные блага», «с консерватизмом и конформистской молодежью, которая приспосабливается к обывательским стандартам». Он обращался к тем своим единомышленникам на Западе, которые не растратили революционный запал в своей борьбе «с обывательством и зависимостью от материальных благ», информируя о том, что во Львове хиппи подвергаются гонениям не только со стороны обывателей, но и со стороны тех, кто пытается «пришить» движению политический отенок. «Но наша политика проста — мы за мир на земле, за дружбу между народами, за свободу и независимость. Мы хотим больше узнать про вашу молодежь. Происходит ли у вас бунт поколений, или у вас понимают проблемы молодых, а молодые — взрослых?», — писал Алик. Письмо с двумя посланными им фотографиями было размещено в журнале, после чего к Олисевичу стали в большом количестве приходить письма из-за границы — из Югославии, Польши, Чехословакии, Венгрии, ФРГ, Франции.

В деятельности Группы До-

верия первых лет ее существования тема преодоления границ, концептуально выраженная в понятии «народная дипломатия», также была основной. Эта группа начала свою деятельность со сбора предложений по развитию низовых контактов между простыми людьми в США и СССР. Примерно в начале марта 1983 года Группа Доверия распространила «Призыв к советским гражданам вступить в переписку с рядовыми сторонниками мира в других странах»:

МИР = PEACE

Дорогой друг!

Настало время, когда каждый человек должен задуматься, каким образом можно поправить жизнь на нашей планете.

На наш взгляд, единственный путь к миру и разоружению — это дружба и любовь между всеми людьми на Земле. Если у каждого из нас будет друг в Америке, Англии или Германии, то это значит, что каждый из нас хотя бы на одну миллионную часть уменьшит вероятность ядерной катастрофы.

Мы должны узнать друг друга и понять друг друга.

Мы даем Вам адреса наиболее крупных антивоенных организаций в различных странах мира. Вы можете направить Ваше письмо в любую из них, адресуя его ЛЮБОМУ РЯДОВОМУ СТОРОННИКУ МИРА (подчеркните эту просьбу в Вашем письме).

Познакомьтесь с ним, напишите ему о себе, поделитесь с ним своими мыслями о мире. Может быть, Вы подружитесь. Если наши дети вырастут друзьями, мы можем быть спокойными за будущее мира.

Общественная группа
«Доверие»

(9 марта опущено в один из почтовых ящиков, Каляевская ул., д. 5., Свердловский р-н, г. Москва).

Чуть позже, в 1985 году, несколько десятков представительниц советского низового мирного движения и контркультуры подписали адресованное вдове Джона Леннона Йоко Оно письмо, где были выражены все те же антиграницно-пацифистские настроения:

Дорогая Йоко!

Мы знаем, Вы были немало удивлены тем, что в СССР Джон Леннон пользуется огромной популярностью и имеет многочисленных поклонников, для которых его песни представляют собой нечто большее, чем незабываемые бо-евики.

Да, очень многие воспринимают Джона Леннона как символ поколения эпохи едва открытого «железного занавеса», как глашатая тех, кто вышел вон из общества и никогда ничего в нем не обретет. Леннон помог нам преодолеть границы между нашими странами, разрушил привычные стереотипные представления о «военном психозе», «милитаристском угаре», «империалистическом разбое» американцев. Содержания его песен, его высказывания по самому широкому кругу жгучих вопросов нашего времени приобрели здесь совершенно особое значение. Леннон приблизил нас к пониманию молодой Америки — носительницы непостижимой тенденции, направленной к постоянному

обновлению. Наконец, его музыка дает всем устойчивые основания для того, чтобы противостоять организованному насилию. Неофициальное молодежное антивоенное движение в Советском Союзе во многом вдохновляемо Ленноном. Влияние, оказываемое на нас его творчеством — огромно.

Нам стало известно, что этим летом на XII всемирный фестиваль молодежи в Москве приглашены такие музыканты из Америки, как Д. Рид и Д. Денвер. Но пусть громче всех будет звучать на нем голос Джона Леннона: Give peace a chance!

По инициативе Попова и Троянского с начала 1980-х годов встречи хиппи 1 июня в Царицыно, которые в 1970-е годы проводились нерегулярно, становятся традицией. Участники «Свободной инициативы» пытаются придать им пацифистский характер. К 1 июня Юра обычно готовил листовки, в которых могли быть, например, такие слова:

Мы выступаем против стереотипа мышления, ориентированного на насилие, власть, враждебность и жестокость, и

верим, что победим — рано или поздно. Мы идем плечом к плечу, и думаю, что внушаем друг другу безоглядное чувство. Не плачь, вспоминая о том, как ты оцарапала себе нос или проколола руку — нам еще будет и больно, и трудно, и обидно, и тяжело, но наша Любовь уже никогда не станет меньше нас — она будет расти, неотвратимо накатываясь на мир, пока последнее зло не захлебнется в пене этого прилива.

Насилие обречено

Вперед к свободе

(1 июня, 2 часа дня,
парк Царицыно)

Группа «Свободная инициатива»

В 1983 году пацифистская активность группы привлекла внимание властей. Как сообщали «Вести из СССР», «в ночь с 31.V на 1.VI.1983 в парке Царицыно в Москве было разогнано собрание пацифистской молодежи, приуроченное ко дню защиты детей. Милиция окружила собравшихся, построила их в колонну по двое и отвела в 143 отделение милиции г. Москвы. Официальный повод для задержания — разведение костров в непопозволенном месте. На другой день парк был целиком оцеплен

милицией. Облава на пацифистов продолжалась до 2. VI. 1983, в ее ходе было задержано 200 чел.⁹ 1. VI. 1983 в парке Царицыно были найдены листовки, призывающие к отмене смертной казни и, по неподтвержденным данным, к прекращению войны в Афганистане. В связи с листовками проводились допросы среди задержанных. В ходе допросов были получены показания, что листовки, якобы, были изготовлены Юрием Поповым. Ю. Попов сейчас находится в 9 отделении ПБ № 14 (Москва, ул. Бехтерева, 15, тел. главврача 114-39-20)».

Арестованному за распространение листовок Юре было предъявлено обвинение по части 3 статьи 224 УК РСФСР

(хранение наркотиков без цели сбыта). «У меня были найдены смехотворные количества садового мака», — рассказывал он позднее в интервью¹⁰. После Бутырской тюрьмы, Института им. Сербского и суда летом 1984 года он был принудительно госпитализирован в психиатрическую больницу специального типа в Смоленской области — Сычевку, а через два года переведен в обычную больницу на станции Столбовая в Чеховском районе Московской области.

Выполнение репрессивных функций по отношению к пацифистам Попову, Троянскому и всем прочим их друзьям облегчалось властям тем образом жизни, который они вели. По сообщению «Вестей из СССР», утром 28 октября 1986 г. в Москве у себя на квартире был арестован Сергей Троянский: «При аресте у него был проведен обыск, на котором были изъяты пишущая машинка, 5 экземпляров брошюры группы «Свободная инициатива», направленной против войны в Афганистане, документы Группы Доверия, брошюра австра-

лийской пацифистской группы CANBERRA PEACEMAKERS «Общественная оборона (о методах ненасильственного сопротивления агрессии)». На следующий день на квартире Троянского был проведен повторный обыск. Обыскивавшие искали на его обуви и одежде следы аэрозольной краски, предполагая, что он был автором надписей, появившихся незадолго до этого на стенах московских домов: «Прекратить позорную войну в Афганистане!», «Горбачев — убийца афганских детей» и тому подобных.

Троянского поместили в «Матросскую тишину», ему предъявили обвинение по той же 224-й статье, он также был переведен в Сычевку. Вскоре арестовали и Алексея Еганова (Джузи), которого Юра считал членом «Свободной инициативы», — все по той же статье. Информация об этих арестах попала на Запад; Попова и Троянского стали считать «узниками мира» и жертвами карательной психиатрии. В 1987 в ПБ находились еще два Юриных друга, которых он причислял к

«Свободной инициативе» — Роман Осипов и Светлана Барабаш, однако каких-либо данных в пользу того, что это произошло хотя бы отчасти по «политическим» причинам, у нас нет.

Диверсант считал, что он сам и, отчасти, Троянский, пострадали за «политическую» деятельность. Рассказывая о своем посещении С. Троянского в Сычевке, он писал: «Конечно, было бы неправдой сказать, что мы не знали, чем кончится для нас организация ряда антивоенных демонстраций, но за определенной чертой сознания понимали, что есть вещи поважнее, чем наше личное благополучие, свобода и даже жизнь — это наша ответственность перед Богом и счастье моего, столько перестрадавшего народа».

Помимо встреч в Царицыно, при участии «Свободной инициативы», начиная с 1981 года, ежегодно проводились митинги на смотровой площадке на Ленинских горах в память о Джоне Ленноне, которого Юра считал «идейным руководителем, наставником» хиппи.

Милиция регулярно разгоняла эти мероприятия. Западные

СМИ сообщали, что «12.XII.1982 «Независимая инициатива» провела пацифистскую демонстрацию на Ленинских горах в Москве во время ежегодного митинга памяти Дж. Леннона. Демонстранты были разогнаны, плакаты с пацифистскими символами конфискованы. В течение нескольких дней после демонстрации несколько ее участников были арестованы по обвинению в «хранении наркотиков». По сообщению «Вестей из СССР», «08.XII.1983 более десятка молодых людей, членов пацифистской группы «Свободная инициатива», собрались в Москве на Ленинских горах, чтобы отметить годовщину гибели Джона Леннона. Один из собравшихся развернул плакат голландского антиядерного движения. Милиционер отобрал и скомкал плакат. Трое из числа собравшихся были задержаны и увезены в милицию». В 1985 году 8 декабря история повторилась: «милиционеры и агенты в штатском разогнали группу лиц примерно в 25 человек, преимущественно хиппи, собравшихся на Ленинских горах

в Москве чтобы отметить годовщину гибели Джона Леннона. Собравшиеся стояли с портативными магнитофонами и слушали песни. Через 5 минут к ним подошли милиционеры и приказали разойтись. Четверых человек, включая членов Группы Доверия, задержали и увезли на милицейских машинах, остальные спокойно разошлись».

Накануне таких встреч Юра распространял от имени «Свободной инициативы» листовки, в которых день памяти Джона Леннона назывался «Днем антивоенного действия»:

ПРИЗЫВ К РОВЕСНИКАМ

— принять участие в акции: День антивоенного действия, 12 декабря, в воскресенье, посвященной памяти Джона Леннона, убитого 8 декабря 1980 г. в Нью-Йорке четырьмя выстрелами в упор.

Нас могут разъединять разные обстоятельства — расстояние, воспитание, состояние и тысячи других причин. Но нам с тобой приблизительно по 25 и это сейчас главное. Одно и то же время формировало нас, со-

здавая образ поколения. Вспомни что-нибудь из школьных увлечений, и в твоей памяти всплывет слово «Битлз» — ты не мог его не слышать...

В то время заросшая голова Джона Леннона оказалась светлее многих стриженных, но не в этом дело, зачем рассуждать, достаточно вспомнить — мы были счастливы...

Времена меняются, светлые детские нотки сменил взрослый усталый бас. Радость легко разрушить, но трудно воссоздать... Что же нам делать?

Что общего мы обнаружим, собравшись вместе? В чем смысл нашего прошлого, и сможем ли мы защитить ценности своего поколения?

«Все, что объединяет людей — есть добро и красота, а все, что разъединяет — зло и безобразия». Л. Н. Толстой. Это великая мысль. А в наше время именно мысль, сознание и творческие способности обретают высшую ценность и абсолютное значение.

Давайте же думать вместе, возьмем на себя этот нелегкий труд.

И мы считаем, что именно

день памяти — 8 декабря, мог бы стать тем общим местом, где могли бы сойтись наши общие, заслуживающие внимания идеалы и интересы, то, что сейчас может сблизить наши такие еще пока разные судьбы. И мы будем искренне огорчены, если возможность нашего реального и воображаемого рукопожатия не состоится.

*Пусть в декабре трещат морозы
и вьюга яростно метет,
Кто может постоять за друга,
на «стрелку» вовремя придет*

До встречи 12 декабря на Ленинских горах, «смотровая площадка» МГУ, метро Университет. 4 часа дня.

Москва, 1982.

После возвращения Юры из больницы, в 1987 году группа «Свободная инициатива» составила Манифест хиппи «Назад пути нет»:

Мы, хиппи — есть. Мы существуем вне зависимости от моды на длинные волосы, тертые джинсы и психоделическую культуру среди обывателей. Для собственного спокойствия ме-

щане стараются видеть в нас лишь отражение пошлых пороков своих мелких натур. Слепцы, везде они видят скучное отражение самих себя.

Наше появление исторически необходимо. Мы — законные дети надежды больной современности. Мы — новая Вера и новая Жизнь. Невозможность, самоубийственность старых одряхлевших идеалов вынуждает жить по-новому.

Мозги ученых рабов, послушных винтиков тоталитарного механического чудовища, услужливо подготовили Конец Света. Планету разъедает рак промышленной революции. Атомные отходы погребут под собой человеческие останки. Хиппи не хотят быть безмозглыми винтиками научного эксперимента, и это рождает Великий Отказ.

Следующая причина Великого Отказа от старого общества — его форма тоталитарного государства, чья диктатура, агрессивно-шовинистическая по природе, приравнивая народ к бессловесному стаду, отправляет молодежь на убой за тысячи километров, дабы утопить в

крови другие народы. Ежедневная угроза термоядерной смерти — вот плод современной политики людей, называющихся правительством.

Третья причина, породившая хиппи во всем мире и особенно характерная для нас, как, впрочем, и предыдущие — обывательщина. Мещанские добродетели возведены в ранг заповедей, в которых свобода воли является главным пороком. Свобода для хиппи — самый ценный дар.

В других странах все перечисленные явления смягчены привычкой, выработанной временем и либерализмом, у нас же они развиты со всей страстью молодости. Поэтому движение хиппи имеет более сильную и естественную основу у нас. То, что зародилось оно в другом месте, объяснимо более мягким климатом. Поэтому на родине движение созрело и разложилось, а мы переживаем новый подъем.

Духовное здоровье людей постоянно ухудшается со времени Золотого века и возникновения первых государств. Общество топчется на месте, все

более заражая это место своими экскрементами. Хиппи — это течение, стремящееся вырваться из загаженного болота. Им близко все то, что произвело человечество в борьбе за свою бессмертную душу.

Лозунги «Свободная любовь», «Делайте любовь, а не войну!», «Будьте реалистами — требуйте невозможного!», «Все люди — братья», заповеди Христа и Магомета, Будды и Кропоткина, Бакунина и Джона Леннона причудливо переплетаются в душах хиппи с максимальной терпимостью идеализма молодости.

Запрещается запрещать — это расширяет границы терпимости. Граница есть, она проходит, отделяя мещанский материализм человека — винтика бездушной машины, функционала общества, государства с его насилием, ксенофобией и тотальным страхом.

Идеализм молодости предпочитает журавля в небе мещанской синице в руках. Вечная молодость бесконечного Сегодня, не задумывающегося о деньгах на старость Завтра. Завтра — смерть, а сейчас —

жизнь, праздник, карнавал в стране без границ, праздник, который всегда с тобой. В этой стране нет тюрем и судей, палачей и войн, властям и богам не приносят жертв насильно.

Время — это невроз.

Люди больны, а мы хотим выздороветь и тем самым вылечить мир. Больной врач не способен лечить других, эта теорема доказана кровью предыдущих поколений.

Мы хотим воли, не ограниченной навязанными насилием законами, а расширяющейся в воле других людей. Мы хотим, чтобы столкновения людей решались любовью, а не насилием. Тогда исчезнут эксплуатация, рабство, ксенофобия, расизм и их следствия — война, убийство, смерть.

Мы хотим вольного труда, а не работы от корня «раб». Вольный труд — первая потребность свободной личности, а не насильственная общественная необходимость и не результат страха перед завтрашним голодом.

Мы хотим гармонии с Природой, а не изнасилования ее для удовлетворения неесте-

ственных потребностей. Современная цивилизация заключается в извращении потребностей, что порождает социальное и экономическое неравенство. В гармонии с природой мы воскресим богов, задохнувшихся в дыму заводов и умерших от рака — болезни всяческих промышленных отходов, и вступим в гармонию с Создателем, как бы он ни назывался.

Мы не первые в желании возвращения Золотого века на землю. Всегда, во все времена были люди, искавшие любви между людьми в гармонии с природой. Они создавали религии, и это кончалось религиозными войнами. Они же создали социальные теории, новую веру в Новое время. Теории тоже привели к войнам, но уже мировым и гражданским. Религии создавались чувством, теории — умом. Наш путь — духовный синтез.

Общество, в котором мы живем, заражает своими болезнями с колыбели, с молоком матери. Непрестанная разрушительная работа идет в семье, в школе, и когда человек болен уже неизлечимо — он сложился для

общества. Вирус этой болезни называется Страх. Страх перед тобой, перед природой, перед всем существующим и несуществующим. Человек не видит своей ужасной болезни, своих увечий, так как окружающие его также увечны. Слепой среди слепых, он не ведает о своей ущербности, не видит окружающего мира. Только со стороны, извне он может узнать о несчастьи.

Хиппи — отщепенец. Только так он может узнать об общей болезни. Знание будет приходить постепенно, по мере усиления оторванности, духовного одиночества.

Общество достаточно нетерпимо, поэтому нарушение многих табу, приобретение запретной привычки позволит вылететь из него на безопасное расстояние. Постепенно у слепого будут открываться глаза, а сознание болезни — начало исцеления.

Но есть предел пользы одиночества. Для лечения духовной болезни на следующем этапе необходимо общение. Яд отщепенства полезен лишь в ограниченных дозах, иначе он убивает.

Для хиппи нет пути обратно, но в своем прозрении он не одинок. Наука любви в общении продолжает духовное исцеление. Боящийся же несовершенен в любви.

Поначалу общение пассивно. Хиппи роднит их нигилизм, общность отказа от старого порядка, репрессии, налагаемые обществом и государством на своих отщепенцев. Но на общности одних только негативных эмоций общение не может развиваться. С полным изживанием старых ценностей возникает духовная пустота, требующая заполнения положительными идеалами. Каждым они вырабатываются в одиночку, и это дает радость, что ты не одинок.

Движение существует уже много лет, индивидуальные идеалы у многих выработаны и требуют своего практического воплощения. Без практики они погибнут, не выдержав организованного насилия жизни.

Следующий шаг — синтез индивидуальных идеалов в общие. Он возможен только во всеобщей любви и при полном искоренении нетерпимости и догматизма. Все зависит от нас

самих: удастся это сделать — мы получим спасение, а иначе — повторим гибельную ошибку наших предшественников, которые благими намерениями выстлали дорогу в современный земной ад.

В синтезе наша основная позитивная цель. Он может быть достигнут только совместными практическими делами, совместным трудом, совместной жизнью. Такая острейшая необходимость давно назрела и испытывается многими, если не всеми. Каждый может найти себе занятие, свободный труд по индивидуальным потребностям и возможностям. Общая судьба сблизила нас, общее дело должно породить братьев и сестер.

Это наш единственный путь спасения, назад возврата нет. Полного воплощения наших идеалов мы можем добиться сейчас, если будем вместе, плечом к плечу с нашими братьями. Старое общество гибнет, оно гниет, и это может ощутить каждый. В джунглях домов и в пустынях улиц хиппи будет новым ковчегом, новой верой жизни грядущего потопа!

Этот текст был опубликован в советской неформальной прессе, а также за рубежом, в журнале «Страна и мир». [...]

Нам не известно, когда была составлена программа группы, но ее «рабочий вариант» образца 1989 года звучал примерно так:

1. Член группы должен найти в людях, ее составляющих, не только духовно, но и просто по-человечески близких себе людей, в том смысле слова, когда несчастье одного становится несчастьем другого. Иначе все остальное не имеет никакого смысла, можно спорить по поводу идеи, но не души — она или есть, или ее нет.

2. Оказывать моральную и материальную поддержку всем находящимся в заключении или изоляции, насколько это возможно.

3. Группа не имеет какого-либо руководства. Свобода выбора и всех принимаемых решений, как и сам выход из группы, не может быть ограничен ничем, кроме как чувством и разумом каждого ее отдельно-го человека.

Придерживаться пацифист-

ских традиций Системы.

Группа выступает за: 1. Отмену смертной казни и радикальное изменение пенитенциарного режима. Прекращение использования принудительного труда заключенных. Всеобщую амнистию, распространяющуюся на всех, находящихся в изоляции. 2. Немедленное изменение процедуры суда и следствия, а также самого Уголовного Законодательства, с целью демонтажа основных его составляющих. 3. Значительное сокращение численного состава Армии и срока службы, с дальнейшей заменой ее Призывом Добровольцев. 4. Увеличение доли участия в общественно-политической жизни общества религиозных организаций и пацифистских групп, то есть объединений людей, действующих ненасильственным образом по убеждению. 5. Гарантии прав собственности на землю и средства производства. 6. А также общедемократических прав и свобод: слова, собраний, печати и ассоциаций, без комментария. 7. Свободный въезд и выезд из страны. 8. Увеличение помощи нуждающимся группам населе-

ния. 10. Создание оппозиционной службы общественной самозащиты.

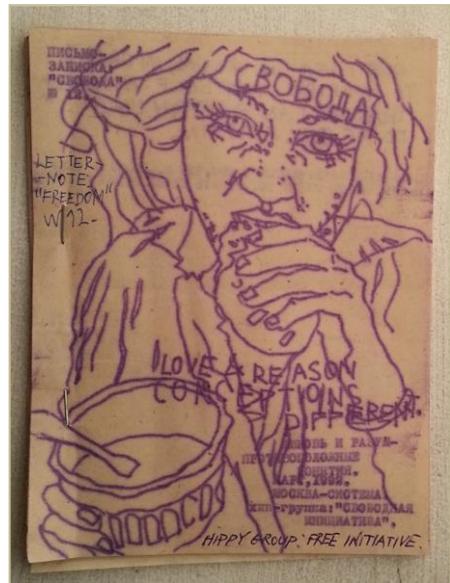
С 1988 года Юра (по всей видимости, один, без помощников) начинает выпускать (печатать на пишущей машинке под копирку) и распространять среди друзей журнал «Свобода». В подзаголовке названия журнала указывалось, что он является «журналом Системы». В качестве группы, выпускавшей журнал, называлась «независимая анархо-пацифистская группа «Свободная инициатива». Согласно аннотации библиографа неформальной печати А. В. Суетнова, «Свобода» — это «издание, представляющее литературное и художественное творчество московских хиппи».

Всего до 1991 года вышло не менее 10 номеров, выпускался ли журнал позднее — пока неизвестно. 1991-м годом датируются лишь отдельные листочки «Свободной инициативы», хранящиеся в личных архивах (например, архиве О. Романенко (Пуделя)).

В архиве Г. Мейтина хранится «Письмо-записка «СВОБО-

ДА» № 12, датированное 1992 годом.

На обложке журнала Диверсант помещал свои рисунки, в которых можно угадать лицо Джона Леннона и других каких-то людей, детей, цветы, солнце, цепи, пацифики и прочие образы и символы. Также обложка и вторая страница содержали разнообразными надписи, лозунги и афоризмы (например: «Любовь не купишь», «Любовь спасает нас», загадочное: «Amnesty 2000/Амнистия 2000», «Не бойся этого, чего ты боишься, все не так страшно, как тебе кажется, все гораздо страшнее»,

«СОЛДАТЫ ГРЕЗ: (Навсегда с теми, кто спит на лавочках и ест на ходу)», «То, чего мы хотим — это никому не нужно» и т. п.).

На первых страницах журнала Юра обычно помещал стихи своих друзей и знакомых (Офелии, Азазелло, Татьяны Душечкиной, Татьяны Кожевниковой, Красноштанника, Иры (Крокотильчика), Славы Боровского (Лорда), Анжелы Сарьяновой, Алексея Дурденко, Оли Ковалевой (Хаи), Надежды Хохловой («Общество сознания Кришны»), Виктора Рябышева (1958—2009), Романа Осипова, Кости Оськина (Манго) (род. 1953), Сергея Васильева (Томми), Игоря Еробкина, Олега Кодесова, Лены Беловой (Дюймовочки), Володи Маркуса (ум. 1979) и других), а также свои собственные. Многие стихи были написаны в психиатрических больницах. Под именами некоторых из авторов было указано, что они покончили жизнь самоубийством.

Значительное место в журнале занимали перепечатки материалов по истории «Движения» советских хиппи: декларации,

тексты листовок к 1 июня, хроника движения, телефоны нескольких десятков хиппи — так называемый «список Дивера». Публикации текстов сопровождались Юриными рисунками и значками. В конце каждого номера давалась краткая характеристика группы «Свободная инициатива», описывались ее организационные основы и программа, приводился список участников группы, в том числе в конце журнала — с адресами и телефонами¹¹.

Важной частью «наивной»¹² политики Диверсанта была международная переписка. Ощущая себя участником транснациональной сети солидарности, Юра писал и отправлял письма в защиту зарубежных диссидентов. Так, например, в № 1 «Свободы» за 1990 год он поместил текст (на английском языке с русским переводом) своего обращения к губернатору штата Висконсин Томми Томпсону:

Господин губернатор, я прошу вас, из соображений гуманности, позаботиться о безопасности индейцев племени чиппе-

ва, в продолжение весны этого, 1990 года.

Благодарю Вас

С уважением

Юрий Попов

В отдельной рубрике «Нам пишут друзья» Юра помещал свою (от имени «Свободной инициативы») переписку с зарубежными единомышленниками, пацифистами и анархистами. Особенно важной для него была переписка с уже упоминавшимся американским пацифистом Кнаппом. Иногда публиковались адреса для желающих переписываться.

Переживая за своих товарищей, оказавшихся в психушках, Юра вел постоянный раздел «Вести оттуда». В нем он печатал письма из психбольниц, в основном, С. Троянского и призывы поддержать морально тех, кто не на свободе.

В 1990-е годы Юра перестал заниматься «Свободной инициативой». Судя по записям в сохранившихся благодаря Оле Тролль тетрадях Дивера, сохранивших в себе черновики статей, справочные записи, рисунки и тому подобное, к этому

времени Юра считал программу «Свободной инициативы» во многом выполненной:

«Мы начали дело 20 лет назад, и в значительной степени (выражаясь социалистическим языком) сняли напряжение в обществе, внеся в него активный творческий заряд.

И то, что сейчас война отодвинулась немного — было сделано нами тогда. Мы так захотели. А не партия и не «народ», неизвестно откуда взявшийся. Реакция же на наше появление (появление хиппи) была отвратной, и она нам не понравилась.

Надо ли было вести себя как-то иначе — не думаю. Мы и сейчас делаем то, что надо делать. А глупые надежды на то, что отдельная группа людей, к тому же и не очень многочисленная, будет до бесконечности впитывать в себя яд, сочащийся из всех пор общества — наивны, в конце концов надо дать возможность ему самому (обществу) почувствовать, как действуют те выделения, которые оно само же исторгает». [...]

Юра погиб в 1999 году при невыясненных обстоятельствах.

В 2004 году Сергей Троянский, который к тому времени уже вел асоциальный образ жизни, пропал без вести. К настоящему моменту практически не осталось в живых людей, непосредственно причастных к истории группы «Свободная инициатива».

Пацифизм в России всегда (начиная с сектантов и толстовцев конца XIX — начала XX века) был явлением культурного, религиозного и социального пограничья. Поэтому не случайно, что описанная история — одна из самых искренних и отчаянных попыток распространения идей мира, ненасилия, человеколюбия — принадлежит представителю Системы. И нет ничего удивительного, что для него она носила характер «паломничества в Страну

Востока» — почти одинокого духовного предприятия, цели и смысл которого понятны далеко не всем.

Диверсант писал наивные дилетантские стихи. В одном из его стихотворений есть такие слова:

*Прекрасный мир, люблю тебя
Прими меня, раскрой объятия
Все люди братья на земле,
Все люди — братья.*

[1976]

Слова «все люди — братья» были в том числе и одним из «девизов» толстовского движения в России, что лишний раз связывает описанный здесь маргинальный проект советских хиппи с традициями российского пацифистского движения.

¹ Система — самоназвание советских хиппи, которое иногда также распространялось и на ряд других смежных сообществ культурного андеграунда позднего советского времени. (*Здесь и дальше — примечания автора*).

² «Красочные и светлые» — такое определение дал знакомым хиппи в своих неопубликованных мемуарах Георгий Мейтин (род. 1958).

³ Возможно, речь идет о декларации (см. ниже), условно датированной 1972 годом.

⁴ Телега — завораживающий собеседника рассказ, иногда достаточно правдивый.

⁵ Информация о том, что в группе «Свободная инициатива» было «около 300 человек» (см., например: OSA 300-85-12. Вох 271. КЛ № 5/83. 15.03. 1983) — большое преувеличение. Причины этой ошибки раскрываются ниже.

⁶ Категория «мой народ» была важна для Юры, что в целом было несвойственно для «советских» хиппи. Это понятие мне приходилось еще встречать лишь в текстах А. Мадисона и В. Байдина.

⁷ Подобная попытка идеализации «системной» тусовки периодически осуществлялась

рижским «политическим» хиппи М. Бомбиним, который называл лагерь хиппи на Гауе, проводившиеся с 1978 года, «пацифистскими лагерями» и «летними лагерями мира», а также попытался дать набросок «идеалистической» истории «советского» хиппизма, причислив его «пусть к своеобразному, но духовному движению»: Бомбин М. Взыскья града // Бюллетень христианской общественности. Вып. 3/4 (сентябрь — октябрь).

⁸ Другой пример выступления хиппи против Афганской войны — «эпизод в поезде», когда 12 ноября 1984 года М. Бомбин, будучи не совсем трезвым, обратился к попутчикам-военнослужащим с речью о недопустимости продолжения войны в Афганистане и о грехе воинской присяги (Вести из СССР. 1986. № 7/8)

⁹ По другим данным — до 100 человек.

¹⁰ «В качестве вещественного доказательства фигурировал изъятый на обыске у него в квартире мусор, который, по заключению официальной экспертизы, не содержал никаких наркотических веществ. Однако, это все же позволило суду в отсутствие обвиняемого признать его «невменяемым» и приговорить к бессрочному лечению в психиатрической больнице специального типа. Более двух лет Юрий Попов провел в снискавшей зловещую известность психиатрической тюрьме в Сычевке, подвергаясь там интенсивному психофармакологическому воздействию».

¹¹ В 1990 году в состав группы Юра, помимо самого себя, включал следующих лиц: С. Троянского, Т. Кожевникову, Р. Осипова, С. Барабаш (Офелию), К. Оськина (Манго), Льва Сегала (отрицает свою причастность к группе), В. Крылова, М. Русакова, К. Мелика, А. Еганова (Джузи).

¹² В данном случае я использую это понятие без всякого уничижительного оттенка, как обозначение феномена стремления «простых», обычных людей к изменению того общества, в котором они живут. См. аналогичный опыт исследования «народных», «наивных» письменных практик как попытку бросить вызов представлениям об официальной «норме»: Николаев О. Биография в зеркале бытовых письменных практик // Право на имя. СПб., 2012. С. 46—60.

Впервые: Хіппі у Львові: Альманах. Вип. 3. Львів, 2015.

Иллюстрации:

1. Царицыно, 1 июня 1981. Юра Диверсант с женой Натальей Кожевниковой.
2. Царицыно, 1 июня 2015 г. *(взято с сайта papa-lesha.ru)*.
3. Юра Диверсант. *(Архив С. Батоврина)*
4. Рисунок Юры, 1989 г. *(Архив Азазелло)*
5. 1980 или 1981 г. 3 Олеся Троянская с Реалистом, Карен Мелик с Наташей, Юра Диверсант, Дима Джезер (в центре). *Фото от Джезера.*
6. «Свободная инициатива» в зарубежной прессе *(взято с сайта sistemafriend.ucoz.ru)*.
7. Будущая «Свободная инициатива», 1983 г. *(Архив С. Батоврина)*
8. Юра Диверсант. *(Архив С. Батоврина)*
9. Обложка журнала «Свобода», № 12, март 1992. *(Архив Г. Мейтина)*

Виктор Гюго

Сила детства

— Убить!.. Застрелить!.. Сейчас застрелить мерзавца!.. Убить!.. Горло перерезать убийце!.. Убить, убить! — кричали мужские, женские голоса толпы.

Огромная толпа народа вела по улице связанного человека. Человек этот, высокий, прямой, шел твердым шагом, высоко поднимая голову. На красивом, мужественном лице его было выражение презрения и злобы к окружающим его людям.

Это был один из тех людей, которые в войне народа против власти воюют на стороне власти. Его схватили теперь и вели на казнь.

«Что же делать! Не всегда сила на нашей стороне. Что же делать? Теперь их власть. Умереть так умереть, видно, так надо», — думал этот человек и, пожимая плечами, холодно

улыбнулся на крики, которые продолжались в толпе.

— Это городской, он еще утром стрелял по нас! — кричали в толпе.

Но толпа не останавливалась, и его вели дальше. Когда же пришли на ту улицу, где по мостовой лежали вчерашние небубренные еще тела убитых войсками, толпа освирипела.

— Нечего оттягивать! Сейчас тут и застрелить негодяя, куда еще водить его? — кричали люди.

Пленный хмурился и только выше поднимал голову. Он, казалось, ненавидел толпу еще более, чем толпа ненавидела его.

— Перебить всех! Шпионов! Царей! Попов! И этих мерзавцев! Убить, убить сейчас! — взвизгивали женские голоса.

Но руководители толпы решили довести его до площади и там разделаться с ним.

До площади уже было недалеко, когда в минуту затишья в задних рядах толпы послышался плачущий детский голосок.

— Батя! Батя! — всхлипывая, кричал шестилетний мальчик, втискиваясь в толпу, чтобы добраться до пленного. — Батя! Что они с тобой делают? Поймай, поймай, возьми меня, возьми!..

Крики остановились в той стороне толпы, с которой шел ребенок, и толпа, расступаясь перед ним, как перед силой, пропускала ребенка все ближе и ближе к отцу.

— А какой миленький! — сказала одна женщина.

— Тебе кого? — сказала другая, нагибаясь к мальчику.

— Батю! Пустите меня к батю! — пищал мальчик.

— Тебе сколько лет, мальчик?

— Что вы с батей хотите делать? — отвечал мальчик.

— Иди домой, мальчик, иди к матери, — сказал мальчику один из мужчин.

Пленный уже слышал голос мальчика и слышал, что говорили ему. Лицо его стало еще мрачнее.

— У него нет матери! — крикнул он на слова того, кто отсылал ребенка к матери.

Все ближе и ближе протискиваясь в толпе, мальчик добрался до отца и полез к нему на руки.

В толпе кричали все то же: «Убить! Повесить! Застрелить мерзавца!»

— Зачем ты из дома ушел? — сказал отец мальчику.

— Что они с тобой хотят делать? — говорил мальчик.

— Ты вот что сделай, — сказал отец.

— Ну?

— Знаешь Катюшу?

— Соседку? Как не знать.

— Так вот, пойдешь к ней и там побудь. А я... я приду.

— Без тебя не пойду, — сказал мальчик и заплакал.

— Отчего не пойдешь?

— Они прибьют тебя.

— Нет же, они ничего, они так.

И пленный спустил с рук мальчика и подошел к тому че-

ловеку, который распоряжался в толпе.

— Послушайте, — сказал он, — убивайте меня, как и где хотите, но только не при нем, — он показал на мальчика. — Развяжите меня на две минуты и держите за руку, а я скажу ему, что мы с вами гуляем, что вы мне приятель, и он уйдет. А тогда... тогда убивайте, как хотите.

Руководитель согласился.

Тогда пленный взял опять мальчика на руки и сказал:

— Будь умник, пойді к Кате.

— А ты что же?

— А ты видишь, я гуляю вот с этим приятелем, мы пройдем еще немного, а ты иди, а я приду. Иди же, будь умник.

Мальчик уставился на отца, нагнул голову на одну сторону, потом на другую и задумался.

— Иди, милый, я приду.

— Придешь?

И ребенок послушался. Одна женщина вывела его из толпы.

Когда ребенок скрылся, пленный сказал:

— Теперь я готов, убивайте меня.

И тут случилось что-то совсем непонятное, неожиданное. Какой-то один и тот же дух проснулся во всех этих за минуту жестоких, безжалостных, ненавидящих людях, и одна женщина сказала:

— А знаете что. Пусть бы его.

— И то, бог с ним, — сказал еще кто-то. — Отпустить.

— Отпустить, отпустить! — загремела толпа.

И гордый, безжалостный человек, за минуту ненавидевший толпу, зарыдал, закрыл лицо руками и, как виноватый, убежал из толпы, и никто не остановил его.

Рассказ представляет собой художественно переработанное Л. Н. Толстым изложение стихотворения В. Гюго «La guerre civile» («Гражданская война»). Рассказ был прочитан Толстым в фонограф 19 апреля 1908 г., впервые напечатан во 2-м издании «Круга чтения», т. III. М., 1912.

Есть короткая экранизация, в которой действие перенесено с французской на русскую почву: https://vk.com/video-83341616_171132447

Искушение в пустыне

Картина И.Н. Крамского

Картинная галерея Альманаха, № 7

От Иордана Иисус пошел в пустыню и там познал силу духа. Иисус пробыл в пустыне 40 дней и 40 ночей без питья и еды.

И голос искушителя сказал Ему: если бы Ты был сын всемогущего Бога, то Ты по своей воле мог бы сделать хлебы из камней; но Ты не можешь этого

сделать, стало быть, Ты не Сын Бога. — Но Иисус сказал Себе: если Я и не могу сделать из камней хлеба, то это значит, что Я не Сын Бога плоти, но Сын Бога Духа. Я жив не хлебом, а Духом. И Дух Мой может пренебречь плотью.

Но голод все-таки мучил Его. И голос искушителя еще сказал Ему: если Ты жив только Духом и можешь пренебречь плотью, то Ты можешь отрешиться от плоти, и Дух Твой останется жив. — И Ему представилось, что Он стоит на крыше храма. И голос искушителя говорит Ему: если Ты Сын Бога Духа, то бросься с храма. Ты не убьешься, а невидимая сила сохранит Тебя, поддержит и избавит от всякого зла. — Но Иисус сказал Себе: Я могу пренебречь плотью, но не могу отрешиться от нее, потому что Я рожден Духом во плоти. Такова была воля Отца Моего Духа, и Я не могу противиться Ему.

Тогда голос искушителя сказал Ему: если Ты не можешь противиться Отцу Своему в том, чтобы не броситься с храма и отрешиться от жизни, то Ты не можешь также противиться Отцу в том, чтобы голодать, когда Тебе хочется есть. Ты не должен пренебрегать влечениями плоти; они вложены в Тебя, и Ты должен служить им. — И Иисусу представились все царства земные и все люди, как они живут и трудятся для плоти, ожидая от нее награды. И голос искушителя сказал Ему: вот видишь, они работают мне, и я даю им все, что они хотят. Если будешь работать мне, то и Тебе то же будет. — Но Иисус сказал Себе: Отец мой не плоть, а Дух. Я Им живу, Его знаю Я в Себе всегда. Его одного почитаю и Ему одному работаю, от Него одного ожидая награды.

Только тогда искушение прекратилось, и Иисус познал силу Духа.

«Единение», № 3, 1916.

Иван Николаевич Крамской (1837-1887) создал эту картину в 1872 году. Она была высоко оценена Академией художеств и приобретена для Третьяковской галереи. Л. Н. Толстой писал, что «это лучший Христос, которого я знаю».

Календарь литературных дат на ИЮНЬ

3 июня 1945: ум. русский писатель В. В. Вересаев (р. 1867). «Записки врача», пов. «Два конца», воспоминания о Л. Н. Толстом.

4 июня 469 до н.э.: р. великий древнегреческий философ Сократ (ум. 399 до н. э.). Учитель философа Платона.

6 июня 1799: р. русский поэт А. С. Пушкин (ум. 1837). Поэмы «Евгений Онегин», «Цыганы», «Братья-разбойники», пов. «Станционный смотритель», стих. «Воспоминание», «Наполеон» и др.

6 июня 1841: р. польская писательница Элиза Ожешко (ум. 1910). «Братские узы», «В зимний вечер», «Колдунья», «Торгаш Гедали», пов. «Хам», «Юлианка».

6 июня 1946: ум. немецкий писатель Герхарт Гауптман (р. 1862), Ноб. премия 1912 года. Пьеса «Ткачи».

7 июня 1794: р. русский религиозный философ П. Я. Чаадаев (ум. 1856). «Философические письма», «Апология сумасшедшего».

7 июня 1967: ум. рус. поэт С. М. Городецкий (р. 1884). «Нищая».

9 июня 1843: р. австрийская писательница-пацифистка и организатор международных антивоенного движения Берта фон Зуттнер (ум. 1914). Роман «Долой оружие!»

9 июня 1870: ум. великий английский романист Чарльз Диккенс (р. 1812). Романы «Повесть о двух городах», «Девид Копперфильд», «Оливер Твист», «Лавка древностей», «Большие ожидания», «Домби и сын», пов. «Колокола», «Рождественская песнь».

10 июня 1921: Основан Государственный музей-усадьба Льва Толстого «Ясная Поляна». «Комиссаром-хранителем» музея была назначена Александра Львовна Толстая.

12 июня 1893: ум. русская поэтесса и переводчица Анна Павловна Барыкова (р. 1840), сотрудница издательства «Посредник».

12 июня 1990: в СССР отменена цензура.

13 июня 1857: в Лондоне А. И. Герцен выпустил первый номер журнала «Колокол», первого русского оппозиционного издания.

13 июня 1886: ум. великий русский драматург А. Н. Островский (р. 1823). «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется» и др.

13 июня 1894: ум. русский художник Н. Н. Ге (р. 1831), близкий единомышленник Л. Н. Толстого. «Что есть истина?», «Гайная вечеря», портрет и бюст Л. Н. Толстого, илл. к «Чем люди живы».

14 июня 1811: р. американская писательница Гарриет Бичер-Стоу (ум. 1896). Роман «Хижина дяди Тома».

15 июня 1865: р. русская писательница Л. А. Авилова (ум. 1942). Расск. «Власть», «Первое горе» (входит в «Круг Чтения») и др.

15 июня 1898: в США образована «Американская антиимпериалистическая лига», ставившая целью борьбу против захватнической политики США в отношении Филиппинских островов, а позднее и Кубы. В 1901-1910 вице-президентом Лиги был Марк Твен. Распущена в 1921.

18 июня 1936: ум. русский советский писатель Максим Горький (наст. А. М. Пешков, р. 1868). Рассказы из цикла «По Руси», «Дружки», «Емельян Пиляй»; интересные, но неадекватные воспоминания о Л. Н. Толстом.

19 июня 1623: р. Блез Паскаль (ум. 1662), французский философ, математик и физик. «Мысли», «Письма к провинциалу».

21 июня 1858: р. И. М. Трегубов (ум. 1931), последователь Л. Н. Толстого, автор ряда статей по сектантству и массовым насильственным действиям.

21 июня 1914: ум. Берта фон Зуттнер (р. 1843).

28 июня 1712: р. французский мыслитель эпохи Просвещения Жан-Жак Руссо (ум. 1778), всегда высоко ценимый Л. Н. Толстым. «Исповедь», «Эмиль, или О воспитании» (особенно «Исповедание веры савойского викария»), «Новая Элоиза».

29 июня 1861 ум. английская поэтесса Элизабет Браунинг (Р. 1806). Поэма «Плач детей» о тяжелом детском труде на фабриках.

Дискуссия об отношении христиан к войне

---

11 ноября 2015 года на страницу в Живом Журнале «Недодумки протоиерея Вячеслава Рубского (Одесса)» (<http://prot-vjacheslav.livejournal.com/74699.html>) была перенесена с моей страницы «Антология ненасилия: Отношение первых христиан к войне»; эта подборка составлена Н. Н. Гусевым по книге М. А. Таубе. Христианство и международный мир, 1905 (см. наш Альманах, № 3).

После чего состоялась дискуссия, начало которой см. в № 4 нашего Альманаха.

ОТДЕЛЬНАЯ ВЕТВЬ ДИСКУССИИ

Андрей (как он сам пишет, патриот Украины), *18 ноября*:
В полиции, по Вашему мнению, христианам служить можно?

Я: Андрей! По моему мнению, лучше не стóит. Над полицейским всегда будет висеть угроза стать причиной умышленного или неумышленного убийства или хотя бы искалечения человека. В том числе своих же мирных граждан: демонстрантов, забастовщиков.

Андрей:

"Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. Для сего вы

и подати платите, ибо они Божии слугители, сим самым постоянно занятые".

Разве в данном случае апостол Павел говорит не о полицейских? Разве осуждает полицейских?

Я: Во-первых, Павел здесь говорит о том, чтобы подчиняться властям, а не о том, чтобы участвовать в их деятельности – это разные вещи. Если человек не выберет работу полицейского, то в этом так же не будет неподчинения властям, как если он не пойдет работать врачом или пожарником.

Во-вторых, посмотрите на жизнь и смерть Иоанна Крестителя, Иисуса Христа, почти всех апостолов, множества ранних христиан – они делали только добро, а получили от властей не похвалу, а смерть. Казнь за деятельность, которая в их время являлась нарушением установленных законов. В том числе и Павел, призывавший повиноваться властям не за страх, а за совесть, точно так же принял смерть от "слуг Божиих", "которые не напрасно носят меч" и страшных только "делающим злое". Вся их жизнь на что больше похожа: на то, что утверждается в первой цитате, или на то, к чему призывает вторая?

"Петр же и Апостолы в ответ сказали: должно повиноваться больше Богу, нежели человекам" (Деян. 5.29)

Андрей:

Что касается полиции, то времена ап. Павла полицейские функции выполняла армия, потому слова Павла относятся к военным.

Я: В Ваших последних комментариях нет возражений на мои основные утверждения.

После некоторой дискуссии о том, можно ли христианину быть воином, Вы мне задали вопрос: "В полиции, по Вашему мнению, христианам служить можно?" Я так понял, что спрашивается именно мое мнение, и о настоящем времени. По крайней мере, о том периоде истории, когда военная и полицейская службы разде-

Дискуссия об отношении христиан к войне

лены. Иначе вопрос: можно ли христианам служить в полиции? сливается с вопросом: можно ли христианам служить в армии? А на него я и так по мере сил отвечаю в основной ветви дискуссии.

Ап. Павел здесь говорит о том, чтобы подчиняться властям, а не о том, чтобы участвовать в их деятельности – это разные вещи. В нашем мире принудительного призыва на полицейскую службу нет, поэтому если человек выберет не работу полицейского, а какую-то другую, то в этом не будет никакого неподчинения властям.

Представление о власти, которая поощряет только за добрые дела и наказывает только злые, соответствует реалиям Нового Завета с точностью до наоборот. Иоанн Креститель, Иисус Христос, почти все апостолы, в том числе и сам ап. Павел, делали только добро, а получили за это от властей не похвалу, а смерть. И судьба Иоанна Златоуста говорит о том же: вступился за несправедливо обижаемого властями человека – возник конфликт с властью предержавшими – едва избежал смертной казни – умер в ссылке; и это уже при властях, считающихся христианскими. Власть предержавшие поощряют за дела, нужные этим властью предержавшим, и наказывает за дела, мешающие этим властью предержавшим – независимо от того, добрые они или злые. Христа – распяли, а Варавву – отпустили.

Предписание о том, чтобы подчиняться властям не за страх, а за совесть, т.е. выполнять все требования властей, опять же, не соблюдались Иисусом Христом и апостолами, в том числе и ап. Павлом. За это они и были казнены. И не соблюдали не по слабости и недоразумению, а потому что без этого нарушения законов невозможно было ни проповедовать, ни исповедовать христианскую веру. Если бы они выполняли все требования властей, то мы ничего не знали бы о христианстве, и нашей сегодняшней дискуссии просто не было бы.

Андрей:

Вы совершенно справедливо вспомнили Христа, Иоанна Крестителя, апостолов, Иоанна Златоуста... Но мы не об этом.

Неделю назад французские полицейские и спецназовцы в Париже перебили почти всех мусульманских террористов, которые убили более 120 человек. Полицейские согрешили? Отлучить их от причастия? Не воевать с терроризмом?

Я: Это опять же отдельный вопрос.

1. Разумеется, согрешили, еще как.

2. Если эти полицейские были христианами (а, скажем, не коммунистами или буддистами и т.п.), а Вы являетесь главой общины, к которой они принадлежат и спрашиваете у меня совета, – то отлучить. Поступить так, как это написано у Ипполита и в решениях Первого вселенского собора и, я уверен, когда-то исполнялось на деле. А если Вы не являетесь главой их общины, или они не являются христианами – то они не спросят с нас решения этого вопроса, они решат это как-нибудь без нас.

3. Если Вы являетесь главой правительства Франции, или начальником ее спецслужб, и одновременно христианином, и спрашиваете у меня совета, то я, опять же, процитировал бы Ипполита: "гражданский магистрат должен уйти в отставку или будет отвергнут [из общины верующих]" – нечего делать христианам во власти.

Но прежде спросил бы: а почему Вы, господин Президент, раньше со мной не советовались, когда посылали свои войска в родные для этих террористов страны? Я уж не вспоминаю предыдущие века, когда Вы, наравне с другими, грабили и насиловали эти страны, радуясь, что Вам за это ничего не будет, потому что они находятся на столь низком техническом уровне, что практически безоружны. Вы считаете себя невинной жертвой, требующей отмщения? – а, думаете, они не считают себя такой же невинной жертвой Запада, которой поэтому дозволено всё? Вы меня спрашиваете: что делать с ними? – а они вполне могли прийти и так же спросить меня: а что делать с вами?

Вы старались там, на Востоке, насилием бороться с тем, что Вам

Дискуссия об отношении христиан к войне

казалось главным злом на планете, и устанавливать там, у них, опять же насилем, свой порядок, кажущийся Вам единственно верным. Теперь они пришли к Вам на Запад, насилем бороться с тем, что им кажется главным злом на планете и, если получится, устанавливать у вас, опять же насилем, свой порядок, кажущийся им единственно верным. Вы так уверены, что Вы чем-то отличаетесь от них? – только если количеством жертв. От Ваших рук на сегодняшний день погибло больше.

А чем Вы думали, господин Президент, когда всем этим политическим исламистам продавали оружие? – ведь Франция один из крупных поставщиков оружия, так же как Россия, США и еще ряд стран. Вы торговали смертью – и думали, что эта смерть – чужая; что Вам это так сойдет, а убьют из этого оружия кого-то там и где-то там, а Вас и Вашей страны это не коснется, Вы получите только прибыль? Вы покупали у них нефть и тем снабжали их деньгами, чтобы им было на что купить это оружие, радуясь, что всё так дешево. О чем Вы думали, только о том, чтобы заработать на их проблемах свои деньги?

Господин президент, я несколько не радуюсь тому, что погибли Ваши граждане. Тем более, что это обычные граждане, а не представители Ваших силовых структур. И я несколько не хочу, чтобы завтра такие же террористы убили граждан России и США.

Но Вы же умный человек и должны понимать, что к чему. Вы же не думаете, что террористы появляются просто так, ни с чего? Или что они приехали из дурдома? Они приехали с войны, организованной в том числе и Вами. Вы думаете, что сегодняшний день есть нечто совершенно отдельное от вчерашнего?

Поймите меня правильно, если я не признаю права на насилие за Вами, то я не признаю этого права и за ними. Несколько я этим политическим исламистам не сочувствую. И не считаю, что если они когда-то были угнетены, то теперь имеют право на месть. Ничего подобного. Я не признаю этого права ни за кем.

Я верю, что порядок в мире будет образовываться не после того, как все добрые люди поубивают всех злых, а по мере распростра-

нения ненасилия. Но Вы не можете его распространять, не перестав заниматься прямо противоположным. А если Вы скажете, что пока Вы находитесь во главе мощного государства и в Ваших руках власть, армия, полиция, – в таком положении вообще смешно рассуждать о христианстве и ненасилии; пока будут враги, Вы будете их давить, а не любить, для того Вы и сидите в этом кресле – то еще раз вспомните, что предписывал Ипполит. Человек прежде всего человек, христианин, а потом уже Президент. Если в своем кресле он не в состоянии исполнять христианские принципы, – нечего в этом кресле ему делать. А если это кресло Вам дороже, то не надо у меня ничего спрашивать.

С уважением и надеждой, ...

Вот. А если Вы не являетесь президентом Франции, то это – неподлежащий вопрос, то есть вопрос, который перед Вами и передо мной – перед обычным человеком-христианином, в реальности не стоит и потому ответа не требует.

Мне кажется, Андрей, что и Вы сами в предыдущих комментариях писали нечто подобное.

(Андрей ранее хорошо написал, отвечая другому человеку:

Думаю, что христианство, в отличие от иудаизма, ислама, др. религий, имеет своим адресатом не человечество, народ, государство, страту, класс, но только человека, семью и Церковь. В христианстве нет внятных ответов на разного рода глобальные вопросы. Я вообще сомневаюсь, что человека глобальные вопросы по-настоящему волнуют. То есть человека что-то беспокоит, что именно он не понимает, поэтому своё беспокойство он облекает в форму глобального вопроса. ИМНО, единственный вопрос, который интересует человека звучит так: "Как мне следует поступить в данной ситуации?" На этот вопрос в христианстве ответ есть всегда: Декалог, Заповеди блаженства, Нагорная проповедь, дела милосердия и т.д. Христианство – это искусство рождения нового человека, а не наука построения благополучного общества на земле.)

Дискуссия об отношении христиан к войне

Андрей: Даже не знаю, что Вам сказать. Мы не слышим друг друга. Я приводил выше выдержки из посланий Афанасия Александрийского и Василия Кесарийского. Канонический статус этим посланиям был придан решением Шестого Вселенского Собора. То есть мы знаем, что делать. Получил повестку – иди служить. Отправили в зону АТО – вой. А вот статья кем-то вроде Михаила Суркова (снайпер, убивший более 700 человек) – нет, совесть говорит, что это уже слишком.

Я: Да, есть два подхода:

(1) военная служба несовместима с христианской верой; выражен в писаниях первых веков;

(2) призвали – служи, приказали убить – убей; выражен в писаниях последующих веков; в последующую эпоху также было извлечено из ранней и канонизировано всё, что только могло подержать этот новый взгляд.

Эти подходы несовместимы, признавать их одновременно невозможно, т.е. сказать, что во все века был единый взгляд на этот вопрос – невозможно. Под словом "христианское отношение к военной службе" нужно понимать либо (1), либо (2). Мне думается, что правильно понимать (1),

= так как такой подход лучше согласуется с Нагорной проповедью, евангельским идеалом, словами о любви к врагам и т.п.;

= так как такие взгляды разделяли ранние, то есть наиболее близкие к источнику истины, христиане; если мнение Энгельса и Брежнева отличаются друг от друга, то под словом "марксистский подход" я буду понимать мнение именно Энгельса, а не Брежнева, что бы он сам о себе не говорил.

"А вот статья кем-то вроде Михаила Суркова (снайпер, убивший более 700 человек) – нет, совесть говорит, что это уже слишком."

Значит Вы тоже действуете не автоматически подчиняясь государственным требованиям, а сами разбираете, что по совести, а что – слишком. Для ранних христиан не убийство 700 человек, и даже не убийство 1 человека, а уже сама обычная военная служба была

слишком. Слишком далека от евангельских идеалов.

= так как второй подход ничем не отличается от языческого; от взглядов противников христианства в его раннюю эпоху, например, Цельса;

= так как второй подход сформировался в ту эпоху, когда христиане подпали под государственный контроль и сели на госбюджет, то есть все их действия и решения стали несвободны. И в последующую эпоху: как только какая-либо группа христиан выходила из-под госконтроля и слезала с госбюджета, их взгляды начинали меняться от (2) к (1).

Но Вы можете понимать под этим словом и (2) – в любом случае, мы на этой странице рассматривали именно (1).

Андрей, 25 ноября:

Спасибо, Виталий. Ваша позиция понятна. Все тезисы, антитезы, аргументы и контраргументы изложены, синтезис невозможен, дальнейший разговор будет хождением по кругу. Спасибо за интересную беседу и за добродушное отношение к собеседникам. С уважением, Андрей

Я: И Вам спасибо, Андрей.

Думаю, что всё писано не зря, определенная польза есть: по крайней мере, сам для себя упорядочил свои аргументы и взгляды. С уважением, Виталий.

Из переписки с читателями

В № 2 нашего Альманаха мы уже помещали многочисленные отклики наших читателей на выпуск первого номера. Получали мы такого же рода письма и в дальнейшем.

Неоднократно нас спрашивали: когда Альманах начнет выходить в обычном бумажном виде? — к сожалению, этот вопрос так и остается нерешенным.

Среди напечатанного нами в №№ 2—5 читателями особенно были отмечены следующие материалы: в № 2: «Обращение к ПС» И. Овчаренко и записи И. Пайкина, рассказы С. Т. Семенова; в № 3: ряд материалов, посвященных теме «Женщины» и отдельно сказка А. П. Барыковой «Грибы»; в № 4: «Почему Л. Н. Толстой не утопист» Р. Алтухова, два обращения И. Овчаренко о войне на Украине, «Дискуссия об отношении первых христиан к войне» и очерк А. С. Пругавина «Сютаевцы»; в № 5: «Революция и права человека» В. Адаменко, статьи И. Овчаренко и В. Адаменко о 9 Мая и «Плоды ненасилия» А. Фетисова.

Приведем здесь два интересных письма от наших читателей.

При чтении [№ 4] пришла мысль: что мне сделают власти, если я откажусь платить налоги на военные расходы? В принципе это не проблема, поскольку я присяги не принимал. Но я не мог решить этот вопрос по той причине, что невозможно отделить военные налоги от невоенных. А теперь пришла мысль: пусть они сами отделият на основании пропорциональности военной статьи по отношению к остальным. Жаль только что я сейчас безработный. Если бы так поступил каждый, правительство бы сразу зашевелилось бы. Желая тебе всего наилучшего!

Другой наш читатель по прочтении двух обращений И. Овчаренко о войне на Украине в № 4 написал:

Прочитал я про любовь и как остановить войну в Украине. Ду-

маю, — это не толстовство. Толстой не стал бы любить Путина, Сталина, Гитлера или Чикатило.

На что редакцией был дан ответ: Толстой считал, что нужно проявлять любовь ко всем людям. А особенно любовь Божеская проявляется в любви к врагам. Хилков из ссылки спрашивал у Л.Н.: как любить Ирода? подразумевая современных ему "иродов". Толстой отвечал: я не знаю, **как** именно любить Ирода, но точно знаю, что **нужно** любить Ирода. Точно то же и по отношению к современным. Они же не первые такие на земле. И во времена Толстого и во времена Христа были ровно такие же.

По поводу двух статей о 9 Мае в № 5 в соцсети В Контакте появился такой комментарий:

"Существование армий" — опять же, не корень зла. Корень — "суеверие насилия", т. е. проявление в социально-значимом поведении индивидов результатов психо-соматических (имеющих даже свою биохимию) реакций в их мозгах соединения бессознательных атавистических животных программ и канализирующих направление их срабатывания идеологических вербальных матриц. Проще говоря: слово (и устное, и печатное — например, на пропагандистских плакатах) имеет **материальную** силу. (...) Капля по капле, разик за разиком — деформировать всю систему взглядов, реакций... Это используется тысячи лет: со времён слогана "Carthago delenda est" вплоть до современных выпусков телевизионной "аналитики". Вот почему "совращение малых сих", т. н. военно-патриотическое воспитание детей и молодёжи, являющееся с точки зрения современных психологических и религиозно-этических знаний гнусным (хуже педофилии) преступлением взрослых против детей и страшным грехом, одновременно продолжает быть "важной государственной задачей". И вот почему изначально (до сер. 60-х) **отмечающийся** молодыми ветеранами день 9 мая стал официальным "праздником" некоей "победы". Вы правы (...): народы побеждают, пока **не дают втянуть** своим правительствам себя в войну (хоть теми же обманом и подкупом). Начали войну — это уже поражение. Конец бойни — только конец бойни, а не "великая Победа".

